

Россия против глобального неолиберального фашизма в свете новейшей теории ультраимпериализма

коллектив аналитического
журнала "Фотон"

Аннотация.

Марксисты приняли как непреложную истину то, что империализм является высшей и последней стадией капитализма, потому что так свою известную работу назвал Ленин. Но правда заключается в том, что работа при жизни Ленина называлась совсем иначе, и капитализм не может перестать меняться по волшебному заклинанию, которое раз и навсегда определит ему последнюю форму.

Практика разных марксистских групп по всему миру показывает, что подавляющее большинство из них продолжает придерживаться империалистического миропонимания. Исходя из него, они строят агитацию и пропаганду, свои теоретические модели. Но они оказываются не в состоянии дать исчерпывающее в рамках империалистической парадигмы описание мира, игнорируют наличие транснационального монополистического капитала, отсутствие реальной конкуренции между национальными рынками и самое главное — они отказываются рассматривать те метаморфозы, которые произошли в рамках империализма на фоне противостояния с огромным социалистическим блоком. Даже маленькая, но гордая Парижская коммуна заставила воюющую буржуазию солидаризоваться — неужели гигантский СССР и его союзники никак не повлияли на империализм за 45 лет после окончания Второй Мировой войны?

На это и рассчитана данная книга. В этом смысле она запоздала лет на 15-20. Уже давно кто-то из марксистов должен был актуализировать ленинские положения, взять на себя смелость переосмыслить с точки зрения материалистической диалектики и классовой теории события последних ста лет и найти теоретическую модель, описывающую современное положение дел и чётко указывающую на ту практику, которой необходимо заниматься для приближения коммунизма. Редакция журнала «Фотон» попыталась провести эту работу и предлагает свой результат всем заинтересованным читателям.

Предисловие.

Эта книга — результат более двух лет работы. В ней редакция журнала «Фотон» провела анализ развития современного капитализма за последние 100 лет. Необходимость этого анализа стала особенно отчётливо видна после начала СВО, когда марксисты и люди, называющие себя марксистами, встали на одну и ту же теоретическую позицию — описание современных событий с точки зрения империализма, который сформулировал Ленин, — но пришли к прямо противоположным выводам. И те и другие в итоге оказались в хвосте борьбы за общественное сознание. В ходе анализа выяснилось, что современный империализм представляет собой далеко не то же самое, что описывал Ленин. Изменяется ли капитализм при наличии сильного соцблока, претендующего не его смену? Описывает ли ленинская теория империализма появление настолько крупного монополистического капитала, что тот переплетает национальные экономики в единый пучок для обслуживания собственных интересов?

Во введении мы описываем проблему применения ленинской теории империализма к современному миру и ставим конкретные вопросы, в первой главе даём свои ответы на эти вопросы, а далее показываем на конкретных примерах актуальность полученных выводов. Также в конце книги есть ссылки и развернутые комментарии по отдельным моментам, которые могут углубить понимание нашей теории.

Внутренние дискуссии и обсуждения стали тем фундаментом, который позволил перерасти ряду разрозненных заметок в цельное произведение.

Вступление.

Призрак бродит по планете – призрак империализма. Но почему-же только призрак? Многие люди заявляют, что самый настоящий империализм уже давно обосновался на планете, и именно в рамках логики империализма стоит рассматривать все происходящие процессы. Главным аргументом тому служит то, что Ленин назвал империализм высшей стадией капитализма, а так как капитализм мы не преодолели, то и империализм всё ещё остаётся с нами. Такой подход к вопросу отнюдь не марксистский. В конечном счёте Ленин никогда не давал универсальных формул, так как догматизм чужд марксизму. К тому же «высшей стадией» Ленин при жизни империализм не называл.

В этом легко убедиться, если обратить внимание на раннее издание книги «Империализм как высшая стадия капитализма»¹. Там чёрным по белому значится «Империализм как новейший этап капитализма». И это название целиком и полностью соответствует научному стилю – Ленин описывал тот капитализм, который наблюдал в практической действительности. Более того, в самой книге он указывает, что за 60 лет капитализм преодолел несколько стадий (1860-1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции, монополии едва заметные зародыши. После 1873 года широкая полоса развития картелей, но они ещё исключение, они ещё не прочны, они преходящее явление. Подъём конца XIX века и кризис 1900-1903 годов, картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни, капитализм превратился в империализм), перед тем как перейти к форме империализма. И это логично – материалистическая диалектика исходит из того, что абсолютно ко всему вокруг следует относиться, как к процессу, и общественно-экономические формации не исключение. Но когда дело доходит до анализа текущих событий, современные марксисты отходят от этой мысли, берут ленинское понимание империализма как абсолютное и с ленинской меркой подходят к современным исследованиям. То есть за 60 лет, с середины XIX века до начала XX, капитализм видоизменялся и преодолел несколько фаз. А после того как Ленин написал свою работу, по прошествии более 100 лет капитализм так и остался тем самым

ленинским империализмом? Не увидит ли знакомый с материалистической диалектикой человек здесь вопиющего несоответствия?

Это несоответствие вытекает не только из логических предположений – оно рельефно проявляет себя, когда применяешь ленинские категории к современной практике. Противостояние России с Западом наглядно продемонстрировало, как исходящие из ленинской теории империализма коммунисты не способны прийти к объективной истине. Марксистское движение России и мира поделилось на два больших лагеря, которые прибегают к одному и тому же источнику, к одним и тем же книгам, зачастую к одним и тем же цитатам, но приходят порой к прямо противоположным выводам относительно СВО, роли России и США в конфликте и, самое главное, – к тому, как следует действовать коммунистам, кого поддерживать и с чем бороться. Как относиться к сложившейся ситуации с точки зрения ленинского определения империализма? Со времён Ленина прошло 100 лет, и следовало бы сперва задаться вопросом: имеем ли мы дело с тем же самым империализмом, который анализировал Ленин?

Мы пришли к выводу, что нет, представление о современном мире не может базироваться на тех выводах, которые сделали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, хотя бы потому что они анализировали конкретную реальность в конкретный исторический момент времени. Их взгляды верны фундаментально, но требуют развития ввиду колоссальных изменений, произошедших в буржуазном мире за последние десятки лет. Кто их не замечает или считает малозначительными, обычно просто принимает положения классиков на веру без попытки провести собственный анализ. Иронично, что сами классики за такой подход нещадно клеймили бы таких «марксистов» начётчиками и врагами коммунистического движения.

Гениальность Ленина в обобщении. Маркс, Энгельс и многие их последователи не формализовали такое понятие, как «империализм». Все предпосылки к его возникновению имелись уже при них, ведь его основой является всё тот же капитализм. Однако именно при Ленине империализм оформился, именно

Ленин его научно описал. Он создал ту научную категориальную базу, с помощью которой марксисты могли анализировать актуальную им реальность. Через призму ленинской теории империализма можно было видеть прогрессивные и реакционные процессы в движении социальной материи, понимать, с кем работать и с кем воевать, чётко осознавать внутреннюю логику капиталистических процессов в любой точке планеты. Но эта призма не универсальна, она создавалась в конкретных условиях и сегодня нуждается в доработке.

Используя одни и те же теоретические положения марксисты приходят к прямо противоположным выводам. Одни считают борьбу России с НАТО прогрессивной, потому что НАТО – «большой империалистический хищник, чем РФ». Им в рамках теории империализма весьма справедливо указывают, что выявлять больших и меньших империалистов глупо, ведь в этой логике и в Первой мировой войне следовало бы поддерживать самого слабого империалиста. Также приводятся доводы в пользу «формирования второго империалистического блока», в противовес этому приводятся доказательства, что союз России, Китая, Ирана и КНДР не империалистический и встречает отпор в виде внешних военных экспансий. Круговерть этих доводов и доказательств идёт очень долго. В итоге все смотрят через одну и ту же призму, приходят к противоположным выводам и остаются при своём. И ни одна из сторон всерьёз не задумывается о том, что причина тому - привязка к теории империализма Ленина, которая не учитывает видоизменения капитализма при наличии сильного социалистического блока.

Целью данной книги является попытка дать ответ на выше поставленный вопрос: имеем ли мы дело с тем же самым империализмом, который анализировал Ленин? Редакция журнала «Фотон» задалась им несколько лет назад. Базируясь на материалистической диалектике, мы попытались проследить процесс видоизменения империализма под давлением со стороны социалистического блока. Эта тема не поднималась ни одним из классиков марксизма, между тем она крайне важна для понимания текущего момента. Все

мы были историческими свидетелями того, о чём не могли подумать ни Маркс, ни Ленин. На протяжении практически века на планете соседствовали две принципиально разные общественно-экономические формации, причём не только соседствовали, но и активно враждовали. Было бы весьма странно для марксиста предположить, что это противостояние никоим образом не повлияло на эти две формации. Как под воздействием буржуазного блока изменился блок социалистический, мы знаем – он был уничтожен. Но ведь и буржуазный блок серьёзнейшим образом изменился. Выявление этих изменений и их роли в формировании современного мира необходимо изучить, чтобы чётко понимать, с чем мы имеем дело и как перевести теорию в практику. Это предпосылки нашего исследования.

Мы надеемся на дискуссию в коммунистическом движении России и мира по поводу нашей позиции. Только при широком обсуждении нашей концепции можно выявить её сильные и слабые стороны, пригодность или непригодность для текущих задач коммунистов мира.

Империализм после Великого Октября.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции надломила империалистическое господство в мире. Самое слабое звено этой цепи было прорвано, марксисты исходили из того, что это приведёт к падению всей системы империализма. Однако этого не произошло. Отчего же?

Большевики подписывали Брестский мир с кайзеровской Германией в ожидании скорейшей немецкой революции, которая аннулировала бы этот договор. Так и получилось, однако революция не выполнила всех своих целей ввиду слабости субъективного фактора, хотя объективные предпосылки к победе прогресса были.

Измученный четырехлетней войной немецкий народ всё больше хотел прекращения авантюры Вильгельма. Становилось ясно, что Германия не выиграет в этом противостоянии, но правительство не готово было отступить. Нужна была только искра, чтобы разжечь пламя народного негодования. И такая искра нашлась.

Во время подготовки одной из морских операций немецкие матросы заподозрили неладное. Их собирались бросить против кратно превосходящих британских сил, что привело бы к заведомо ненужной гибели многих бойцов. Это вылилось в так называемое Кильское восстание в ноябре 1918 года. Новости о нём быстро разнеслись по Германии и стали своеобразным катализатором и без того зревшего недовольства.

Развитие сценария было очень похоже на то, что имело место в России во время Февральской революции. Кайзер становился всё более неуютен как верхам, так и низам; буржуазия требовала его отставки. Рейхсканцлер империи Максимилиан Баденский передал бразды правления государством главе Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Фридриху Эберту и принял положение об отречении кайзера Вильгельма, о котором тот узнал постфактум. Созывается своего рода Временное правительство – Совет народных уполномоченных, возглавляемый СДПГ.

Казалось бы, одна из старейших в мире социал-демократических партий получила всю полноту власти в Германии: осталось только прекратить войну и начать курс на сближение с Советской Россией. Но СДПГ в полной мере продемонстрировали свою социал-демократическую сущность, навсегда сделав формулировку «соцдем» ругательной среди марксистов. Война не прекратилась, предприятия не были национализированы, крупный капитал продолжил править государством.

СДПГ и до этого проявляли свою антимарксистскую сущность. Так, в начале Первой мировой войны Второй Интернационал принял решение о недопустимости поддержки своего национального правительства в грядущей войне. Но СДПГ уже в 1914 году полностью поддержали кайзера и в ногу с крупным капиталом раскручивали маховик немецкого милитаризма. Уже 4 августа они проголосовали за военные кредиты, аргументируя это тем, что не могут бросить отечество на произвол судьбы. Они напрочь позабыли, что отечество пролетария и отечество буржуазии – это разные понятия.

Парламентаризм в Германской империи развивался куда быстрее, чем в Российской. Уже в 1890 году социал-демократы получают много мест в Рейхстаге. В то время как большевики в России собирались тайно, вели подпольную деятельность и использовали Думу исключительно для демонстрации её никчёмности, немецкие социал-демократы уже прилипли к своим депутатским местам, и весь их марксизм почти полностью выветрился. Пока Ленин нещадно боролся со всеми оппортунистическими движениями: экономистами, меньшевиками и богостроителями², в СДПГ принимались красные болтуны, которые могли водить рабочего человека за нос. Остались только лозунги, которыми они прикрывали политику соглашательства с буржуазией. Фактически они поставили ещё одну ногу на горб и без того придавленного пролетариата.

Потому СДПГ не смогла воспользоваться ситуацией и толкнуть Германию влево. А ведь уже в это время по образцу России в Германии стали формироваться советы рабочих и солдатских депутатов, фактически, народное

правительство. По вопросу того, как именно использовать советы в регулировании назревшего кризиса, в СДПГ случился раскол. Карл Каутский выступал за то, чтобы сделать их полноценными органами власти³, в то время как большая часть СДПГ хотела использовать их в качестве временных органов власти. На фоне этого конфликта от СДПГ откололось крыло, которое стало называться НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии. История расколов на этом не кончилась. Самое активное крыло в НСДПГ – Союз Спартак во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург – отчётливо понимало, что следует готовить вооружённое восстание по примеру большевиков. Они не смогли убедить в этом большую часть членов НСДПГ, откололись и образовали КППГ – Коммунистическую партию Германии. Но было уже поздно.

Несмотря на готовый к левому повороту народ, несмотря на уже созданные Советы по примеру России и недовольство солдат войной, КППГ попросту не успела завоевать достаточной поддержки среди масс. Не было у них ни популярного журнала или газеты, ни связей с рабочими на местах, ни чётко выстроенной организационной структуры. Партия может работать только как единый боевой организм. Всё это привело к тому, что большую роль в Советах стали приобретать агитаторы из СДПГ, и революционный запал сошёл на нет — в сторону соглашательства с буржуазией. С Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург расправились уже в начале 1919 года, и КППГ осталась без шанса на успех.

Немецким коммунистам не хватило именно сплочённой, централизованной, боевой партийной организации ленинского типа. Владимир Ильич выстраивал её почти 15 лет, нещадно боролся со всеми соглашательскими уклонами. Не зря он планомерно повышал роль Центрального Комитета в партии, потому как в период важнейших событий ячейки на местах должны полностью подчиняться центру, который сможет планировать действие на много шагов вперёд. Не зря Ленин спорил с Троцким, который выступал за широкую самостоятельность региональных ячеек⁴, и экономистами, которые говорили, что партия вовсе не

нужна. Именно построение мощной партийной организации в конечном счёте стало одним из главных факторов успеха Великой Октябрьской социалистической революции.

Провал революции в Германии и дальнейшее потрошение её империалистическими хищниками застопорили распространение революции дальше. Но была образована громадная страна с принципиально иным общественно-политическим устройством — СССР. На тот момент империалистический мир не воспринимал СССР, как серьёзную угрозу⁵. Буржуазия и её обслуга не верили в успех социалистических методов хозяйствования и рассчитывали на то, что экономическая и дипломатическая блокада СССР приведёт к его разрушению. Но умело пользуясь глобальным кризисом, который разразился в буржуазном мире после Первой мировой войны, большевики смогли найти силы, специалистов и средства на проведение индустриализации.

Почему именно этот путь был избран? Почему не «экспорт революции»? Некоторые левые как XX века, так и современности искренне были уверены и до сих пор уверены в том, что решение окопаться в СССР, пытаться развивать отдельно взятую страну и привели к провалу всемирной социалистической революции. Они обвиняют в этом политику сталинизма, называют её «антимарксистской». Но происходит это оттого, что они её не понимают или понимают половинчато: условную линию разграничения между Сталиным и Троцким прокладывают по вопросу о построении социализма в отдельно взятой стране. Троцкисты утверждают, что Сталин якобы не хотел разжигать пожара мировой революции, а желал строить более прогрессивную общественно-экономическую формацию в одном только СССР, а Троцкий видел необходимость в использовании советских ресурсов для «перманентной революции»⁶. Сегодня идею о том, что необходимо проводить революцию во всех буржуазных странах, приписывают только Льву Давидовичу, однако это величайшая теоретическая нелепица. Каждый марксист понимает, что переход от капитализма к коммунизму должен произойти во всём мире — вопрос в

методах достижения этой цели.

В действительности же и Сталин желал разжечь огонь прогресса по всему миру⁷. Разница с Троцким заключалась в том, что вождь советского народа не был идеалистом-романтиком, а являлся продолжателем дела Ленина, его умелым учеником. Как Ленин понимал необходимость анализа конкретной действительности с позиции материалистической диалектики, видел необходимость поступать в той или иной ситуации так, как диктуют условия и цели, так и Сталин не желал бездумно бросаться на амбразуру буржуазного мира. Колоссальный энтузиазм народа необходимо было направить на решение капиталистических проблем, которые буржуазия в Российской империи не успела разрешить, поэтому думать о внешних интервенциях и тратить ресурсы только на них было бы губительно.

Сталин пошёл по другому пути. Он согласился на положение СССР как осаждённой социалистической крепости, которую со всех сторон подпирают буржуазные хищники. Он понимал, что эта крепость будет беспрестанно развиваться. Развитие её вызовет недовольство буржуазного мира – ресурсы и рабочая сила СССР крайне необходимы капиталистам разных стран. Долго рисовать образ кровавого тоталитарного ада на земле у буржуазных пропагандистов не выйдет – СССР покажет свою мощь, социальную политику, докажет, что можно управлять обществом без эксплуататоров. Это неминуемо вызовет социальное давление на капиталистов в буржуазных странах. С этим давлением они смогут справиться, лишь идя на уступки пролетариату и тем самым ослабляя себя. Сталин строил социализм в отдельно взятом государстве не как самоцель, а как инструмент давления на буржуазный мир. Исходя из исторической практики, мы видим, что результат оказался оправдан. Социалистический блок за срок нахождения Сталина у руля партии и советского общества сильно вырос, и СССР стал центром принципиально нового полюса. Буржуазии Запада приходилось уступать пролетариату.

После Второй мировой войны буржуазия поняла, что социалистический блок представляет для него угрозу. Великий Октябрь стал своего рода вакциной,

которая постепенно уничтожала вирус капитализма. Но любое действие имеет противодействие. Под угрозой со стороны социалистического блока буржуазный мир сделал то, что делает любая общность при внешней опасности — он консолидировался. Используя своё удачное положение и финансовые возможности, США направили колоссальные ресурсы на восстановление Европы и этим самым её закабалили. Перед прибылью капитал не остановится ни перед чем, но есть для капитала кое-что важнее прибыли — собственное существование. Вчерашние империалисты увидели мощь социализма и осознали, какую угрозу Человек Трудя сулит буржуазному миру. Ради защиты они временно отказались от своих империалистических амбиций и всецело подчинились одному самому крупному хищнику — США. Так империализм перерос в ультраимпериализм.

Многие современные марксисты (М. Попов, Е. Волкова и другие) сегодня впроброс говорят, что при Ленине было несколько империалистических группировок, которые грабили мир, сегодня она одна. Под «одной группировкой» они подразумевают НАТО и других американских сателлитов. Однако кому, как не марксистам, знать, что количественное переходит в качественное, причём не только лишь путём увеличения количественного, но и путём его уменьшения. При увеличении температуры вода превращается в пар, но при её уменьшении — в лёд. Так и с империализмом. На наш взгляд, империализм развился в принципиально иную форму, которая требует принципиально нового анализа для понимания нынешних политэкономических процессов в мире. Но наша теория ультраимпериализма — это далеко не то, что вы могли читать у Каутского.

Каутский рассматривает ультраимпериализм, как состояние капиталистического мира, к которому он может прийти органически в ходе своего развития. То есть рано или поздно борьба буржуазных империалистов приведёт к такому состоянию, в котором их экономики будут столь плотно переплетены с явной диктатурой одного из мировых игроков, что мир перейдёт в принципиально новую стадию. В ней, согласно Каутскому, империалисты перестанут воевать

друг с другом, так как максимально глобализованная экономика сделает это невыгодным⁸. Удар по потенциальному конкуренту грозит тем, что империалист ударит по своим же активам, и по итогу доходы от войны будут всегда ниже, чем расходы на неё. Соответственно, прогрессивным силам человечества необходимо приближать такое состояние мировой экономики. Во-первых, это прекратит войны - самый главный порок классового общества, и, во-вторых, прогрессивным силам будет легче в таком случае двигать человечество к коммунизму, ведь останется лишь постепенными реформами и усилением экономических связей добиваться социальных благ и большего освобождения человечества. Таким образом теория ультраимпериализма Каутского исходит из эволюционного, то есть органического перехода капитализма в коммунизм через стадию ультраимпериализма.

Этот подход был разбит Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», и разбит безапелляционно. Но наша теория ультраимпериализма сильно отличается от теории Каутского, мы фактически позаимствовали из неё лишь удачное название формы мирового капиталистического общества. В нашем понимании, ультраимпериализм как тип мирового хозяйствования буржуазного мира сложился не органически, а ввиду противостояния капиталистического и социалистического блоков. Вторая мировая война сильно ударила по развитым буржуазным экономикам Европы. Человечество увидело триумф социализма в СССР, который одолел первую армию мира. Коммунистические партии по всей Европе становились более популярными. Внутренними силами буржуазия Европы не могла справиться с социальным давлением и обратилась за помощью к изрядно разбогатевшей на Второй мировой войне американской буржуазии, которая помогла восстановить европейскую экономику и вместе с тем сделала её крайне зависимой от Вашингтона. Были созданы наднациональные структуры управления, первую скрипку в которых играли США.

Необходимость противостоять социалистическому блоку заставила буржуазный мир неестественно измениться, временно отбросить свою субъектность,

хищническую сущность, по крайней мере, по отношению друг к другу. Если ранее империалисты представляли собой независимых чудовищ, то теперь они оказались объединены одним экономическим телом и, сохраняя лишь малую субъектность, стали в основном двигаться в фарватере американской политики и экономики. Любые попытки не допустить этого, например, выступление генерала Де Голля, встречали госперевороты с целью привести к власти политиков проамериканского курса. Таким образом и сложилась система ультраимпериализма, которая явилась логичным ответом на противостояние с социалистическим блоком и своеобразной мутацией буржуазного мира. Внутри государств ультраимпериализма формировались два очага власти буржуазной диктатуры: одни выступали за проведение национальной политики, фактически стремились сделать своё государство подлинно империалистическим и вернуть ему клыки, а вторые проводили политику ультраимпериализма, делая своё государство лишь частью мирового механизма во главе с США. До последнего времени доминировала именно вторая группа.

С поражением СССР в холодной войне мир ультраимпериализма накинута на новые территории. Таким образом система продлевала свое существование, ведь без внешнего фактора в виде давления социалистического блока надобность в системе ультраимпериализма начала пропадать. Буржуазные элиты, намеренные обрести политэкономическую и империалистическую субъектность, постепенно стали концентрировать в своих руках всё больше власти, встречая сопротивление со стороны американского истеблишмента в той или иной форме. На сегодняшний день ультраимпериализм всё ещё сохраняется, но под весом внутренних противоречий постепенно распадается. Ультраимпериализм – это такая форма империализма, которую он приобретает для защиты капитализма от коммунистической угрозы. Подобно пружине, которая при сдавливании изменяет свою форму, империализм изменился под давлением социалистического блока. С исчезновением давления — с уничтожением социалистического блока — мы увидели процесс распада ультраимпериализма, то есть распрямления этой самой пружины. Наша теория

ультраимпериализма дополняет ленинскую теорию, не описывающую капитализм при наличии сильного социалистического блока.

Что такое империализм? Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, вывоз капитала приобрёл большое значение, начался раздел мира международными трестами. Однако данное определение не учитывает сложившиеся после Второй мировой войны наднациональные институты, которые вносят существенные коррективы в мировой порядок. Например, МВФ сильно зависит от ФРС США, так как большая часть финансовых операций мира теперь производится в одной единственной валюте – долларе, к которому привязаны и остальные крепкие валюты. До 1 января 1999 года ему не было прямого конкурента, именно тогда появился евро, который и без того сильно зависит от МВФ. Господство одной единственной валюты напрямую контролируется одной единственной страной, и уже это говорит нам о том, что та форма капитализма, которую мы видим сегодня, отличается от той формы капитализма, которую видел Ленин.

Теперь финансовый капитал большинства развитых буржуазных стран зависит от национальных Центробанков. Национальные Центробанки в свою очередь зависят от МВФ, который зависит от американской ФРС. Зависимость отнюдь не такая, как представляют себе некоторые популисты, что все руководители ЦБ — это агентура США (более подробно об этом в следующих главах). Таким образом даже национальный финансовый капитал становится вторичен по отношению к мировому финансовому капиталу, который напрямую зависит от США. Оттого и международные корпорации по большей части оказываются не вполне самостоятельными игроками⁹.

Можно увидеть попытки национального капитализма вырваться из-под контроля США. Создание Еврозоны тому пример, разговоры о необходимости Европы занять собственные вооружённые силы в противовес НАТО, то есть США, тоже¹⁰. Это элемент распада ультраимпериализма, постепенного возвращения мира к классическому империализму. Внешнее давление

социалистического блока исчезло, потому необходимость в одном империалисте, которому остальные империалисты отдают свою политическую и экономическую субъектность, отпадает.

Отрицает ли разрабатываемая нами теория нового ультраимпериализма ленинскую теорию империализма? Нет. Она её дополняет и показывает то, как под воздействием внешнего социалистического фактора видоизменяется империализм, как он переходит в несвойственную даже для себя фазу абсолютного господства одного империалиста. Тотальная централизация власти в опасной ситуации была свойственна человечеству всегда – от выбора себе диктатора в Римской республике на время внешней или внутренней опасности, угрожавшей государству, до занятия Сталиным всех командных постов (Председатель Совнаркома, Генсек ЦК, Председатель ГКО) для отпора нацизму. Мир классического империализма по Ленину – мир постоянной борьбы империалистов между собой в рамках того, что весь мир представляет из себя буржуазных хищников и их добычу в виде отсталых колоний. Мир нового ультраимпериализма – мир приостановки борьбы империалистов между собой для защиты от социалистического влияния; мир тотального господства самого сильного империалиста, который определяет всю политику и экономику других империалистов, готовых пойти на это в целях сохранения собственного существования. Сегодня же мы наблюдаем мир распада этой системы под весом внутренних противоречий. Это как наблюдать за пружиной, на которую перестали давить.

Процесс распада ультраимпериализма можно было наблюдать уже в 1990-х годах, именно тогда появился Евросоюз. Российская пропаганда пытается сегодня полностью уравнивать США и Европу, показать их абсолютно единым блоком с общими интересами. Некоторые могут видеть в нашем термине «ультраимпериализм», который по большей части как раз и применим к этим же регионам, тот же смысл. Но это неверно. Мы не называем свою теорию, к примеру, «моноимпериализмом», потому что в рамках системы ультраимпериализма в мире не остаётся только лишь один империалист.

Империалистические тенденции в экономике и политике сохраняются у подавляющего числа развитых буржуазных государств. Однако ввиду специфического положения в рамках деформированного буржуазного мира, который образовался из-за соперничества буржуазного и социалистического блоков, региональные империалисты вынуждены в большинстве стратегических вопросов подчиняться воле ультраимпериализма. Так, именно с целью ослабления ультраимпериализма в Европе был создан ЕС и введена зона евро.

Некоторые уверены, что ЕС и евро появились достаточно давно, но это не так. Евросоюз появился в 1993 году, уже после развала СССР. Зона евро была утверждена в 1991 году, а расширяться стала ещё позже. Казалось бы, что мешало европейским странам ещё раньше объединиться в единую политэкономическую зону сразу после Второй мировой войны или спустя небольшое время? Зачем было ждать почти 50 лет?

Дело в том, что во второй половине XX века США оказались в центре системы ультраимпериализма. Ввиду своего положения и ресурсов, а также наиболее современных разработок в оружейной сфере именно они стали защитниками буржуазного мира от «социалистической угрозы». И тогда европейские хищники добровольно сдали свои империалистические клыки в пользу США, но они всё ещё оставались и остаются империалистами по сути. Это была временная уступка, чтобы не допустить волны социалистических революций, которые произошли бы (как минимум, по мнению империалистов) из-за давления рабочих движений внутри буржуазных стран и внешней политики СССР.

Но СССР пал, и региональные империалисты захотели вернуть свои клыки. В противовес им встают элиты ультраимпериализма, руководители транснациональных корпораций, которым это вовсе невыгодно. В рамках тотального доминирования ультраимпериализма все государства образуют собой единое экономическое пространство, а политические акторы становятся всё менее значимыми. Так рождается неолиберализм, который призван вовсе

изгнать государство из экономики и оставить лишь «чистую рыночную экономику»¹¹, способную самостоятельно регулироваться. Рыночные законы уже давно приватизировали крупнейшие транснациональные игроки, потому в случае полной победы неолиберализма во всём мире именно этим игрокам будет принадлежать всё.

В свою очередь региональный империализм, чтобы вернуть свои клыки и вновь начать вгрызаться в мир для расширения своих возможностей, освоения новых рынков сбыта и расширения своего влияния, будет вынужден идти по пути протекционизма – будет за волосы себя тащить из болота неолиберального глобального мира. Это тяжело, но этот процесс необходим для обретения политэкономической субъектности. Идти по этому пути легче в краткосрочном союзе с кем-то. Именно на этом основании зиждется здание ЕС.

Созданный в 1993 году, он должен был создать единое политэкономическое пространство конкретно для Европы, чтобы помочь европейским странам выработать единые механизмы обретения политэкономической субъектности. Ходили даже разговоры о необходимости создать собственные военные структуры и отказаться от НАТО, но они были быстро свёрнуты, хотя и продолжают мелькать в заявлениях европейских политиков по сей день.

Стоит более многогранно и комплексно смотреть на Европу, не только лишь как на полностью принадлежащий США придаток. В настоящее время Штаты делают всё возможное, чтобы зарубить стремления Европы к политэкономической независимости, используя как грубые методы (создание барьера между РФ и Европой в лице Украины, Польши и Прибалтики, уничтожение «Северного потока», навязывание опасной миграционной политики), так и более мягкие в виде дотаций и постоянной прослушки европейских лидеров ради компромата¹². Но это не означает, что в случае слабости США, когда конструкция ультраимпериализма начнёт шататься сильнее, европейский региональный империализм не скажет своего веского слова. Возможно, именно его выход из-под вассалитета ультраимпериализма и ознаменует падение этой системы.

Так как ультраимпериализм является защитной реакцией буржуазного мира на появление сопоставимого по силе социалистического блока и в случае поражения последнего распадается под весом внутренних противоречий, национально ориентированные буржуазные элиты стремятся вернуть себе империалистическую субъектность. Естественно, США пытаются сохранять действующую систему, а именно ослабляют экономику Европы и не позволяют РФ в полной мере обрести империалистическую субъектность. Наша теория объясняет, как относиться к СВО: этот конфликт заостряет противоречия ультраимпериализма и тем самым приближает его распад. Наша теория позволяет корректировать действия на будущее, ведь после победы рабочих в той или иной стране, после утверждения сильного социалистического блока мы можем быть уверены в том, что буржуазный мир вновь объединится в химеру ультраимпериализма или, по крайней мере, попытается это сделать. Следовательно, в настоящее время вести действительно серьёзную коммунистическую борьбу несвоевременно, так как именно стремление регионального империализма нарастить мускулы неизбежно приведёт его к необходимости индустриально развиваться, а значит и фабрично-заводской пролетариат – опора коммунистической партии – начнёт играть всё большую роль в обществе. При разрушении глобального характера экономики¹³ производственный сектор в каждом государстве, как и сто лет назад, станет двигателем всей экономики¹⁴, вытеснив сферу услуг с лидирующих позиций. Что же делать в сложившейся ситуации коммунистам? Как ни странно, для начала следует сверить часы и календари, то есть отразить в теории то, что происходит на практике. Большинство скажет, что это «ничегонеделание». Но без понимания момента, без достаточного развития выводов марксистской науки и без усвоения марксистского метода¹⁵ (усвоив его в достаточной мере, любой человек отказался бы от безрезультативных попыток уже сейчас бежать "строить партию") различные «знатоки марксизма» предлагают объединяться, занимаются экоактивизмом и борьбой за права женщин, различных меньшинств и так далее. Они упрекают любого, кто не согласен идти по этому пути,

нарекают «бездельником», который не хочет включаться в практику. Однако вся история рабочего движения показывает, что ранний старт без отработанной теории приносит гораздо больше вреда даже по сравнению с буддийским отрешением от любой борьбы.

Само зарождение марксизма в России связано с подобным конфликтом. Плеханов и его товарищи, которые впоследствии организовали группу «Освобождение труда», считали нецелесообразным революционную практику народничества¹⁶. Народники, как и современные левые, считали, что следует организовывать массы тогда, когда к этому нет никаких предпосылок, без чёткой теории и плана, личным примером тащить российский народ в социализм. К чему это привело? К убийству Александра II и разгулу реакции на фоне этого — многие перспективные кадры были сожжены в горниле александровской полицейщины, а «бездельники», то есть Плеханов и его товарищи, занимались сугубо теоретическими разработками, отстаивали марксизм в рабочем движении и стали интеллектуальными учителями и предшественниками Ленина. По итогу их вклад в освобождение России в стратегической перспективе оказался куда больше, чем у окунувшихся с головой в практику идеалистов, коими сегодня является подавляющая часть «практиков» и различных левых блоггеров.

Как и практика народников, практика современных «светочей левой мысли» бесполезна и даже вредна. Их деятельность не приносит никаких результатов — это бьёт по моральному духу их сторонников, приводит их в уныние, заставляет отойти от политического активизма, а то и вовсе найти себе пристанище в других политических течениях. Люди, которые пока лишь наблюдают за политическими движениями, рано или поздно так же будут вынуждены политизироваться — накаляющаяся сковорода реальности заставит их это сделать. И к кому они пойдут? К леволибералам¹⁷, которые под маской марксизма не достигли абсолютно ничего, или к иным политическим силам. Практикой можно было бы заниматься, если бы перед ней стояла отработанная теория. Но вместо этого леволибералы, используя догматы столетней давности,

мнят себя большевиками, и оттого кричат «оба хуже», оскорбляют российских солдат и отказываются участвовать в низовой активности (даже в гуманитарных сборах), чем отворачивают от себя (и от марксистской парадигмы вообще) коллективы не определившихся рабочих. Про их «борьбу за политических заключённых» и вовсе говорить не приходится. Готовя «всемирную акцию поддержки Бориса Кагарлицкого», который признан иноагентом, экстремистом и террористом, они смогли лишь развесить пару десятков листовок и вывести трёх людей во Франции, несколько в Германии и... всё¹⁸. Вот и вся «всемирная акция». Здравомыслящий человек посмотрит на это, плюнет и пойдёт к кому угодно, только не к левым.

Не готовые идти на контакт и дискуссию, окукливающиеся в своём мнимом великолепии леволибералы Рудые (иноагент), Садонины, Сёмины, Батовы, Бондаренко и прочие уже, судя по всему, примечают себе будущие портфельчики народных комиссаров и председателей ЦК. Они бьются головой о стену, им больно и неприятно, но они даже не пытаются найти дверь и винят всё — от самой стены до пола и потолка, — только не собственное нежелание учиться и постигать марксизм не по букве, а по духу.

В этом отношении постепенное пробуждение регионального империализма, в том числе российского, начинает иметь двоякую тенденцию. Это пробуждение возвращает мир к классическому империализму, что приведет к новой мировой войне, но и одновременно с этим же создает предпосылки к действительно социалистическим преобразованиям ввиду того, что региональным империалистам придется вести войну между собой. Покуда региональный империализм бьет по ультраимпериализму — он прогрессивен, но поскольку региональный империализм сам стремится стать ультраимпериализмом, он максимально реакционен. Тем самым перед региональными империалистами встает вопрос развития собственного индустриального производства, а значит увеличения фабрично-заводского пролетариата, который и является могильщиком капитализма. Региональным империалистам это потребуется для максимально возможной экономической независимости. Общую стратегию

коммунистов в этом случае можно сформулировать как «шаг назад для того, чтобы сделать два вперёд».

Значит ли это, что коммунистам нужно поддержать действия РФ на Украине? Для начала надо ответить на вопрос, а представляют ли собой коммунисты на данный момент реальную политическую силу. Сегодня коммунисты таковой силой не являются, поэтому ставить такие вопросы фундаментально неверно. Сначала нам нужно объединиться на фоне единого понимания реальности (мы для этого предлагаем свою теорию ультраимпериализма), и только потом централизованно решать такие вопросы. А даже если бы являлись, то необходимо было бы готовиться к наступлению классического империализма, потому как активное выступление против СВО играет волей-неволей на руку ультраимпериализму — транснациональному монополистическому капиталу. Это не значит, что нужно солидаризоваться с российской буржуазией, необходимо разъяснять её истинную сущность и интересы народу.

Эта позиция созвучна с позицией Ленина касательно Корниловского мятежа. Как же большевики поступили тогда? Неужто Ленин призвал воспользоваться ситуацией, чтобы свергнуть Керенского и взять власть, или, напротив, говорил, что вмешиваться в конфликт не нужно, потому что «оба хуже»? Нет, большевики бок о бок с войсками Керенского защищали Петроград, и вот как Ленин это аргументировал:

«Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать её нельзя. В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова? В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в

этом видоизменение»¹⁹.

Современный мир, с точки зрения политэкономии, — далеко не то, что наблюдал перед собой Ленин. В работе «Империализм как новейший этап капитализма» он описывал всемирную драку финансовых капиталов, которые полностью захватили национальные рынки и начали разрастаться дальше, вступая друг с другом в конфликты и порождая тем самым империалистические войны. Они шли на временные союзы друг против друга, развивали внешнюю торговлю, но представляли собой независимых экономических субъектов. Само наличие финансового капитала предполагает сильную промышленность, которую банки развивают и попутно захватывают ради сверхприбылей. В чём отличительная характеристика текущего момента? Как можно было бы сформулировать определение современной политэкономической конфигурации капиталистического мира? Мы имеем перед собой ультраимпериализм — политэкономическую систему, при которой национальные рынки и их хозяева — финансовый капитал — были вынуждены максимально консолидироваться друг с другом для противостояния сильной социалистической угрозе и подчиниться вожаку в лице одного государства, который сможет обеспечить национальным капиталам защиту от интернациональной силы пролетариата. В процессе этой консолидации, которая носила стратегический характер, национальные рынки и финансовый капитал этих рынков всё больше теряли свою политэкономическую субъектность, становились всё более зависимыми от образовавшегося глобального рынка, который стал общим экономическим телом консолидированного империалистического мира. Но на любом рынке рано или поздно появляются свои монополисты. Так и на глобальном рынке сформировались крупнейшие транснациональные корпорации, которые сосредоточили в своих руках столь огромные ресурсы, что весь глобальный рынок стал работать исключительно в их интересах. Так консолидированный империализм стал трансформироваться в ультраимпериализм. Произошло это приблизительно к 1970-1980 годам, с политикой рейганизма и тэтчеризма, когда начал проклёвываться транснациональный монополистический капитал,

который приобретал всё больший вес в мировой политике. Этому способствовали принятие международных и наднациональных договоров, которые открывали пути капиталам, финансам и товарам по всему буржуазному миру, что играло на руку крупнейшим мировым воротилам (Римский договор 1957 года и другие); рост значения антимонопольного законодательства для недопущения создания оппонентов транснациональным монополистам из числа национальных капиталов и включение Китая в экономическую, но не политическую систему ультраимпериализма для снижения концентрации фабрично-заводского пролетариата в центральных государствах системы.

Ультраимпериализм характеризуется наличием, во-первых, глобального рынка, состоящего из переплетённых национальных экономик, взаимозависимость которых достигает такого уровня, при котором национальные экономики не могут должными темпами развиваться и существовать без выхода на глобальный рынок. Во-вторых, ультраимпериализм характеризуется наличием монополистического транснационального капитала, который за счёт своих ресурсов может навязывать волю национальному финансовому капиталу, подчинять себе целые государства, может лоббировать политические изменения в тех государствах, финансовый капитал которых не желает подчиняться требованиям этого космополитического капитала. При этом региональный империализм, представленный национальным финансовым капиталом, никуда не девается и сохраняет собственные империалистические интересы, однако придавленный несравненно более крупной буржуазной силой вынужден либо с риском для себя изолироваться от мира и противостоять этой силе, либо постепенно раствориться в рамках ультраимпериализма, стать неоколонией транснационального капитала.

Ленин был гениальным практиком и прекрасно понимал метод материалистической диалектики, поэтому он и приходил к подобным выводам. Так и мы предлагаем не схоластически рассуждать о том, подходит ли та или иная цитата классиков марксизма к современности или нет, а схватывать саму реальность. Мы привели совсем немного цитат для обоснования своей позиции,

однако попытались обобщить суть происходящих сегодня явлений максимально кратко. Ленинская работа об империализме тем и была полезна, что обобщила актуальные тому времени процессы и показала, как коммунистам действовать в сложившейся ситуации.

Фактически, к ленинской теории империализма с выявленными им противоречиями этой системы ввиду объективно изменившихся условий добавляется еще одно противоречие — конфликт между ультраимпериализмом и региональным империализмом. Появление этого противоречия обусловлено противостоянием сильного социалистического и консолидированного буржуазного блоков. Это противоречие будет существовать до момента распада системы ультраимпериализма, оно не дает начать организованную международную рабочую борьбу.

В последующих главах мы подробнее остановимся на конкретных аспектах ультраимпериализма: на его экономике, политике и идеологии. Этот анализ также необходим для понимания того, как коммунисты должны действовать на тактическом уровне. Раскроем эти вопросы диалектично, укажем на тенденции тех сил, кто продвигает и цементирует ультраимпериализм в мире, и на тенденции тех, кто этому по той или иной причине противостоит.

Экономика ультраимпериализма.

Консолидация буржуазного мира ради борьбы с социалистическим блоком не могла не затронуть и экономической структуры капитализма. То что сегодня некоторые называют «глобализацией» — это фактически процесс переплетения национальных рынков в единый мировой рынок. Согласно ленинской теории империализма, именно процессы глобализации в конечном счёте должны были вести к конфликтам империалистических держав. Империалистические конфликты должны были привести классовую борьбу к кульминации, к победе пролетариата и глобализации в рамках единой мировой социалистической системы. Но империалисты после Второй мировой войны отказались от внешней экспансии, так как это могло ослабить их перед лицом социалистического блока. Более того, экономики крупнейших империалистов лежали в руинах, и американские инвестиции позволили западным капиталистам удержаться у власти.

Именно поэтому мы сегодня имеем иную реальность — буржуазный мир консолидировался не только политически (такое бывало и во времена классического империализма, когда буржуазии тех или иных стран входили в союз друг с другом для передела рынка), но и экономически. Образовались транснациональные монополистические корпорации, которые подчас имеют бюджет больше, чем некоторые государства. Капитал стал космополитическим. Если раньше национальным капиталам становилось тесно в рамках одного государства, и они постепенно вели экспансию в другие страны, то теперь весь бизнес переплелся друг с другом настолько крепко, что реализовался один из принципов теории Каутского — воевать друг с другом стало чрезвычайно накладно. Например, в английском языке недавно появилась аббревиатура GAFAM, которая обозначает конгломерат крупнейших мировых IT-гигантов, совокупная капитализация которых превышает десятки триллионов долларов. Их производственные и логистические цепочки распространились по всему миру, лучшие умы человечества отбираются по образовательным системам для

работы на их капиталы, национальные государства вынуждены сотрудничать с ними, чтобы получить шанс на экономический рост.

Образовался единый глобальный рынок: американо-европейский союз в нём занял место монополии. В производстве же в рамках консолидированного буржуазного блока начался процесс рассредоточения — целые государства оставляли за собой только узкую номенклатуру производящихся товаров. Так, Швеция сегодня ассоциируется только с IKEA, а Германия — с автомобилями. Некогда эти страны производили практически всё, что нужно для жизни.

Транснациональные монополистические капиталы въелись в консолидированную буржуазную экономику и стали распространять неолиберализм как самую приемлемую экономическую модель. Он предполагает полное дистанцирование государства от экономики, создание «чистой экономики». Почему это выгодно крупнейшим капиталистам, которые восстанавливали буржуазный мир, потрепанный Второй мировой войной? Потому что в таком случае они выступали как сильнейшие игроки на ещё только формировавшемся рынке, а значит изначально имели все шансы подчинить его себе.

Государства, которые пошли по этому пути, оказались фактически в заложниках. На их экономику влияет всё: колебание курса доллара, решение США провести очередную интервенцию, международные соглашения и конвенции, которые Вашингтон способен навязывать мягкой и жёсткой силой. На экономику подчинённых ультраимпериализму стран влияет всё, кроме непосредственно них самих. Чрезвычайная экономическая переплетённость вкупе с тем, что самые жирные корпорации уже давно поделили глобальный рынок и переформатировали его под себя, делают эти самые корпорации хозяевами мировой экономики. Фактически неолиберализм оказался приглашением на красивую паутину, на которой уже пировали самые толстые пауки — приглашение пировать вместе, но фактически стать их закуской.

Современные неолибералы любят говорить о том, что только открытая экономика в глобальном масштабе может обеспечить рост благосостояния

мирового сообщества. Они указывают на опыт Великобритании, США и прочих успешных буржуазных государств, которые добились потрясающих успехов в рамках открытой торговли. Отсюда идеи максимального ухода государства из экономики, предоставления частному бизнесу широчайшей свободы и пропаганда самых энергичных действий по встраиванию в мировую экономику всех, кто ещё недостаточно открылся ей.

Однако все подобные рассуждения о чрезвычайной эффективности открытых неолиберальных экономик - ни что иное как величайшее шарлатанство. Стоит лишь немного углубиться в историю. В период становления капитализма государства, которые сегодня мы считаем развитыми, использовали инструменты прямо противоположные тем, что они предлагают использовать сегодня. В попытке ограничить себя от влияния голландских товаров экономики Британии, Франции, Испании и прочих крупных держав XVII-XVIII веков вводили жёсткие протекционистские меры²⁰. Другого пути поднять собственное производство не было — засилье иностранных товаров на внутренних рынках этих государств привело бы к невозможности местных производителей конкурировать с иностранными фабриками и заводами. Понимая это, государственные управленцы вводили высокие заградительные пошлины, запрещали ввод тех или иных перечней товаров, а некоторые даже поощряли пиратство, чтобы таким образом затормозить транспортировку товаров и нанести ущерб наиболее крупным производителям.

Когда эти меры дали плоды, и вышеназванные страны смогли выстроить собственное производство, они начали ратовать за максимальную открытость в экономике. Связано это с тем, что, имея под рукой обилие собственных товаров, они стали использовать их как своего рода боевые единицы, забрасывать на внешние рынки и тем самым уничтожать внутреннее производство в других странах, подчинять себе целые государства без единого выстрела. Впоследствии уже для повышения нормы прибыли новым хозяевам торговли оставалось лишь перенести в завоёванные регионы производство, чтобы снизить оплату за транспортировку и труд рабочих. В этой политике экспансии товаров и

капиталов и заключается сущность империализма, который описан Лениным.

Государства, которые построили экономику на жёстком протекционистском контроле, после этого начали пропагандировать открытые рынки для всех остальных. Это двойственное явление подметил ещё немецкий экономист XIX века Фридрих Лист. Он назвал такой способ навязывания своей воли «отбрасыванием лестницы». Забравшись быстрее остальных по лестнице на мировой Олимп, Франция, Великобритания, США и другие отбросили за собой лестницу, чтобы идущие за ними не смогли сравниться с новыми олимпийцами. Эта политика кристаллизовалась с появлением таких структур, как МВФ. Великомудрые господа из Европы и Штатов, которые построили самую передовую модель капитализма в истории, как бы готовы поделиться своей великомудростью со всеми вопрошающими и даже выделить средства на те или иные структурные экономические изменения. Между тем практика показывает, что все рекомендации МВФ и подобных структур по итогу приводят к тому, что государство, следующее по заданному курсу, приплывает в систему, уже подконтрольную крупнейшему мировому транснациональному капиталу. В этом отношении любое государство, которое не готово сломя голову нестись по пути ультраимпериалистического центра и отдавать управление своей экономикой сформированным корифеям мирового рынка, уже представляет для ультраимпериализма колоссальную угрозу. Именно поэтому, когда такие государства начинают представлять реальную угрозу, когда их развитие может в будущем потеснить транснациональные корпорации, ультраимпериализм начинает действовать силовым путём.

Во власти в Чили пришли социал-демократы? США поддержали там переворот фашистской хунты Пиночета, помогли выстроить выгодную себе экономическую систему. Даже после выявления всех преступлений этого режима Рейган и Тэтчер защищали Пиночета, оказывали ему всяческую помощь. Генерал Де Голль во Франции выступал за независимость Республики? И там социальное напряжение накалилось до предела, что фактически привело к госперевороту. Когда у транснационального монополистического капитала в

руках мировые СМИ, мировые финансы и лучшие спецслужбы, подготовить подобный переворот не так сложно, хотя есть факторы, которые могут помешать этому. После этого бенефициары ультраимпериализма стали действовать хитрее и начали напрямую искать или создавать компромат на любых политиков, которые хотя бы в отдалённом будущем потенциально могут угрожать системе.

В отношении трудящихся масс такая экономическая диктатура работала двояко. Консолидированный транснациональный капитал получил в распоряжение инструменты, которые позволяли сбивать градус социального напряжения. Широко доступен стал кредит, фактически вся экономика после Второй мировой войны стала выстраиваться именно в кредит. Рабочие начинали жить лучше, капитал шёл на тактические уступки пролетариату, опасаясь возможных протестных выступлений, которые СССР мог поддержать. Последователи Австрийской экономической школы, отнюдь не сочувствующие идеям коммунизма, высказываются следующим образом:

«Если в классическом либерализме значительное место занимала идеологема «государство как ночной сторож», то в теории неолиберализма это место стало принадлежать идеологеме «государства всеобщего благоденствия» (Дж. Гэлбрейт, Г. Мюрдаль и др.), которое стало нести ответственность за своих граждан. Кроме концепта «государства всеобщего благоденствия», основой неолиберального дискурса стала идеологема «социальной рыночной экономики», которая была разработана в теории «ордолиберализма» (Л. Эрхард, В. Ойкен, В. Репке и др.), что способствовало появлению условий для формирования гражданской ответственности»²¹.

И жизнь пролетариев действительно улучшалась, можно вспомнить и пресловутый «скандинавский социализм»²². Сократилось относительное и абсолютное обнищание, каждое последующее поколение пролетариев жило лучше, чем предыдущее. Но продолжалось это ровно до того момента, когда СССР стал постепенно разрушаться под ударами внутренней контрреволюции. В мире ультраимпериализма поняли, что СССР находится на грани гибели, и

капитал стал проталкивать во власть таких людей, как Рейган и Тэтчер, которые начали контратаку на социальные гарантии, полученные пролетариями. На какие бы несвойственные для себя выходы не шёл капитализм, консолидируясь ли всем буржуазным миром в единый пучок, идя ли на встречу пролетариату в отдельных вопросах, он всё-таки остаётся капитализмом. Буржуазия в конце концов жаждет прибыли.

Конечно же, это вызывает отпор со стороны пролетариата. Крайне популярны в левых СМИ были сообщения о забастовках и протестах во Франции. Забастовки и протесты там идут очень давно, но побеждают только тогда, когда это выгодно транснациональному капиталу, как в случае с Де Голлем²³. С социальными правами всё стало не густо, дети теперь живут хуже своих родителей. За формальным ростом ВВП скрывается сущностное ухудшение жизни простых европейцев и американцев. Капитализм, как и в XIX веке, начал пожирать сам себя. Сдерживающий фактор в лице СССР, который заставил империализм перейти в фазу ультраимпериализма и при этом вынудил капиталы в добровольно-принудительном порядке сдавать позиции гражданскому обществу, больше не спасает. Видя это, французская молодёжь выходит на забастовки и митинги, ведь именно они являются ядром протеста. Они выходят не за социализм или демонтаж капитализма, они выходят за сохранение того «социально ориентированного» капитализма, который застали их отцы и деды. В каком-то смысле их требования нельзя даже приписать к экономизму, как его описывали классики марксизма. Экономизм исходил из борьбы исключительно за экономическое улучшение положения рабочих. Французские рабочие и студенты выходят за недопущение ухудшения условий труда и жизни, что ставит эту борьбу на низшую ступень по сравнению с классическим экономизмом.

Но почуяв слабость социалистической системы, капитал вошёл во вкус. Впоследствии СССР был уничтожен, что привело к экономической экспансии ультраимпериализма уже на постсоветское пространство. Европейские и американские капиталы, повязанные единым пучком, хлынули в страны СНГ.

Ельцинская и прочие банды швырнули новообразованные страны в глобальный рынок, который, как придирчивый покупатель, выбрал из экономик различных стран то, что ему необходимо, и помножил на ноль всё то, что счёл для себя не востребовавшимся. Эта экономическая экспансия временно затушевала внутренние противоречия ультраимпериализма, потому что транснациональные корпорации были заняты перевариванием остатков постсоветской экономики, в первую очередь российской. В конечном счёте уничтожение СССР устранило угрозу, которая стояла перед капитализмом, потому что региональные империалисты стали стремиться к обретению суверенитета.

Российская буржуазия с радостью встроилась в глобальный рынок. Ей было достаточно прибрать к рукам советское наследие, гнать на запад газ и нефть и получать за это валюту, на которую на глобальном рынке можно купить всё, что позволят купить. Пусть глобальный рынок, сформированный после Второй мировой войны, выгоден для работы на нём, пусть он сулит большие барыши тем, кто на нём играет, но покуда страна подключена к глобальному рынку, она неминуемо теряет свою независимость. Вся идеология глобального рынка сводится к мысли: «Если у нас есть хороший металл, то зачем нам делать из него плохие автомобили?». Так хороший металл направляется на глобальный рынок, продаётся за доллары, на которые впоследствии покупается хороший автомобиль. И такая система действительно работает до тех пор, пока не случается коллапс. Такой коллапс происходит и сейчас: пока сохраняется классовая структура общества, противоречия в этом обществе всегда будут приводить к открытым военным конфликтам, что мы наблюдаем в современном мире.

Такие коллапсы - это закономерный итог данной экономической системы. Экономическая модель ультраимпериализма эффективна только в том случае, если весь мир представляет собой единое содружество. Фактически, была выстроена глобальная экономическая модель социализма, но с сохранением классовой структуры — такой уродливый гибрид капитализма и коммунизма, который был обречён на распад из-за сохранения частной собственности.

Сегодня мы наблюдаем его агонию.

За экономической экспансией ультраимпериализма должна была последовать экспансия политическая, но в некоторых регионах добиться этого не удалось. Исламская революция в Иране, протесты на площади Тяньаньмэнь, протесты на Болотной, события в Белоруссии 2020 года — это элементы провала политической экспансии ультраимпериализма. Уже окутав потенциальную жертву экономической сетью, крупнейшие пауки пытались впрыснуть яд, поставить у власти максимально лояльных людей, которые ускорят процесс «открытия экономики», освобождения её от государственного вмешательства, чтобы крупнейшие мировые монополисты, то есть бенефициары ультраимпериализма, поглотили жертву целиком. Они хотели бы видеть у власти в России человека наподобие Новодворской или избранного в 2023 году аргентинского политика Милея. Но политический аппарат, который имел и пока имеет в России довольно сильные позиции, дал отпор. Зачем им лояльные люди в России? Для того чтобы не допустить сращения российской и европейской экономик и впоследствии развернуть Россию против Китая.

После крушения социалистического блока вчерашние вассалы американского ультраимпериализма начали искать пути обретения политэкономического суверенитета. На этом поприще был создан Европейский союз, который, получая дешёвые энергоресурсы из России, выстраивал конкурентоспособную индустриальную экономику. Политические экспансии на Украину (майдан 2008 и майдан 2014) вкупе с накачкой страны оружием и антироссийской пропагандой сыграли свою роль. Украина стала барьером между российской и европейской экономиками, не позволила им углублять своё сотрудничество, столь опасное для крупнейших мировых корпораций.

В Германии провели исследование и пришли к выводу, что около 50 000 немецких компаний разорились из-за антироссийских санкций²⁴. Это неудивительно, за последние 20 лет между экономиками России и Германии произошёл серьёзный синтез. Дешёвые энергоресурсы из РФ были основой конкурентоспособности немецкой экономики. Без них многие компании, в

основном мелкие обслуживающие, оказались банкротами.

Конкретно для России это не очень-то хорошие новости. Немецкая экономика нужна российской, как и российская немецкой. Теперь возобновить связи, если такой вариант появится, будет сложнее. В конечном счёте России требуется искать новых покупателей, что сделать не так просто, приходится сильно снижать и без того низкие цены на нефть и газ и тем самым уменьшать поступления в бюджет. Для системы же ультраимпериализма подобные шаги крайне полезны.

Одной из главных целей создания политэкономической нестабильности в Восточной Европе со стороны бенефициаров ультраимпериализма являлось недопущение дальнейшей интеграции российской и европейской экономик. В случае их дальнейшего сближения Европа получала не иллюзорные шансы выйти из-под подчинения США. Потому массовое банкротство немецких компаний и, как следствие, обрушение немецкой экономики устраивает США.

Во многом это и стало причиной начала СВО. Российский правящий класс несколько лет стремился обойти проблему Украины различными путями, но бенефициарам ультраимпериализма нужна была война. Пока российские леваки кричат про «империалистическую сущность конфликта», украинские же политики открывают секрет Полишинеля: Россия была готова прекратить конфликт уже в марте 2022 года²⁵, и главным требованием было невступление Украины в НАТО. Настолько силен «страшный российский империализм», что политическое руководство было готово идти на уступки, а бизнес-элиты или отмолчались, или заявили о своём дистанцировании от российской политики. Можно ли представить себе крупного капиталиста какой-либо страны XIX-XX века, который бы публично осудил своё карманное правительство и попытался вывести капиталы за рубеж, стоило этому правительству начать «империалистическую заварушку»? Вопрос риторический.

Так и реакция экономической системы России на конфликт и отключение от американо-европейского глобального рынка представляет собой лишь переподрасключение к тем частям мировой экономики, которые готовы

сотрудничать с Россией. В основном это страны, которые уже давно обладают крепкой политической системой и выступают за демонтаж или преобразование системы ультраимпериализма (Китай, Иран, Индия). То есть не империалистические экспансии, чего можно было бы ждать от классического империалиста, а попытка обойти отключение от глобального рынка.

Собственно, оградить Россию от глобального рынка не вышло. Это сильная и одновременно слабая сторона ультраимпериализма — взаимозависимость. Это то, чего многие современные левые объяснить в рамках старых представлений об империализме не могут. Почему Россия долгое время продолжала поставлять газ и нефть через Украину, наполняя тем самым бюджет последней? Почему европейские империалисты продолжают торговать с Россией, пусть и в обход санкций? В рамках теории империализма ответить на эти вопросы невозможно. В рамках теории ультраимпериализма всё объяснимо и понятно — бенефициары ультраимпериализма понимают, что постепенно теряют свою власть в мире, пытаются надавить на неугодных региональных империалистов, на Россию и Европу, отчего и сами несут издержки, продолжая вынужденную обоюдную торговлю для недопущения экономического коллапса²⁶.

Экономики регионального империализма ещё не являются в полном смысле слова независимыми. Система, при которой существуют Центральные Банки, привязанные к МВФ, — это уже большое изменение по сравнению с экономикой начала XX века. Если финансовый капитал — сращение банковского и промышленного капитала, при котором первый доминирует — является самой развитой формой капитала, то в рамках системы ультраимпериализма он подчинён международному финансовому капиталу. Центробанки регулируют работу коммерческих банков, то есть банковского капитала: выдают и забирают аккредитацию, определяют ключевую ставку, которая напрямую контролирует оборот финансов в экономике, и иными путями влияют на банки. Так как все экономики привязаны к глобальному рынку, ведь в рамках капитализма он является самым прибыльным, то сегодня они автоматически привязаны и к доллару. Центробанки работают в рамках этой

системы, соотносят свои решения и прогнозы с «общемировыми», то есть с ультраимпериалистическими тенденциями, зачастую проходят обучение в структурах, связанных с МВФ. Не стоит сбрасывать со счетов эту сторону вопроса, как это делают некоторые «марксисты», которые пытаются абсолютно всё свести к экономике, — это полное непонимание марксизма. Психологические и идеологические вещи тоже могут влиять на экономическую реальность. В Российской империи был немецкий экономист по фамилии Шторх, который изучил труды Адама Смита и стал ярким сторонником открытой экономики, так как именно она, по его мнению, могла помочь России в международной торговле сильно выиграть. Был ли Шторх глупцом или предателем? Нет, он был учёным мужем, который искренне считал этот подход необходимым для России. Но по итогу открытие внутренних рынков России для иностранных товарных и капитальных интервенций сильно затормозило развитие экономики империи, о чём впоследствии писал в своей брошюре о Фридрихе Листе Сергей Витте.

В некотором смысле и современное руководство российского ЦБ — подобные Шторхи. Они, вероятно, искренне уверены в эффективности той экономической системы, которая представлена на Западе, видят огромные плюсы в неолиберальной экономике для всего общества, ориентируются на «мировые тренды» и принимают решения в соответствие с этими трендами. Потому, например, то и дело на пресс-конференциях по поводу повышения ключевой ставки можно услышать, как российское руководство пытается равняться на экономику Швейцарии или Франции.

Идеи открытого общества, невидимой руки рынка, частников-атлантов, которые распределяют ресурсы лучше командно-административных мер от государства, — всё это фундамент современного неолиберального капитализма. Десятки самых престижных ВУЗов, в престижности которых нас убедила неолиберальная пропаганда, обучают именно этому, разрабатывают модели роста и разрешения кризисов, исходя из этой политэкономической и идеологической основы. После падения СССР и соцблока, которое произошло

отнодь не от правильности курса капитализма, а от внутренней контрреволюции в СССР²⁷, большая часть мира сделала неверный вывод из-за логической ошибки. «После» не значит «вследствие». Многие подумали, что СССР пал как раз из-за того, что предложенная американцами модель капитализма больше отвечает духу времени.

В рамках этой неолиберальной логики были воспитаны люди, которые сегодня руководят финансовым сектором России — от Грефа и Силуанова до Набиуллы и Кудрина. Они искренне полагают, что открытая экономика приведёт общество к процветанию, считают идеалистические сказочки Хайека правильными, ориентируются на западный мир как эталон экономического роста, потому как лично видели его триумф в 1991 году, не поняв, чем этот триумф вызван, и какую цену за него заплатило всё человечество. Именно с этой точки зрения стоит смотреть на действия и решения финансовых и политических элит - это не «агентура», а профессионалы построения неолиберального мира. Они представляют старую логику, которая отживает своё и проваливается под весом реальности, ведь все идеологемы глобального неолиберального капитализма изначально служили оправданием ультраимпериализма, доминирования США их хозяев из числа транснациональных монополистов на едином мировом рынке.

Системная связка МВФ, ВТО и национальных Центробанков является тем экономическим поводком, который ультраимпериализм набрасывает на регионы. Это не значит, что те инструменты, которыми пользуются национальные ЦБ, плохи сами по себе. Например, Китай, который явно стремится ослабить влияние ультраимпериализма на своих территориях, уже выбивает у своего ЦБ некоторые рычаги воздействия на китайскую экономику²⁸. Подытожим. Образование глобального рынка, который в буржуазном мире сложился под влиянием его борьбы с сильным социалистическим миром, в корне изменило мировую капиталистическую экономику. Переплетение национальных экономик под диктатом крупнейших транснациональных корпораций, которые в основном базируются в США, привели к

экономическому ультраимпериализму. Связанные в единый пучок империалисты выстроили систему управления через МВФ и ВТО. Всё это помогало им противостоять социалистической угрозе. Это же привело к тому, что крупнейший мировой капитал фактически подчинил себе национальные экономики. За экономической экспансией последовала и политическая экспансия. Кто был неудобен транснациональным монополиям, получил госпереворот или как минимум попытку одного. Там, где раньше были Черчилль, Клемансо и Бисмарк, пришли Джонсон, Макрон и Шольц. Первая троица была буржуазными хищниками, истинными ставленниками независимого регионального империализма. Вторая троица очень удобна для обслуживания интересов крупнейших транснациональных монополий (подробнее о политике ультраимпериализма в следующей главе).

После падения социалистического блока ультраимпериализм провёл экономическую экспансию на постсоветское пространство. Страны посильнее, наподобие России, при потере экономического суверенитета ввиду полной зависимости буржуазных элит от глобального рынка сохранили политическую самостоятельность. Её пытались забрать, но не смогли. Страны послабее, наподобие Украины, потеряли и экономическую и политическую независимость. Внутренние политэкономические противоречия ультраимпериализма толкали его на конфронтацию с Россией²⁹, чтобы провести политическую экспансию и в нашей стране, поставить своих людей в управление. СВО — попытка политического аппарата сопротивляться, в которой ультраимпериализм недооценил устойчивость России, отчего сегодня и сам начинает испытывать трудности. Это кратчайший очерк по экономике ультраимпериализма, в котором сознательно пока опущен вопрос Китая.

Политика ультраимпериализма.

Политика ультраимпериализма является обслуживающим элементом для экономики ультраимпериализма. Именно поэтому видны чёткие действия бенефициаров системы, которые направлены на насаждение определённых политических идеалов и практик по всему миру различными способами. В рамках марксизма это легко объяснимо: именно экономика является фундаментом общества и государства, потому, попадая в экономические сети ультраимпериализма, политический режим той или иной страны в скором времени становится неолиберальным, открывает рынки капиталу крупнейших транснациональных монополий и после этого фактически теряет реальные рычаги управления государством.

Ультраимпериализм может по-разному принуждать сопротивляющуюся страну сменить политический режим: от так называемой «мягкой силы», которая стала крайне популярным инструментом в руках ультраимпериализма, до прямых военных вторжений. На словах для самообороны, а фактически для подавления любых неугодных ультраимпериализму политических режимов и был создан НАТО. Расписывать многократные вторжения НАТО в различные регионы для установления там проамериканского или, говоря в разрезе нашей теории, проультраимпериалистического режима не имеет смысла. Каждому хоть немного знакомому с Новейшей историей человеку известны те страны, в которых огнём и мечом США под разговоры о демократии насаждали правительства, способствующие скорейшему присоединению государства к глобальному неолиберальному рынку, который на тот момент уже контролировался бенефициарами ультраимпериализма.

Помимо прочего и мягкой силой США перестраивали мировые политические процессы под себя. Показателен пример Индонезии. После Второй мировой войны Индонезия, бывшая тогда колонией Нидерландов, объявила о независимости. Конечно же, метрополия не хотела отпускать завоёванные территории. Началась война, которая продлилась без малого 5 лет. Индонезия

получила независимость, но связано это было не только лишь с храбростью индонезийского народа, но и с тем давлением, которое США оказывали на Нидерланды.

Дело в том, что сами Нидерланды стали частью «Плана Маршалла» - политэкономического инструмента по насаждению ультраимпериализма в буржуазном мире. Во время противостояния США начали угрожать Нидерландам тем, что отрубят её от этого проекта, - это означало бы постепенное экономическое угасание страны. В итоге Амстердаму пришлось пойти на уступки. Так Индонезия обрела независимость, правда, ненадолго.

Сначала Индонезия оказалась в большой экономической зависимости от США: 22 года страной правил проамериканский президент Сукарно, но постепенно он становился всё менее удобен США. Параллельно с этим экономическая ситуация в Индонезии ухудшалась, так как из-за этого ее отключали от глобального рынка, что ударило по всем слоям общества. Потому в стране стал назревать путч, причём не совсем понятно, какой направленности — буржуазный или коммунистический. Некоторые исследователи сегодня сходятся во мнении, что этот путч был организован ЦРУ. Для них такая работа крайне привычна: во время борьбы с неудобными режимами они провели не один десяток различных госпереворотов. В ответ на этот путч появился контрпутч уже среди приближенных Сукарно. В итоге генерал-майор Сухарто захватил власть и правил после этого еще 30 лет. В это время Индонезия была полностью сломлена ультраимпериализмом, залезла в долги к МВФ, Всемирному банку и другим карманным организациям США. Неоколониализм во всей красе.

Пример Индонезии далеко не единственный. США использовали доминирующее положение в буржуазном мире, чтобы ослаблять любые очаги силы и тем самым создавать систему ультраимпериализма. Помимо прочего бенефициары этой системы раскручивали «борцов за свободу», подобных Ганди. Вместо борьбы, выстраивания альтернативных систем власти, вооружения и выдворения завоевателей гандисты покорно принимали побои от

полиции и не принимали насильственных мер к слугам буржуазии. Они принимали идеи своего учителя: вели мирные забастовки и останавливали производство, но миролюбивые борцы не принимали серьезных действий к захвату власти. В итоге премьер-министру Великобритании пришлось прилететь в Индию и провести переговоры с Ганди, в ходе которых тот пошёл на ряд уступок ультраимпериализму и призвал своих сторонников расходиться. Многие сторонники Ганди сочли это предательством, но он аргументировал это тем, что нельзя брать всё и сразу и следует готовиться к каждому следующему шагу, ведущему к свободе. Тем самым он растянул процесс освобождения Индии ещё на 16 лет.

Ганди был удачно раскручен буржуазной прессой, ведь такой лидер протестов был очень удобен ультраимпериализму. В Лондоне и так понимали, что грядёт изменение колониальной системы, все ожидали крупной войны и понимали, что давление СССР на мировых империалистов рано или поздно приведёт к изменению баланса сил. Собственно, после Второй мировой войны именно СССР и выступил главной силой, которая привела к деколонизации. Ганди, создавая вид альтернативы британским властям, фактически сохранял их присутствие в регионе ещё на долгий срок и не допускал прихода к власти коммунистов, которые имели реальные шансы на успех уже в 1950-х годах.

Если исходить из чисто экономических категорий, то присоединение национальных экономик к глобальному рынку неизбежно. Это наиболее выгодно для торговли, политические идеологи современного неолиберального капитализма написали сотни томов на эту тему, убедительно доказывая, что это единственный шанс для отстающих экономик вырасти. Выбросив классовую теорию на свалку истории, они провозгласили единство обществ - космополитизм, который в экономических масштабах способен привести всех к процветанию. Но процветание наступило не для всех, потому как глобальный рынок справедлив лишь на словах и уже давно поделен. Никакой реальной конкуренции там попросту нет, есть лишь диктатура самых жирных представителей транснациональной буржуазии. Во времена существования

социалистического блока у развивающихся экономик была альтернатива, но теперь подключение к глобальному рынку является вопросом выживания. Генри Киссинджер, один из главных идеологов современной политики ультраимпериализма, в книге «Мировой порядок» сформулировал задачу США — построение такого мира, в котором силовое влияние США уже будет не нужно. То есть это создание такой глобальной политической системы, которая сообразно глобальной же неолиберальной экономике будет обслуживать интересы крупнейших мировых корпораций и выдавать всё это за интересы всего человечества. На экономическом поле переиграть эту стратегию почти нереально, так как действительно глобальный рынок представляет для национальных игроков своеобразную капиталистическую Мекку, куда каждый желает попасть на правах равного крупнейшим мировым воротилам, потому противодействие этому процессу идёт по большей части на политическом уровне.

«Знатоки марксизма» могут возразить: но ведь абсолютно всё в мире, согласно Марксу и Энгельсу, должно быть сведено к экономике. Как же выходит, что политический аспект в деле борьбы с ультраимпериализмом оказывается важнее экономического? Марксизм есть самый сложный метод анализа реальности, который в полной мере может поддаться человеку лишь через годы практики. К сожалению, большинство довольствуется ознакомлением с работами Маркса на довольно поверхностном уровне и уже считает себя всезнающим.

Так, довольно популярным является мнение, согласно которому абсолютно везде и во всём следует искать лишь экономическую основу. «Марксисты», которые привержены такой концепции, полностью стирают субъективный фактор истории, считают его ни на что не влияющим, призывают отбросить изучение надстройки в пользу концентрации на базисе. В таком подходе лежит здоровое зерно, но зерно это не полито, и солнечная энергия его не питала, потому в полноценное марксистское дерево познания оно не выросло.

Экономика действительно является определяющим фактором развития

общества. Она создаёт фундамент, на котором растёт надстройка в виде политики, культуры, религии и так далее. Однако после того, как экономический базис создаёт социальную надстройку, они вступают друг с другом в диалектическую связь, взаимно дополняют и местами противостоят друг другу. В рамках в том числе этого диалектического противостояния базиса и надстройки рождается человеческая личность (хотя, конечно, не только это противоречие является значимым в деле созидания личности).

Если экономический фундамент представляет собой политэкономические отношения между людьми в процессе производства и распределения, то конкретные субъекты истории – личности – зачастую выражают институты надстройки. Эти самые личности находятся в своего рода аппаратном кабинете надстройки, принимают решения, которые напрямую способны влиять в том числе и на базис. Таким образом надстройка определяется и создается в соответствии с базисом, однако после своего создания приобретает определённую долю самостоятельности и возможность уже обратно влиять на базис.

Человек, который ищет исключительно экономическое обоснование во всём, при анализе истории непременно сядет в лужу. Сможет ли он, исходя из чисто экономических предпосылок, вывести необходимость Персидской империи вторгаться на территорию Эллады? Сможет ли он объяснить, как объединённая армия Персии, сильнейшего на тот момент в экономическом плане государства, оказалась не раз разбита кучкой разрозненных городов-государств, которые обладали меньшей экономической и военной мощью? Эти события были во многом вызваны конкретными решениями конкретных политических лидеров. Дарий I был вынужден отомстить афинянам за разграбленный в Ионии персидский храм. Мильтиад принял конкретное военное решение, далеко не очевидное, которое мог не принять другой командир, и тем самым разбил персов при Марафоне. Эти события были вызваны конкретными решениями конкретных политических и военных деятелей, они серьёзно изменили ход дальнейшей истории, хотя и не были полностью обоснованы экономической

структурой Греции и Персии.

Перечислять подобные события можно долго, но корневым для нас, конечно же, является вопрос революции Октября 1917 года. Сможет ли подобный «знаток марксизма» найти исключительно экономические предпосылки начала строительства социализма в России? Не договорится ли он до того, что Ленин был не прав в отличие от Мартова и Плеханова, которые исходили из экономической неготовности России в вопросе установления диктатуры пролетариата? Стремление абсолютно во всём искать только лишь экономические корни иначе как вульгарным марксизмом не назвать. Маркс и Энгельс никогда не говорили о «только лишь экономическом факторе развития», они называли его основным, что научно верно. Но исключать из истории конкретного человека, заменяя его производной от экономики абстракцией, значит решительно ничего не понимать в марксизме.

Политический аспект является не менее важным для понимания движения общества. Сводить всё механистически к тому, что «в той-то стране капитализм, а значит и политическое правительство там в кармане у буржуазии» - это значит отходить от конкретного анализа конкретной действительности, чем так любят заниматься многие «знатоки марксизма». Так и понятие «диктатуры пролетариата» является политическим, а не экономическим. Правы те, кто говорят, что с эпохой империализма начался процесс движения к коммунизму, эпоха социалистических преобразований. Это понимание работает и для современного частного случая империализма — ультраимпериализма. Диктатура пролетариата выступает как политический аспект, это тот момент, когда руль управления обществом получают силы, сознательно ведущие общество к более высокой ступени общественно-экономического развития. Однако силы эти не могут по мановению волшебной палочки построить полностью плановую экономику, где 100% средств производства обобществлено. И при Ленине, и при Сталине в СССР осуществлялся переход от капитализма к коммунизму, сохранялась значительная доля более ранних форм хозяйствования, в том числе и капиталистических. Не зря Ленин писал

про многоукладную экономику, в которой сохраняются различные по своему устройству сектора — от государственных монополий до частной собственности и наёмного труда. Весь процесс политического руководства большевиков являлся диктатурой пролетариата, а значит и государство находилось на низшей фазе коммунизма, то есть в состоянии социализма. Коммунизм тем и характеризуется, что человечество осознаёт те скрытые ранее механизмы, которые двигают обществом, и берет их под свой контроль. То есть чисто политическое (пусть уже и в иной форме) начинает давить над экономическим, управлять им вполне сознательно. Но «знатоки марксизма» продолжают везде видеть руку слепой экономики, и доходят даже до того, что чисто экономические причины привели к развалу СССР, отрицают значимый фактор - внутреннюю контрреволюцию и постепенное скатывание к капитализму (опять-таки из-за конкретных политических решений).

Потому именно анализ конкретных политических режимов и может дать ключ к пониманию того, как бороться с политэкономической экспансией ультраимпериализма. Интересны примеры Беларуси, России, Ирана, КНДР и Китая, хотя ими не исчерпывается список тех государств, которые, имея крепкую политическую вертикаль, противостоят ультраимпериализму сегодня.

В наследство от СССР Республика Беларусь получила и сохранила довольно хороший производственно-промышленный комплекс. Ввиду нарушения товарных и логистических цепочек выработка по основным направлениям сильно снизилась. Беларусь до сих пор не может догнать свои советские показатели по переработке нефти или производству дизеля. Однако наряду с заводами-гигантами, которые остались с советских времён, внутри Республики велись и свои активные стройки. Белорусская экономика строилась как составная часть советской экономики: её конкретные производственные мощности и дешевизна ресурсов обеспечивали бесперебойный выпуск широкой номенклатуры товаров. После уничтожения СССР необходима была перестройка экономики, которая в полной мере не проведена до сих пор.

Пока большие дяди в крупных буржуазных странах делили внутренний рынок,

распродавали народное имущество и ждали западных капиталистов, чтобы те научили их жить и вести бизнес, маленькая Беларусь во многом осталась предоставлена самой себе. Так получилось и с советским наследием – сначала западные капиталы устремились захватывать рынки России, Украины, Казахстана и лишь после насыщения принялись подъедать другие республики. Это во многом объясняет, почему система в Беларуси стала именно такой этатистской. Конечно, и там были свои Чубайсы, которые хотели напродавать заводов и быть компрадорами, но покупателей за первые пару лет с развала СССР нашлось мало, да и те предлагали немного.

Потому госаппарат наполнили люди, которые исходили из необходимости наиболее эффективно использовать то, что у них есть, и играть на противоречиях Запада и Востока себе на пользу ради сохранения хоть какой-то субъектности. Беларусь обладала развитой промышленностью, доставшейся от СССР, потому и пролетариев было много. Так что марксистская риторика хорошо действовала на вчерашних советских граждан, которые в массе своей были против развала Союза.

Первая программа Лукашенко 1994 года изобилует весьма социалистическими элементами. Тут и контроль государства за ценообразованием, и контроль предприятий рабочими, оплата труда руководителей в зависимости от достатка коллективов, и многие другие весьма полезные положения. Ситуация Беларуси уникальна. Национальная буржуазия не смогла сформироваться, потому что ей не на что было опереться, однако и пролетариат реальных рычагов воздействия на государство был лишён ещё во времена СССР. Без помощи всего совокупного Союза экономика страны оказалась на тот момент времени не востребованной в буржуазном мире в отличие от других более аппетитных экономик постсоветского блока. Однако и рыночными методами вытянуть экономику было невозможно — внутренний рынок был довольно слабым, порядка 10 миллионов человек на 1994 год. Пришлось возвращать пролетариям субъектность и стараться выталкивать страну из пучины социалистическими методами.

Беларусь видела, как дикий рыночный зверь набросился на российского медведя, что тот начал подавать признаки жизни только совсем недавно. Он, скорее всего, попросту снёс бы небольшую Беларусь, что отчётливо понимали и в обществе, и в политической вертикали. Поэтому экономически Республике было выгодно придерживаться социалистического курса. Такой путь позволил уберечь внутреннюю культуру от засилья либеральной идеологии, сохранить производство, пусть и в долг, но сохранить социальную ориентированность государства. Необходимо чётко понимать, что для построения реального социализма производственных мощностей Беларуси хватить не может. Существовая в кредит, который даёт буржуазная Россия, белорусский трудовой народ оказывается в двояком положении, так как рискует всё-таки свалиться в полноценный капитализм. В 2020 году мы увидели яркую попытку ультраимпериализма установить неолиберальное проультраимпериалистическое правительство в Беларуси, которая, к счастью, была парирована. Некоторые «знатоки марксизма», которые поддерживают «движуху ради движухи», не анализируя конкретные ситуации в рамках конкретной политэкономической действительности, обеими руками поддерживали протестующих, которые выступали с позиций, схожих с украинскими нацистами в 2014 году. Оговоримся, не все протестующие были такими, но ядром переворота выступали именно неолиберальные силы, и в случае поражения Лукашенко именно подобные кадры пришли бы к власти. Среди протестующих, конечно, находились и обычные рабочие, но тем не менее ядро представляли радикальные либералы.

Сегодня, по понятным причинам, Беларусь политически сильно повязана с Россией. Какова же ситуация у нас? В России политический аппарат оказался выше буржуазной сырьевой группировки, хоть и завоёвывал это положение долго и с большими усилиями. Сегодня в России сложился бонапартистский режим, при котором политическая вертикаль имеет серьёзнейшее влияние на крупную сырьевую буржуазию — и это большая удача, потому как в противном случае эта самая буржуазия уже давно пошла бы по пути Новодворской, по

пути радикального неолиберализма. Несмотря на серьёзную экономическую экспансию ультраимпериализма в Россию в 1990-е, благодаря хорошему индустриальному заделу и наличию ядерного вооружения у РФ США было выгодно во время крупных потрясений сохранить здесь стабильное политическое управление, так как распад страны мог привести к большим глобальным осложнениям. Сегодня популярно представлять Ельцина, как полностью проамериканского лидера, который «всё сдал». Придётся разрушить этот миф и показать, что уже ельцинская вертикаль пыталась встроить Россию в глобальный рынок с экономической точки зрения и сохранить определённую политическую независимость. За эту независимость целые отрасли отдавались на съедение «западным партнерам».

Если поставить себя на место США, бенефициаров ультраимпериализма, можно задаться вопросом, почему бы им было не принять Россию в НАТО, не пролоббировать её вступление в ЕС, ведь и первая и вторая структура фактически подчиняются Вашингтону. Российское политическое руководство и само туда стремилось, а экономически РФ уже была подчинена. Всё дело в самой структуре ультраимпериализма, которую в США прекрасно понимают.

Они осознавали, что внутренние противоречия ультраимпериализма начнут процесс его распада. Ультраимпериализм как политэкономическое явление появляется в буржуазном мире тогда, когда всему буржуазному миру угрожает, например, сильный социалистический блок. После уничтожения этой угрозы внешнее давление на ультраимпериализм сходит на нет, его надобность, с точки зрения региональных империалистов, становится не очевидной. Потому уже в 1990-х имели место разговоры европейских политиков о необходимости отказываться от НАТО и формировать собственные военные силы. Но тогда эти инициативы были наглухо забиты вашингтонской дубинкой – ее хозяева всё ещё оставались крайне сильны. Само движение в сторону обретения политэкономической субъектности региональные империалисты прекратили.

В этом отношении любая внешняя для ультраимпериалистического мира угроза воспринималась бенефициарами этой системы, как благо. Мы ранее писали, что

ультраимпериализм сформировался под давлением сильного социалистического блока, для этого потребовалась внешняя угроза, которая ненамеренно объединила буржуазный мир. Поскольку социалистического блока уже нет, бенефициарам ультраимпериализма для обоснования своей власти нужен внешний враг. Таким образом целые государства с лёгкой руки неолиберальных учёных записывались в «закрытые общества»³⁰, тоталитарные пристанища антидемократии или базы международного терроризма, которые зачастую порождали сами Штаты.

Уже в 1990-е Россию и Китай различные "ястребы" внешней политики США называли экзистенциальной угрозой. Стоит вспомнить, что Китай тогда был чуть более чем полностью зависим от США. Эта зависимость сохраняется и сейчас, хотя в Поднебесной с ней борются. Но на момент 1990-х зависимость тотальная – Китай ещё только начинает свой индустриальный подъём. А у России остались и ядерные запасы, и индустриальная мощь, и огромное количество энергоресурсов.

В США не могли ответить взаимностью на попытки российской политической верхушки встроиться в ультраимпериализм, ведь в таком случае они бы впустили в свои структуры такого игрока, который разрушил бы систему изнутри, как медведь в сказке о теремке. Включить Россию в Еврозону или НАТО означало бы потерять любые инструменты воздействия на торговлю внутри Еврозоны, допустить сращение российской экономики и, скажем, немецкой, а также создание двух центров силы внутри военного блока, ранее полностью подчинённого США. Это вело бы к образованию внутри ультраимпериализма разных блоков, которые рано или поздно разрушили бы систему. Вступление России в мир ультраимпериализма можно было бы допустить лишь с более прозападным правительством во главе с Новодворской, Козыревым и Чубайсом, либо для того чтобы использовать российские ресурсы и территории против другого внешнего врага. Сегодня ультраимпериализм пытается реализовать оба сценария, поддерживает приход к власти подобных прозападных акторов, чтобы направить Россию против Китая, который успел с

1990-х годов сильно подрасти.

Политическое руководство России, опираясь на доставшиеся от СССР мощности, проявляло определённую долю независимости. Ельцин не раз говорил про «многополюсный мир» и просил Клинтона не играть с Россией, Путин выделился в этом плане Мюнхенской речью и другими действиями современного Кремля. В отличие от европейских политических лидеров, которые давно подконтрольны США на 2/3, если не больше, постсоветскому пространству было, на что опираться. Европа рухнула после Второй мировой войны и существовала на средства США, а СССР выстроил настолько мощную экономику и военный фундамент, что даже в раздробленном виде она даёт возможность сопротивляться политэкономической воле гегемона, пусть в экономическом плане Россия и встроилась в экономику ультраимпериализма ещё в 1990-е.

Интересно и письмо Ельцина к тому же Клинтону, где он говорит о недопустимости расширения НАТО на Восток:

«Дорогой Билл, <...> Так сложилось, что целый ряд вопросов стратегического характера предстоит решать именно сейчас. Как пойдёт эта работа – во многом будет зависеть от договоренности между нами. В первую очередь это, конечно, вопрос о НАТО. Для нас это принципиальный вопрос. Поэтому мы неизменно негативно относимся к планам расширения альянса и особенно к возможности продвижения военной инфраструктуры НАТО на Восток. На этот счет у нас в стране существует консенсус практически всех политических сил, в том числе представленных в Государственной Думе, где на ратификации сейчас находятся несколько важных договоров и соглашений между нашими странами. <...>Расширение НАТО коренным образом ухудшит геостратегическое положение России, нанесет непосредственный ущерб интересам нашей национальной безопасности»³¹.

Да и в знаменитом обращении к конгрессу к фразе «Господи, благослови Америку», что является строчкой из популярной американской песни, было добавлено «и Россию». Об этом принято умалчивать, но факт есть факт.

Устойчивая политическая вертикаль в России была обоснована. С одной стороны, ультраимпериализм не мог допустить сценария, где при развале СССР на несколько самостоятельных частей ядерное оружие оказалось бы у некоторых не подконтрольных новообразованных государств, в которых к власти могли прийти различные политические силы: от радикальных националистов и левых до религиозных фундаменталистов. С другой стороны, России таким образом позволили сохранить некоторую независимость в принятии важных решений. Война с Грузией, поддержка Башара Асада в Сирии, Крымская весна и СВО яркие тому примеры. Все эти события «знатоки марксизма» любят называть проявлениями империализма, но если смотреть на них с такой позиции, то это лишь явления защищающегося империализма, то есть такого империализма, которого постоянно принуждают к потере политической независимости, одной только и отделяющей российское общество и государство от падения в пасть неолиберального мира.

Россия всё ещё плотно встроена в мировой рынок, но стремится к политической независимости. Это явление и есть фундамент для многочисленных теорий о «предательстве внутри страны». Различные Хазины и Сатановские становятся законодателями этой моды. Они как будто бы говорят, что в финансовом блоке РФ сидят либералы-предатели, а есть блок патриотов, в основном сконцентрированный в силовых структурах, и оба блока находятся в жестокое противостоянии. Рецепт спасения России крайне прост – заменить людей из финансового блока: Силуановых, Набиуллиных, Кудриных и т. д. на других, «патриотично мыслящих», и будет всё хорошо.

Столь упрощённая картина мира, в которой, как и в любой идеалистической доктрине, колоссальная роль отводится конкретным персоналиям, крайне хорошо продаётся. Среднестатистический гражданин России год от года живёт хуже, и ему нужны простые ответы на вопрос «Как это исправить?». В этом плане дать команду "фас" на пару человек – решение, в его глазах, весьма простое. Только в реальности всё гораздо сложнее.

Сначала разберёмся – действительно ли финансовый блок сознательно идёт

против России, в то время как силовой представлен патриотами, которые хотят сделать её сильной? Смотря с какой стороны посмотреть. Стоит отметить, что категория «предательства» в данном случае вовсе неуместна, потому как оба блока исходят исключительно из своих собственных интересов. Выдумки разных пропагандистов о «прямых предателях», которые работают на западные спецслужбы, упрощают картину.

Финансовый блок РФ действует в фарватере международной экономической политики, и винить его за это сложно – для этого он и создавался под чутким надзором Ельцина и Путина. Эти два господина мечтали встроить Россию в мировую систему ультраимпериализма, и у них это получилось. Финансовый блок должен был стать тем регулятором, который ускорит переход «отсталой», по мнению антисоветчиков, России на рельсы развитого капитализма. Соответственно, различные Силуановы, Грефы и Набиуллины - это профессионалы своего дела, выполняющие поставленную Ельциным и Путиным цель. Они строят в России неолиберальный капитализм, так как искренне уверены в его эффективности. При таком строе именно их посты доминируют в государстве. Неолиберальный капитализм отставляет на второй план политический аспект управления государством и концентрирует основные властные полномочия в банковской сфере, так как национальный Центробанк при ультраимпериализме привязан к глобальному рынку и является средством регулирования национальной экономики подчиненного государства.

Силовой же блок (Министерство Обороны, спецслужбы и так далее) точно так же отстаивает собственные интересы. Он получит власть, когда станет необходим государству. В рамках неолиберального капитализма, то есть системы ультраимпериализма, военные полномочия передаются международным структурам. Если встраивать Россию в мир ультраимпериализма, идти по курсу Ельцина и Путина, то необходимо делать РФ частью НАТО, сокращать национальный военный потенциал в пользу транснационального. Потенциальная реализация этих планов сильно ослабит силовой блок РФ, он потеряет политическое и финансовое влияние. Силовому

блоку нужна Россия с зубами и когтями — Россия, которая готова бороться за свои буржуазные интересы, потому что силовики и являются этими самыми зубами и когтями. Они и выступают за такую Россию, те же предложения Бастрыкина по национализации тому яркий пример. Здесь мы рассматриваем исключительно логику элит России, которые не учитывали тот факт, что транснациональный монополистический капитал вовсе не хотел принимать страну в свои союзы.

Такова многогранная картина внутренней российской политики. Экономически повязанная с мировым рынком российская политическая элита после Болотной площади осознала, что ей нет места на сотканной монополистическим транснациональным капиталом паутине, нет места в числе пирующих — только в качестве блюда. В свою очередь бенефициары ультраимпериализма всячески стремятся вызвать в стране политическую нестабильность. Перекрывая связи России и Европы, США допустили сближение России и Китая, которое является столь же опасным в стратегической перспективе для крупнейших воротил ультраимпериализма. Потому уже сегодня мы можем видеть рост напряжения в государствах, которые территориально расположены рядом с Россией и Китаем. Как из Украины делался естественный барьер, так в будущем его могут сделать из Казахстана, Грузии и Армении.

Борьба России с ультраимпериализмом является прогрессивной, поскольку следствие этой борьбы возвращает политэкономическую субъектность региональному империализму, что в свою очередь ведет человечество к той системе, от которой возможен переход к социализму. «Знатоки марксизма» не понимают этого или маскируют своё непонимание отсылками к теории, которой тоже в конечном счёте не понимают. Они являются сознательными или бессознательными врагами пролетариата, высказываются против очагов сопротивления ультраимпериализму, заявляя «оба хуже» или напрямую выступая против России. Только поражение ультраимпериализма приведёт к переустройству системы международных отношений, вызовет необходимость регионального империализма накачивать индустриальные мускулы, то есть

создавать тот самый фабрично-заводской пролетариат, который является руководящим ядром пролетариата вообще.

В сложившейся ситуации российскую политическую вертикаль можно покритиковать за то, что она ведёт борьбу с ультраимпериализмом исключительно по политической линии. Путин напрямую говорит о «перестройке системы», то есть о снижении роли США в ней, а не уничтожении системы как таковой. Однако сохранение глобального рынка с доминацией на нём крупнейших корпораций, сохранение экономической сущности ультраимпериализма, рано или поздно приведёт к появлению новой силы, способной управлять этой системой. США — лишь командный центр, аппаратная комната управления ультраимпериализмом, которой пользуются крупнейшие корпорации. Необходимо выступать не просто против политического господства США, но за выстраивание самодостаточной индустриальной инфраструктуры внутри страны — одно только это может обеспечить политэкономический суверенитет, который является фундаментом для дальнейшей борьбы за коммунизм.

В этом отношении любое сопротивление ультраимпериализму, которое его подтачивает, можно назвать прогрессивным по содержанию, хотя по форме многое из этого для коммунистов неприемлемо. Ярko в этом ряду выделяется пример Ирана. Во второй половине XX века американский ультраимпериализм подчинил себе Иран: сместил Моссадыка, установил прозападное неолиберальное правительство. Центр ультраимпериализма получил марионеточный режим на Ближнем Востоке и много почти бесплатной нефти. Однако впоследствии Реза Пехлеви, умело играючи на противоречиях социалистического и капиталистического блоков, смог сильно ускорить темпы развития Ирана, сделав его мощной ближневосточной державой. Это вызвало недовольство религиозных фундаменталистов. Им не нравились связи с Западом, несогласованность государственных законов с нормами исламского права, основанными на Коране и законах шариата, чрезвычайно быстрый технологический рост, который они считали вредным для традиционных

ценностей исламского мира. На фоне этого из страны был выслан аятолла Хомейни, который стал для исламистов символом мученичества и лидерства.

Ультраимпериализм не терпел и не терпит сильного развития, потому как видит в нём угрозу для собственного существования. Воспользовавшись беспорядками в Иране, вызванными ростом ультрапрогрессивистских настроений в стране, Хомейни вернулся в Иран при поддержке Запада и смог взять там власть. В Иране свершилась исламская революция в 1978-1979 годах. США не рассчитали силы, думали, что смогут контролировать религиозных фундаменталистов, как они делали это на Ближнем Востоке раньше, но не смогли. Иран действительно вырвался из-под зависимости ультраимпериализма и до сих пор ведёт с ним борьбу.

Отношение к исламской революции, если смотреть через призму нашей теории ультраимпериализма, двоякое. С тактической стороны, со стороны трудящихся масс Ирана, произошедшее, естественно, реакционно. Коммунисты того времени не могли приветствовать революцию исламских фундаменталистов, должны были способствовать усилению коммунистических сил в регионе. Но с точки зрения стратегической, которая в рамках борьбы за коммунизм является более важной, победа исламской революции в Иране ослабила ультраимпериализм, а значит событие является прогрессивным по содержанию и реакционным по форме. Неудивительно, что советские деятели направляли приветственные письма новому руководству Ирана, пусть правительство Хомейни и игнорировало их, так как негативно относилось к коммунистам. Любители видеть за «современным иранским империализмом» руку Китая могут попытаться ответить себе на вопрос — под давлением каких факторов совершилась исламская революция, невыгодная буржуазному миру и агрессивно настроенная против мира социалистического? Вдруг выяснится, что в рамках движения социальной материи политика иногда оказывается более весомым фактором, чем экономика³².

Большое сопротивление ультраимпериализму также оказывает и КНДР. В левой среде принято смотреть на положение дел КНДР в исключительно

отрицательном ключе, не рассматривая конкретную всемирную политэкономическую реальность. Северная Корея была вынуждена ошестиниться для защиты от ультраимпериализма после падения социалистического блока. Это был единственный путь сохранения собственного суверенитета. Как бы не насмехались над КНДР и её трудовым народом современные либералы, корейский народ не прогнулся, не позволил захватить себя буржуазной Южной Корее и теперь активно участвует в демонтаже ультраимпериализма.

После развала СССР поддержка этого маленького государства почти сошла на нет, и оно оказалось на распутье. КНДР могла пойти по пути Кубы. Сам Остров Свободы уже идет по пути капитализма. Винить кубинцев сложно – и экономически, и географически они оказались в ужасных условиях, и сопротивляться влиянию США было практически невозможно. Пойдя по этому пути, КНДР превратилась бы в Южную Корею – ад для рабочих всего мира.

За это их закрыли, наложили беспрецедентные санкции, чтобы экономически задушить и вызвать социальные протесты внутри страны. При этом КНДР, пусть медленно, но развивалась. Ей требовалось переждать момент триумфа ультраимпериализма, дожидаться, когда внутренние противоречия этой системы запустят процессы её распада. И они дождались – мировая политэкономическая конъюнктура заставляет буржуазные государства открываться КНДР, начинать торговлю, что крайне позитивно как для самой Северной Кореи, так и для буржуазного мира.

Ещё в 2017 году Путин вводил санкции против КНДР, а уже в 2023 году Ким Чен Ын приезжал в Россию для встречи с Путиным. Налаживание связей России и КНДР - прекрасная возможность и для первых, и для вторых. Первые могут научиться выстраивать суверенную экономику, а вторые смогут разрушить либеральные мифы, которые штамповались десятилетиями. Причудливые вихри истории уже ставили социалистов бок о бок с капиталистами, стоит вспомнить хотя бы союз Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Союз КНДР и РФ по содержанию можно отнести к подобному, хотя

по форме он, конечно, серьёзно отличается.

Сильная политическая вертикаль позволила КНДР выстоять в этом шторме. Тем, кто смеётся над «монархией Кимов», следовало бы ответить на вопрос, как повлияла бы регулярная политическая чехарда на эту маленькую осаждённую страну. Насколько велик шанс того, что в политическую вертикаль пробрались бы агенты ультраимпериализма, или Южная Корея воспользовалась бы образовавшейся сумятицей? Шанс этого огромен. Потому политическая система была зацементирована. Это не прихоти отдельных людей, это насущная политэкономическая необходимость. КНДР — уникальный пример в том смысле, что противостоит ультраимпериализму и по политической, и по экономической линии, представляет собой во многом замкнутую экономическую инфраструктуру.

Сопротивление ультраимпериализму порождает подобные союзы³³. Так в одной лодке оказываются крайне разношёрстные силы. Если говорить в рамках теории империализма, то вот же он — второй империалистический блок, который выступает против первого! А значит оба хуже, нет поддержке империализма и прочая, и прочая. Исходя из теории империализма, «знатоки марксизма» механистически переносят действия большевиков начала XX века на современность, упускают все те кардинальные преобразования мировой экономики, о которых мы писали выше. Все аргументы, которые приводят такие «знатоки марксизма», не имеют силы, потому как работают только в том случае, если уже доказано наличие классического империализма, о котором они говорят. То есть они приводят такие аргументы в пользу подгонки ленинской теории империализма под реальность, работающие только в случае, если сегодня на дворе действительно классический империализм начала XX века, который рассматривал Ленин. Это называется *petitio principii*, то есть логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. Уроборос кусает себя за хвост: подобный исследователь изначально знает ответ и подгоняет под него все свои рассуждения.

В рамках же теории ультраимпериализма отчётливо видна прогрессивность борьбы России, Беларуси, Ирана, КНДР и Китая против блока НАТО и его американских хозяев. И Россия здесь играет первую роль, ведь именно решение России о начале СВО бросило крупнейший вызов ультраимпериализму за всю его историю, развязало руки другим региональным силам для борьбы.

Однако следует чётко понимать, что такой расклад сложился без желаний и чаяний российской буржуазии. Они в этом плане выступили своеобразными «героями поневоле», которые разрушать американскую гегемонию крайне боятся, хотя и другого выхода у них практически не остаётся. Дело в том, что с её падением мир откатится к классическому империализму. Если российская буржуазия захочет суверенитета, ей придется создавать и развивать собственное производство. Без сильной автономной экономики вступать в империалистическую войну российская буржуазия не желает, но за 30 лет деградации она даже не научилась ее выстраивать должным образом.

Потому коммунистам необходимо осознавать прогрессивную роль современных процессов, но в тоже время понимать, что делаются они руками регрессивных и даже реакционных политических субъектов, солидаризироваться с которыми не стоит. Подрыв американского ультраимпериализма начался. Чем больше государств подключится к этому процессу, тем раньше появится окно возможностей для действий левых сил. В этом отношении самым своевременным решением будет подготовка к работе в принципиально иных условиях, в которых мир не оказывался с начала предыдущего века, то есть нам необходима актуализация марксистской теории. Возврат к классическому империализму в любом случае не приведёт нас к точно такой же конфигурации мировой системы, что и тогда, но стратегические рельсы развития будут крайне схожи. Ультраимпериализм падёт под натиском объективных экономических факторов, а с новым империализмом нам ещё предстоит побороться.

Именно после распада настанет империализм в новой форме. Почему в новой? Потому как вернуться к классическому империализму будет невозможно. Классический империализм предполагал, что каждое государство-империалист

– независимый, суверенный субъект. Да, условные Российская империя и Великобритания торговали и в определённых сферах присутствовала взаимозависимость, но глобально они были независимы. Они прекрасно понимали, что их потенциальный конфликт возможен, и что необходимо обеспечить потребности внутреннего рынка. Так, даже в период наполеоновской блокады Великобритании, способная влиять на весь мир, продолжала существовать и имела во многом замкнутую экономическую и индустриальную структуру.

Ультраимпериализм, который господствует в буржуазном мире после Второй мировой войны, сильно стёр границы между национальными экономиками. Сегодня действительно суверенных государств почти не осталось. Но ультраимпериализм разрушается, образуются новые политэкономические центры силы. И центры эти будут представлены не одним государством, а определённого рода конфедерациями-блоками.

Одномоментно разорвать все связи нельзя – внутренние рынки к этому не готовы. Придётся искать внутреннюю ресурсную базу, индустриальные силы, рабочие мощности. Разные страны будут вынуждены сближаться в политэкономическом плане и ещё больше связывать друг с другом свои экономики ради выхода из-под пяты ультраимпериализма. Они объединятся в своеобразные конфедерации. Сохраняя юридическую независимость друг от друга, фактически государства будут сбиваться в блоки, в единый механизм с единым политэкономическим пространством. Это уже не просто союз нескольких империалистов в едином блоке – это именно что один империалист, поделённый внутри себя на ряд условно независимых государств. Ультраимпериализм не распадётся на сотни независимых осколков, он разобьётся примерно на 3-4 таких конфедерации. И в этом довольно много прогрессивного для мирового рабочего движения, ведь в таком случае судьбы пролетариев таких блоков будут повязаны куда больше: коммунистам будет легче вести агитацию и пропаганду сразу на большом участке земли, объяснять связь пролетариев в рамках такого блока и вести борьбу. Именно к ней и стоит

сегодня готовиться, отслеживать контуры грядущего мирового порядка.

Это кратчайший очерк политических процессов ультраимпериализма. Мы попытались объяснить, как действуют бенефициары системы, как они насаждают свою политическую волю всему миру, и почему региональный империализм сопротивляется. Диалектика этой борьбы — ключ к распаду системы ультраимпериализма, и понимать её необходимо, чтобы планировать действия коммунистов в конкретных политэкономических событиях.

Мы уже сегодня видим обострение политической борьбы в том числе внутри центра ультраимпериалистического мира. Предвыборный лозунг Трампа «Сделаем Америку снова великой» может показаться голым популизмом, ведь известно, что США сегодня находятся на пике могущества. Но стоит внимательнее присмотреться к этому лозунгу. Ультраимпериализм постепенно распадается. США в современной системе ультраимпериализма являются своего рода аппаратной комнатой управления. Несмотря на все те преференции, которые десятилетиями получали Штаты от системы, её обрушение всегда висело над страной дамокловым мечом. В случае сложностей с дальнейшим контролем мира, когда региональные империалисты поднимут головы и почувствуют слабость Штатов, эта страна может быть погребена под обломками системы. Судорожные попытки сохранить американскую гегемонию могут привести к столь печальным последствиям, и осознание этого толкает различные внутренние кланы действовать, пытаться перехватить власть у ставленников монополистического транснационального капитала.

Трамп — один из подобных представителей. В конце 2024 года в США должны пройти выборы президента, и, как показывают опросы, поддержка Трампа в Штатах сейчас крайне велика. Уже сейчас можно увидеть, как сильно повязли Штаты в необходимости сохранять свою гегемонию ради собственного существования. Это всё в конечном счёте ложится на плечи простых американских граждан, которые, подобно рабочим любой другой страны, хотят просто нормально жить.

С учетом специфической системы выборов в США, при которой решение

остаётся за специальными «выборщиками» от тех или иных штатов, такой расклад действительно опасен для Демократической партии и её представителей. Они могут действовать очень изощрённо, чтобы не допустить Трампа к власти, либо вовсе ликвидировать его. Несмотря на всю кажущуюся формальность политического аппарата и его зависимость от экономических структур, в конечном счёте Трамп будет ставленником той части американских элит, которая выступает за сворачивание ультраимпериализма³⁴, за скорейший переход к новой мировой конфигурации, конечно же, попутно преследуя собственные интересы. Демократическая партия и её хозяева могут пойти и на открытый конфликт внутри американского общества, чтобы сохранить контроль над США — государством и пунктом управления системой ультраимпериализма. Однако даже если транснациональный монополистический капитал потеряет США в качестве точки своего базирования, это ещё не приведёт в полной мере к падению системы ультраимпериализма, хотя и приблизит этот момент. Для уничтожения такой реакционной системы требуется разорвать глобальный рынок, который уже контролируется этим капиталом — пока этого не будет сделано, ультраимпериализм будет возрождаться, ведь адепты этой системы так и останутся нетронутыми, просто перебазируются в какое-либо другое государство.

Этот конфликт уже можно назвать конфликтом регионального империализма и ультраимпериализма, и наблюдается он не только в США. Постепенно и в Европе к власти приходят силы, которые выступают за сильное преобразование современной политической системы: Виктор Орбан в Венгрии, Сара Вагенкнехт и «Альтернатива для Германии» в ФРГ, большую поддержку во Франции имеет Марин Ле Пен. Да, это правопопулистские политики, программы которых не имеют ничего общего с борьбой за коммунизм, но, как ни парадоксально, в тактической перспективе их борьба против ультраимпериализма выгодна рабочим всего мира. Это не отменяет того, что коммунисты обязаны бороться за обретение пролетариатом политической субъектности, но параллельно мы

должны сражаться с ультраимпериализмом. В этом противоречии и состоит главная сложность борьбы коммунистов за освобождение пролетариата в современности. Отличительной чертой этих и других правопопулистских политиков является борьба с миграцией, что «знатоками марксизма» не приветствуется.

Рассматривать миграционный вопрос исключительно с точки зрения представлений столетней давности никак нельзя. Если раньше только национальный бизнес был заинтересован в дешёвой рабочей силе, желая снизить издержки на производство своих товаров, то теперь к этому прибавилось желание транснациональных монополистических корпораций максимально разобщить национальные сообщества для того, чтобы нивелировать угрозу объединения трудящихся против себя. Желание капиталистов приумножать капитал никуда не делось — оно лишь стало частью миграционной проблемы.

Глобальное разделение труда, реализованное в рамках ультраимпериализма, привело к тому, что выходцам из многих регионов мира некуда больше деться. Единственный шанс для них устроиться в жизни - это рабочая миграция. Бенефициары ультраимпериализма вбили многие регионы в каменный век, сознательно остановили развитие многих государств и народов, а после этого пролоббировали открытие национальных границ, что шло рука об руку с интересами национального бизнеса.

В результате рабочая миграция приобрела размах гораздо более чудовищный, чем это было 100-150 лет назад. Порой до трети или половины того или иного государства - это рабочие на выезде. Миграционный вопрос стал рычагом управления трудовой миграции, удержания ее в «серой зоне». Она искусно поддерживает баланс между недовольством местных пролетариев и удовлетворением спроса на копеечную рабочую силу, не позволяет самим мигрантам защищать свои трудовые права. Естественно, вкупе с классической буржуазной антимигрантской пропагандой это явление порождает гораздо более масштабные национальные конфликты, нежели это было тогда.

Пропаганда неолиберальных ценностей, распространение мещанских мелкобуржуазных воззрений и укоренение их в массовом сознании целых поколений американцев, европейцев, а с 1991 года ещё и россиян ведут к постепенному естественному вымиранию целых народов. Дети, воспитанные в идее «всё для себя» и считающие себя временно бедствующими миллионерами, вряд ли сознательно в будущем обременят себя рождением детей, потому как в конечном счёте это большое экономическое бремя. Но дело не в идее, и не с идеей следует бороться — идея лишь плоть от плоти той политэкономической ситуации, которая сложилась в Европе и США после Второй мировой войны. В России ситуация ещё тяжелее. Вкупе с пропагандой неолиберальных ценностей, которая велась на протяжении последних лет, Россия восстанавливалась после чрезвычайно упорных попыток встроиться в мировой рынок, что стоило экономической стабильности десяткам миллионов людей. Молодёжь с мелкобуржуазным мышлением на развалинах некогда сильного СССР без чёткого понимания, что будет дальше, и с желанием уехать из страны при первой возможности вряд ли будет думать о детях.

Это все привело к тому, что массовая миграция стала одним из инструментов поддержания системы ультраимпериализма. Демократическая партия США — главный лоббист интересов ультраимпериализма в Штатах — выступает с позиции бесконтрольной миграции, потому как впоследствии мигранты становятся их электоральной базой для противостояния с антиультраимпериалистическими силами. Более того, созданные в кабинетах ЦРУ террористические организации, базирующиеся на Ближнем Востоке, через бесконтрольную миграцию получают возможность действовать почти везде по заказу своих хозяев. Бесконтрольная миграция, которую насаждают государствам во благо неолиберализма, является фундаментом распространения теневой торговли и создания точек социальной нестабильности — всё это делает современную глобальную миграцию куда более многокомплексным явлением, чем сто лет назад.

Потому неудивительно, что силы регионального империализма, которые

постепенно берут власть в некоторых странах Европы, выступают с антимигрантских позиций. Естественно, России также следует искать пути восполнения собственных сил. Поэтому господа чиновники сильно озаботились вопросами демографии, правда, действительно дельных предложений на этот счёт пока высказано практически не было. Всё что мы увидели, это надувание щек, топтание на месте и имитацию бурной деятельности: они продолжают витать в облаках идеалистических абстракций, между тем как уже было сказано и доказано — идеи лишь плоть от плоти политэкономического положения. Экономическая стабильность, повышение материального благосостояния граждан, уровня образования и медицины — только это может дать демографический рост. Организовать все это возможно, нужно только отказаться от неолиберального капитализма и внедрить элементы социализма в экономику³⁵. При СССР демографический рост был впечатляющий, потому что СССР был народным государством и стремился сделать жизнь своих граждан лучше и безопаснее. Демографическая проблема начнет выправляться, как только будет решен вопрос с занятостью. Когда решится демографический вопрос, тогда и вопрос миграции начнет разрешаться.

Региональный империализм поднимает голову, постепенно перехватывает рычаги управления у крупных транснациональных корпораций. Коммунистам требуется участвовать в этом процессе, а именно постепенно готовиться к новым битвам после поражения ультраимпериализма и укрепления регионального империализма. Вместо этого коммунисты растрачивают свои без того скудные силы и время, занимаются эоактивизмом и борьбой за гендерное разнообразие — но это уже тема следующей главы.

Идеология ультраимпериализма.

Идеологию ультраимпериализма можно условно разделить на две части: одна интерпретирует глобальные политэкономические события, другая интерпретирует и регулирует частную жизнь общества. После уничтожения социалистического лагеря ультраимпериализм стал диктовать свои идеологические нарративы большей части всего общества. Так как именно США стали лоцманами империалистического лагеря, за основу были взяты представления крупных американских буржуа о том, как следует жить. Всё это прекрасно описано у таких крупных мыслителей эпохи ультраимпериализма, как, например, Генри Киссинджер.

При беглом анализе мировой истории может показаться, что США стали претендовать на ведущую роль в мировой политике и экономике только последние лет 70. На самом деле это не так. Идеи превосходства США как принципиально нового флагманского государства витали в американском обществе очень давно. По этой теме крайне полезно изучить книгу Генри Киссинджера «Мировой порядок» от 2014 года.

Сам текст представляет собой краткую историю различных дипломатических и исторических событий, которые формировали систему международного регулирования. Киссинджер анализирует системы правления и партнёрства в разных регионах. Он выделяет вестфальскую дипломатическую систему как одну из самых совершенных, потому как она позволяла в рамках европейского континента сосуществовать разным государствам и не вмешиваться в дела друг друга, но при этом активно развивать торговые, культурные и иные связи. В книге он говорит про Китайские империи, где император являлся центром мироздания, Россию он описывает в похожем ключе, объясняет взаимодействие западного мира и восточного. Всю дорогу он выявляет те или иные слабые стороны систем управления, пока не доходит до США.

Американская система, в его глазах, предстаёт действительной вершиной развития человеческого общества. Свобода, демократия, развитие общества

через кооперацию и здоровую конкуренцию — во всём этом Киссинджер видит модернизированную вестфальскую систему. Её слабость он видит в том, что в определённые периоды европейским монархиям и республикам не хватало силы, чтобы удержать систему сдержек и противовесов — всегда появлялась слишком сильная сторона, которая ломала баланс. Но теперь, с появлением США, эта проблема исчерпана — в случае тех или иных проблем с балансом всегда смогут вмешаться Штаты и привести систему в норму. В этой идее Киссинджер не одинок. Так, он приводит слова президента Джефферсона:

«Для Томаса Джефферсона Америка была не только великой страной, движущейся по пути становления, но «империей свободы» – вечно распространяющейся силой, действующей от лица всего человечества в том, что касается отстаивания принципов надлежащего управления. Как Джефферсон писал во время своего пребывания на посту президента:

«Мы полагаем, что действуем сообразно обязательствам, которые не ограничены исключительно рамками нашего собственного общества. Невозможно не осознавать, что мы выступаем за всё человечество; что обстоятельства, в которых отказано другим, но которые дарованы нам, налагают на нас обязанность показать, что такое на самом деле та степень свободы и самоуправления, каковой общество осмеливается наделить отдельных своих членов».

Определенные таким образом расширение Соединенных Штатов и успех их предприятий соседствовали с интересами человечества. Увеличив территориально вдвое размер новой страны посредством прозорливо организованной покупки Луизианы в 1803 году, Джефферсон, отойдя от дел, «откровенно признался» президенту Монро: «Я даже обращал свой взгляд на Кубу, как на наиболее привлекательное дополнение, которое могло бы когда-нибудь сделано к нашей системе Штатов»³⁶.

То есть уже в начале XIX века США отождествляли свои интересы с интересами всего мирового сообщества. Впоследствии, конечно, американская

внешнеполитическая доктрина не раз претерпевала изменения. Можно вспомнить изоляционистскую политику, которую формулировал Вудро Вильсон. Он говорил, что Штатам следует как можно меньше вмешиваться в дела других стран. Но, как показывает практика, подобные периоды в истории были крайне редки, да и сам Вильсон по итогу принял решение вступить в Первую мировую войну — такой вот изоляционизм. Как же сам Киссинджер объясняет такой подход США к внешней политике? Он говорит о том, что США не стремятся к мировому господству:

«Большую часть этого периода подразумеваемой целью американской стратегии за пределами Западного полушария было стремление трансформировать мир в той манере, которая сделала бы ненужной стратегическую роль Америки»³⁷.

Что под этим подразумевается? Фактически США пытаются построить в мире «чистый рынок», максимально дистанцировать национальные государства от национальных экономик, перевести всю экономику в разряд единой и мировой. На первый взгляд, цель правильная и благая, в конечном счёте коммунисты тоже предлагают глобализацию, то есть перейти к единой мировой экономике, которая будет работать на благо всего человечества. Но коммунисты предлагают попутно уничтожить классовое деление общества и перевести всю собственность в пользование общества. США же остаются инструментом буржуазных дельцов, причём дельцов мирового масштаба, которые уже покрывают своими корпорациями большую часть мира. Соответственно, их подход «построить мир, в котором США будут не нужны», означает лишь использовать государство США как классовый инструмент, чтобы построить мир чистой экономики с доминированием пары-тройки крупнейших транснациональных корпораций, которые смогут управлять уже безо всякого государства. В этом направлении они движутся уверенно — некоторые крупные корпорации уже имеют бюджеты, сравнимые с бюджетом того или иного государства.

Конечно же, все эти цели облачаются в идеалистические одежды, Киссинджер

называет США «страной-идеалистом» и пишет следующее:

«Всё это время Америка пылко утверждала, что ею руководило не стремление к территориальной экспансии в традиционном смысле, но predetermined свыше распространение принципов свободы»³⁸.

Далее он приводит вырезки из газет от 1839 года:

«Американский народ ведет свое происхождение от многих других наций, Декларация о национальной независимости всецело основывается на великом принципе равенства людей, и вместе эти факты демонстрируют наше обособленное положение по отношению к любой другой стране; то, что у нас есть в действительности, практически не имеет связи с прошлым и историей любой из них, а ещё меньше – со всей античностью, их славой или их преступлениями. Напротив, наше рождение как нации стало началом новой истории»³⁹.

В итоге Киссинджер резюмирует:

«Таким образом, Соединенные Штаты оказывались не просто страной, но движущей силой Божьего замысла и воплощением мирового порядка»⁴⁰.

Идеи тотального превосходства одних наций и народов над другими и пренебрежительное отношение «высших к низшим» вполне можно назвать шовинизмом. И, как следует из идеологического анализа американской истории, определённый шовинизм политическим и финансовым элитам Штатов был присущ всегда. Естественно, они стремились продюсировать его и среди широких народных масс.

Правда, как и любой идеалист, Киссинджер не упоминает ряд немаловажных фактов, которые не вписываются в его картину мира. Говоря, что «следует насаждать демократию и народовластие, пусть даже силой», он не упоминает о том, как США устроили госпереворот для свержения народного избранника Сальвадора Альенде в Чили. Он не говорит про слежку за политическими элитами и простыми гражданами, которую устраивает ЦРУ по всему миру. Он

забывает сказать об Ассанже и Сноудене, о военных преступлениях США во Вьетнаме и Югославии, он вообще много чего не считает важным для повествования. Киссинджер не говорит о богатых и бедных, о классовой борьбе, о многих других вещах, которые являются крайне важными для понимания нынешнего дивного нового мира. В конечном счёте необходимо понимать, какую идеологическую линию гнут современные бенефициары ультраимпериализма.

Естественно, этим идеалистическим сказкам об абстрактной свободе были противопоставлены «ужасы советского режима». Любая система власти всегда будет устраивать её бенефициаров и вызывать желание перемен у тех, кто далек от рычагов управления системой. Современная система ультраимпериализма оказалась в руках конкретных фигур — представителей монополистического транснационального капитала. Самой популярной, в плохом смысле слова, раскрученной фигурой этой когорты, конечно, является Джордж Сорос — вокруг него выросла целая паутина конспирологии, которую смело можно делить на 10. Однако даже после такого деления крупинцы объективной конкретики всё-таки останутся, да и паутина обычно имеет обычай появляться вокруг пауков.

Сорос — один из самых крупных спонсоров Демократической партии США, которая в свою очередь является политическим аппаратом ультраимпериализма. Именно её представители и выходцы из неё возглавляли и возглавляют важнейшие посты в американском государстве, которое продвигает и закрепляет ультраимпериализм по всему миру. Сам Сорос является главой фонда «Открытое Общество», который вполне справедливо признан в России нежелательным. Основанный на идеалистической чепухе Карла Поппера, этот фонд распространял неолиберальные воззрения по миру, участвовал в написании учебников, в том числе частично и в России. Этот фонд несет ответственность за ввод в общественное сознание таких идеологических костылей, как «тоталитаризм», призванный уровнять коммунистические и фашистские общества, «постиндустриальное общество», с помощью которого

объясняют современные перекосы в экономике, он же ответственен за пропаганду идеи «каждый может стать миллиардером». Современному мировому порядку, который строится на тотальной диктатуре транснационального капитала, требовалась вуаль, за которую можно спрятать своё обезображенное лицо. Все эти неолиберальные идеологемы и были созданы с целью спрятать личико.

Идеологической целью этой ультраимпериалистической экспансии являлось и является насаждение определённого взгляда на мир. Свобода и демократия — хорошо, а всё что не свобода и не демократия — это плохо. Чёрно-белая картина мира, которая легко подстраивается под нужды и чаяния бенефициаров системы, так как у них в руках все информационные рычаги. В том числе и культурная элита сплошь и рядом является носителем «правильных» идеологических построений. В связи с этим многие вспоминают высказывание, приписываемое Колчаку, про кучеров, актёров и прочих личностей. Однако современная ситуация куда сложнее. Действительно, «творческие личности» склонны служить любой власти, только обычно это применимо к смене власти в одном конкретном политическом образовании. Мы же увидели, что многие из представителей творческой элиты после начала конфликта в Восточной Европе уехали из страны и стали оттуда либо выжидательно молчать, либо открыто порицать свою страну.

После развала СССР в мире начал тотально доминировать ультраимпериализм. Он проник во все сферы – от экономики в виде диктата МВФ над национальными Центробанками вплоть до культуры, когда деятели той или иной страны ориентируются на европо-американский рынок, становятся его идеологической обслугой. В этом отношении привязанность таких деятелей культуры к номинальной Родине оказалась практически нулевой. Все их связи в «большом культурном мире» в основном завязаны на западных дельцов и продюсеров, а также на западные идеи. Все те творческие деятели, которые получили статус иноагентов, доминировали в культурном пространстве, фактически определяли состояние российской культуры, изначально работали

как часть глобальной культуры. Отсюда вся пародийность их творчества, все попытки подхалимствовать Западу. Они экономически больше завязаны на него, они получили возможность вещать радикальные либеральные идеи именно благодаря победе ультраимпериализма над социалистическим блоком и именно поэтому благодарны ультраимпериализму, как своему крёстному отцу. Однако они крайне успешно при этом используют ту идеологическую смазку, которую Дядя Сэм использует для поддержания своего оружия в превосходном состоянии. Они искренне уверены, что в мире идёт борьба добра и зла, и они, разумеется, находятся на «правильной» стороне. Культурная гегемония бенефициаров ультраимпериализма привела к тому, что даже без прямой вербовки по всей планете вырастают люди, которые изначально варятся в прозападном информационном соке, получают только «правильные новости», а «неправильные» им непременно объясняют под «правильным» углом. Ярче всего эта тема проявила себя при информационном освещении нового витка израиле-палестинского конфликта.

Израиль — это аванпост ультраимпериализма на Ближнем Востоке. Именно потакание его интересам в обход всех международных договорённостей и игнорирование интересов Палестины привели к конфликту, который длится уже десятилетия, то вспыхивая, то затухая. СССР стоял на позиции создания двух государств — Израиля и Палестины, между тем США проигнорировали интересы палестинцев, а Израиль стал воплощением реакции в худшем смысле слова.

Сегодняшние либералы бесспорно поддерживают Израиль. Оно и понятно — он европоцентричен, проамерикански настроен и продвигает неолиберализм в рамках региона. А палестинцы вынуждены тесниться на клочке земли, и для либералов они практически нелюди. По крайней мере, так выразился Нетаньяху⁴¹. Либералы поддерживают Израиль несмотря на то, что Голанские высоты оккупированы им незаконно с точки зрения международной общественности. Для либералов «международное», то есть ультраимпериалистическое признание того или иного факта сразу же делает его

весомым и реальным. Но эти принципы быстро отходят на второй план, когда появляется сила, угрожающая самому ультраимпериализму. В полной мере поддерживать палестинцев, а точнее их методы ведения борьбы, конечно, нельзя. Однако сама их борьба за создание национального государства — это прогрессивно, это против ультраимпериализма, это результат имперской распорядительной политики США в регионе. Но либералы готовы поддержать американскую диктатуру против любой другой силы, потому что искренне веруют в идеалы США.

Так и кто после этого религиозный фундаменталист? Ведь именно на вере в идеалы, которые пропагандируют бенефициары ультраимпериализма, и строятся умопостроения большинства лидеров мнений в «цивилизованном мире». Более того, в странах, ещё не принявших в себя «прогрессивные» идеи неолиберализма, с лёгкой подачи крупнейших информационных монополистов довольно быстро раскручиваются носители этой «светлой правды», а представители альтернативных точек зрения часто бывают поруганы и заблокированы.

Бенефициары ультраимпериализма — хорошие бизнесмены и не кладут все яйца в одну корзину. Выгодная им идеология принимает разные формы, надевает различные маски, просачивается в самые разные политические течения. Идея превосходства неолиберальной идеологии — это универсальная истина, которую пытаются зацементировать в общественном сознании разными путями: от мир-системы и франкфуртской школы для сторонников левых взглядов до цивилизационного учения Хантингтона и «дивного нового мира» Юваль Ной Харари для правого фланга. Все эти правые и левые пропагандисты затушёвывают реальные проблемы: либо предлагают решать вопросы послезавтрашнего дня, как это делают современные постмарксисты, либо обосновывают экспансию ультраимпериализма и необходимость его торжества, как это делает тот же Хантингтон.

Не секрет, что в понимании современного европейского или американского обывателя представители левых идей ассоциируются с борцами за права

национальных, сексуальных, интеллектуальных и прочих меньшинств. Подлинного наполнения революционной теории, концептуально сформулированной Марксом, в западном левом дискурсе почти не осталось. Для обывателя российского это крайне непривычно хотя бы потому, что мы могли наблюдать, пусть и через историческую память, настоящих марксистов: Ленин, Сталин, Молотов, Калинин, Киров, Дзержинский и др. Однако и развитие теории внутри СССР пошло под откос по многим причинам.

Современные «новые левые», фрейдомарксисты, получили монополию на теорию марксизма. После развала СССР ортодоксальный марксизм, который и без того внутри Страны Советов был сильно извращён, признали нежизнеспособным. Потому ищущие социальной справедливости обратились к западным левым интеллектуалам, дабы понять, куда двигаться дальше. Но вместо ответов на насущные вопросы нашли фрейдомарксизм, Франкфуртскую школу, грамшизм, жижекианство и прочие слабо связанные с делом освобождения человечества идеи и учения.

Дело в том, что развитие марксизма на Западе проходило в специфических условиях. Сам капитализм из-за наличия под боком социалистического блока начал мутировать. Настала эпоха ультраимпериализма: капиталу пришлось идти на значительные уступки рабочему народу, удовлетворяя многие требования, которые российские рабочие получили только через Великий Октябрь. Да и сами левые в странах Европы и США не сильно хотели открыто политически выступать за свержение своих буржуазных режимов: во-первых, мир был обескровлен Второй мировой войной, во-вторых, против марксистов развернули масштабные репрессии. Стоит вспомнить хотя бы маккартизм в США — довольно яркий пример.

Определённый социальный прогресс, вызванный желанием задобрить пролетариат, вкупе с вышеназванными причинами заставил левую интеллигенцию отказаться от серьёзной политической борьбы. Там и так были сильны отнюдь не марксистские позиции социал-демократии. Так как двигать марксистскую теорию куда-либо в сторону от корневого положения о классовой

борьбе было необходимо, за это взялись разного рода деятели: от Эриха Фромма и Герберта Маркузе до Альтюссера и Жижека. На выходе получилось невразумительно нечто, которое мало того что прямо противоположно идеям марксизма и играет на руку крупной буржуазии, так ещё и называет себя самым что ни на есть революционным учением, единственным способом борьбы за прогресс.

Новый марксизм или, как его было бы правильнее назвать, постмарксизм выносит главное острие борьбы из формата политического в формат индивидуального. Главный принцип постмарксизма — если что-то может быть освобождено, оно должно быть освобождено. Первоочерёдно это касается, конечно же, индивидуальности. Постмарксисты исходят из необходимости освободить личность от любого тлетворного общественного влияния, так как никто не имеет права силой направлять энергию того или иного индивида в русло, которое ему противно. В конечном счёте доведение такого подхода до максимально радикального состояния и приводит к отказу от полового разделения с попутным придумыванием миллиардов гендеров для каждого человека, к отказу от той самой «традиционности», о которой радеют российские пропагандисты, к отрицанию любых форм коллективной идентичности, так как они отягощают жизнь, заставляют следовать правилам и нормам той или иной группы. Тут-то и зарыт главный удар по марксизму.

Настоящий марксист исходит из понимания того, что движение социума в классовом обществе происходит посредством борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых. Разделение общества по классам происходит по объективным экономическим критериям. Есть люди, которые владеют средствами производства и способны извлекать прибавочную стоимость себе в карман, а есть те, кто средствами производства не владеют и вынуждены продавать свою рабочую силу, так как продавать им более нечего. Это положение вне зависимости от того, понимает человек это или нет, хочет это принимать или не хочет, борется он с ним или нет, объективно. Цель марксиста — разъяснить это массам, спланировать их для борьбы против такого положения дел. В конечном

счёте именно классы творят историю, но класс — это как раз общность людей, связанных единым интересом.

В рамках марксистского подхода к анализу социальных процессов есть крайне негативное отношение к штрейкбрехерам — людям, которые во время забастовки рабочих идут на сделку с руководством производства, заменяя бастующих. Марксист понимает, что это в конечном счёте такой же пролетарий, и его поступок связан с нуждой, но в рамках общей классовой борьбы такой человек является врагом движения. В любом случае людям придется друг с другом взаимодействовать, работать по общим правилам и нормам, а значит марксистам придется этих людей сплотить в один огромный коллектив. Хочешь, не хочешь, а без принуждения индивида следовать интересам коллектива ничего не выйдет. В конечном счёте пролетариат должен стать армией прогресса, а в армии приходится исполнять приказы.

Подход постмарксистов лежит в пропаганде полного освобождения человека от влияния общества ради сохранения его индивидуальности. Такая пропаганда прямо вредит рабочему движению, она ломает тот мостик, который необходим для объединения пролетариата под единым командованием с единой целью. Заниматься освобождением человечества плодотворно можно только после: а) приобретения им единого классового сознания и освобождения пролетариата от давления крупного капитала; б) приобретения политической власти пролетариатом; в) социально-экономической переработки общественных отношений, которая одна и является залогом подлинного освобождения человечества. Только после этого можно говорить о более глубокой проработке вопроса освобождения конкретных индивидов. Постмарксизм же представляет собой определённую форму ультралевачества и предлагает решать вопросы послезавтрашнего дня не подходящими инструментами здесь и сейчас.

Сегодня на Западе среди левой молодёжи господствуют именно такие воззрения. Всё чаще можно наблюдать, что столь разрушительный мелкобуржуазный мещанский яд проникает и на отечественную почву, потому

необходимо решительно бороться против попыток привнести столь чуждый марксизму элемент в страну некогда победившего социализма.

Стоит оговориться, что пропаганда подобных идей очень хорошо ложится на современных рабочих, которые посредством культурного диктата ультраимпериализма сплошь и рядом имеют мелкобуржуазное мышление. Экономика неолиберализма, как мы уже говорили, действительно открыла перед трудящимися массами небывалые до сих пор возможности к росту. Неудивительно, что под воздействием окружающей политэкономической действительности, где блоггер с пятью классами образования без навыков и знаний вдруг становится лидером общественного мнения, подрастающие поколения искренне уверены в том, что и они временно бедствующие миллионеры.

Когда страна ухнулась в капитализм, мы как общество стали постепенно терять все социальные завоевания наших предков. С тем же энтузиазмом, с которым большевики проводили ликвидацию безграмотности, современные властители страны насаждают эту самую безграмотность. Ввиду бешеного темпа капиталистической жизни, вечно манящей потенциальной возможности заработать у общества развивается «лотерейное мышление». С марксистской точки зрения, это можно назвать тотальной мелкобуржуазностью.

Такой человек крайне уязвим ко всякого рода махинациям, которые проводят продавцы «успешного успеха». Так хочется порой отринуть объективную реальность, которая явно даёт понять, что невозможно подняться повыше в буржуазном мире, не продав себя, и просто достичь высот в любимом деле. Это спрос. А такие дельцы, которых в инфополе огромное количество, делают предложение, играют на слабостях людей и общей деградации уровня образования и культуры.

Многие наши сограждане действительно верят в то, что, запустив шарик в небо и загадав желание, они смогут стать успешными, победить всех врагов, заработать много денег. И причина тому неолиберальный капитализм. Он низводит человека до функции, которой необходимо знать лишь узкий набор

информации для работы. Но в отличие от простого капитализма неолиберальный капитализм всегда показывает потенциальную возможность заработать, показывает таких блоггеров и артистов, которые, якобы не имея ничего за душой, стали суперзвёздами, поднялись из грязи в князи. Они есть продукт современной стадии капитализма, ценная находка бенефициаров ультраимпериализма, которая всегда отвлекает внимание рабочих от действительных проблем, распространяет мелкобуржуазность. А мелкобуржуазность – враг любого объединения и любой борьбы за права коллектива и прогресс, так как для мелкобуржуа есть только собственное «я».

Девиз современных поколений — «Жить в кайф», и он возник не на пустом месте. Современная политэкономическая реальность породила его, она же породила продавцов успешного успеха. И постмарксистские идеи очень хорошо способствуют распространению и укреплению такого положения дел. Различные формы борьбы за гендерную идентичность, противостояние экологическим проблемам — это вопросы послезавтрашнего дня. Хомо-капиталистикус решить их не сможет, для начала необходимо поставить общество на принципиально иной уровень развития. Это прекрасно понимали большевики, говоря, например, что не стоит отделять рабочий и женский вопросы, потому как первый автоматически включает в себя второй. Современные «знатоки марксизма» это позабыли, взяли на флаг идеи феминизма, гендерного разнообразия, экологической борьбы и обосновали это тем, что реальную рабочую борьбу сейчас вести не получается. То есть они не поставили вопрос, почему реальной практики не получается, вместо этого они подменили реальную практику псевдопрактикой, которая к тому же является ещё и вредной для рабочего движения.

Современные леволибералы бьют себя пяткой в грудь и зовутся последователями Ленина. Они уверены, что в любой ситуации стоит раскачивать лодку социального недовольства, идти на конфликт с буржуазией, даже если тому нет объективных политэкономических предпосылок. При всём этом они, конечно же, прикрываются именем Ильича, называя всех тех, кто

предлагает остановиться и рассмотреть реальность с позиции материалистической диалектики, «диванными теоретиками». В этом они больше походят на романтического ультрареволюционера Троцкого, что довольно объяснимо в свете открытого обожания последнего в псевдомарксистских организациях, наподобие ОКИ⁴².

Между тем сама жизнь и борьба Ленина прямо показывают, что все леволибералы мало чего понимают в марксизме. Есть как минимум два эпизода из биографии Ильича, о которых желающие делать практику ради практики (для них движение является самоцелью) не упоминают или вовсе не знают. Связаны эти эпизоды с событиями после Первой русской революции 1905 года и событиями после начала Первой мировой войны.

Казалось бы, что должен делать видный теоретик и практик коммунизма в эти беспокойные времена? Вероятно, бегать по городам и весям и пытаться поднимать народ на восстание? Писать статьи, призывающие самоорганизовываться и бросаться на амбразуру буржуазного мира? Нет. Ленин в отличие от самозванных «марксистов» современности действительно понимал марксизм. Потому он поступил иным образом.

Провал Первой русской революции приводит к разброду и шатанию революционных кругов. Многие видят необходимость «дополнить» марксизм разными небылицами, например, махизмом, который с ним никоим образом не сочетается. К слову, современные леволибералы очень хотят поженить марксизм с фрейдизмом или мир-системным анализом — направлениями мысли, так же несовместимыми с учением Маркса.

Ленин видел во всем этом большую угрозу, и потому написал книгу — не политическую, не призывающую идти и «шатать режим ради шатания режима», а философскую. «Материализм и эмпириокритицизм» стал ответом Ленина на многочисленные ошибки в методологии коммунистических кадров. Непонимание марксизма и его метода уводило людей, например, Богданова и Луначарского, от той практики, которая была действительно актуальной и нужной. Ленин видел проблему марксистского движения именно в мышлении

его кадров, а не в «недостатке практики, акций, митингов, листовок», к чему всё сводят современные леволибералы.

Второй такой случай был сразу после начала Первой мировой войны. Опять-таки ситуация как будто располагает к активной агитации, к попыткам пробудить пролетариат и так далее и тому подобное. Из-за того что вожди Второго Интернационала предали дело революции, Ленин увидел, что большинство так называемых «марксистов» в действительности марксистским методом не владеют, отчего их практика вредит рабочему движению, хотя на словах они все выступают, конечно же, за социализм. Что делает Ленин? Садится в библиотеку, штудировать Аристотеля, Листа, Гегеля, пишет свои знаменитые «Философские тетради» для внутреннего пользования. Таким образом он углубляет своё понимание марксизма, понимает, где конкретно недоработали другие кадры, и как следует выправить ситуацию в революционном движении. Практически год с начала Первой мировой войны Ленин не вылезает из библиотеки — и это самая полезная практика, которая могла быть им предпринята в тот момент.

Современные леволибералы воздвигли «культ практики». По их мнению, если ты не идёшь агитировать и раздавать листовки, не поддерживаешь любую «движуху», даже если она противоречит марксистскому пониманию и марксистской же полезности, если не бежишь строить массовую политическую организацию, то ты вообще не марксист, не коммунист, а диванный эксперт и теоретический ботаник. Интересно, как именно леволибералы отнеслись бы к Ленину в 1914-1915 годах, который именно что засел за теорию?

Леволибералы не понимают, что есть периоды истории и классовой борьбы, когда развитие теории и есть острие практики. Диалектику такие господа усвоили очень посредственно, оттого им эта мысль недоступна. Не пустое пережёвывание марксистских текстов столетней давности, не переваливание их с боку на бок и катание по языку должны стать насущным делом современных марксистов, но выявление тех сторон реальности, которые серьёзно изменились со времён Маркса и Ленина. Пока эта работа — реальная марксистская

практика — не завершена, браться за другую не просто бесполезно, но даже вредно. С плохой стратегией полководец, скорее, потеряет свою армию, нежели добьется успеха. Современное поле боя слишком сильно отличается от той местности, которую застали великие генералы прошлого.

Если смотреть на развитие современных политэкономических процессов «справа», то мы можем обнаружить их куда более близкими к реальности. Несмотря на то, что они базируются на идеалистических предпосылках, заостряют незначительные и непостоянные элементы реальности, они оказываются более удобоваримыми для постижения актуальной реальности, что потенциально и приводит к правым силам большее количество последователей. В этом нет ничего удивительного. Как говорил Лукач: «Истории человечества известно множество случаев, когда применяемая теория сама по себе была ложной и все же способствовала достижению правильных результатов». Или как говорил Ленин: «Умный идеалист ближе к умному материалисту, чем глупый материалист». К сожалению, современная популярная левая волна погрязла в глупом материализме, о чём мы сказали выше, и потому определённые выкладки того же Хантингтона, Бернара Леви или Дугина оказываются куда ближе к описанию реальности, чем выкладки леволибералов. Подумайте, кем вы оказались биты!

В основе рассуждений Хантингтона и прочих цивилизационистов лежит представление о том, что Россия – отдельная цивилизация, и её конфликт с Западом идёт именно на межцивилизационном уровне, отчего является критически важным для всех нас. России, согласно мнению цивилизационистов, присущи традиционализм, православие и духовная стойкость, а противостоим мы западной цивилизации, сущностное наполнение которой иное.

Кто раскрутил этот подход? Дело в том, что Штаты возглавили буржуазный мир на фоне противостояния с СССР. Максимально демонизировав коммунизм, они начали свой крестовый поход против него, и это принесло свои дивиденды. Однако ближе к 1990-м стало понятно, что скоро СССР рухнет. Казалось бы –

вот момент, чтобы отказаться от бешеных расходов на военно-промышленный комплекс, начать жить в соответствии с либеральными ценностями и при свободном рынке. Но США не собирались отходить от управления миром, поэтому им нужен был новый враг.

На помощь очень кстати пришёл уже упомянутый Хантингтон, который разработал новую цивилизационную теорию. Согласно ей, в мире существует несколько глобальных цивилизаций. Сколько конкретно, сам Хантингтон сказать не смог, потому как критерии вывел неточно. И они, естественно, находятся в противостоянии друг с другом просто потому, что они разные. Такое «научное» объяснение происходящих мировых процессов от известного социолога и политолога, больше похожее на мир Средиземья Толкина.

Его теория не учитывает этносы, которые проживали между очагами разных цивилизаций, закрывает глаза на некоторые исторические процессы, например, на объединение некоторых враждебных, по мнению Хантингтона, цивилизаций для общих дел. Она имеет весьма смутное представление о том же СССР, который вообще в теорию политолога не вписывается, так как построен на научной основе, а не идеалистической. Она отрицала продвижение НАТО на Восток: Хантингтон напрямую в своей книге давал прогноз о том, что этого не будет. Но при всех своих промахах она куда ближе к реальности, чем выдумки леволибералов, которые под маской марксизма несут в свет гендерные идеи и отражающую только часть реальности в современных условиях теорию империализма.

За теорию Хантингтона в том числе ухватился Дугин, хотя славянофил Николай Данилевский почти за 200 лет до Хантингтона высказал похожие идеи. Сегодня цивилизационная теория является основой как для сторонников ультраимпериализма, так и для его противников. Так, Путин на официальном уровне провозгласил Россию «государством-цивилизацией», отличной от Западной. Равно как буржуазные теоретики «изобретали» национальности в XVI-XIX веках, так теперь кроются цивилизации. Причина проста –

региональные империалисты нуждаются в идеологическом обосновании борьбы с ультраимпериализмом. Как в своё время буржуазия поддерживала свобододолюбивых мыслителей, которые развивали свои философские воззрения в антимонархическом ключе, что впоследствии вылилось в Эпоху Просвещения, потерю сакрального статуса монарха и Великую Французскую революцию, так современные идеологи регионального империализма готовят фундамент скорейшего перехода от ультраимпериализма к классическому империализму в новой форме.

Национализм был необходим буржуазии, с помощью него они очерчивали внутренние рынки, чтобы установить своё господство на них. Для этого требовалось чётко отделить один социум от другого идеологической стеной. Так и появились немцы, французы, англичане, русские и множество других национальностей. До этого в мировоззрении людей определение «свой-чужой» происходило либо по географическому признаку (родились в одной деревне или селе), либо по религиозному. Но рынки расширялись, появилась необходимость централизованно управлять большим количеством людей.

Теперь же рынки многих стран слишком сильно переплетены друг с другом. Одним национализмом уже не обойтись: он слишком узок. Потому и вводится более обширное и вместе с тем абстрактное понятие «цивилизация», которое практически невозможно научно конкретизировать. И если буржуазия XVI-XIX веков готовила именно нации к переделу мира, то теперь, на новом витке развития, будет готовить уже «цивилизации», хотя сущностного различия между этими идеалистическими абстракциями попросту нет. По крайней мере, пока их не разъяснил ни один апологет этих теорий.

Сторонники ультраимпериализма тоже пользуются цивилизационной теорией, однако с тем лишь отличием, что признают первенство определённых универсальных ценностей «западной цивилизации». Так, малопопулярный в России, но крайне популярный на Западе Бернар Леви напрямую называет современную эпоху бунтом пяти королей. В его ультралиберальном мировоззрении существует глобальная империя, в которой все регионы равны

друг другу, процветает мир, добро и демократия, от каждого народа берётся только лучшее. Естественно, под этим миром Леви понимает американско-европейский блок. В то же самое время существуют пять королей — Россия, Китай, Иран, Саудовская Аравия и Турция, — которые желают разрушить единый порядок.

Развивает эту идею ставший недавно популярным Юваль Ной Харари. Его концепции касательно прогнозирования будущего оказались крайне приятны современным бенефициарам ультраимпериализма. Он уже рисует этот дивный мир неолиберального будущего в красках. В работе «Sapiens» он расписывает свой «Проект Гильгамеш» — идею фактического закрепления всего человечества в состоянии хозяев и слуг до скончания времён. Неудивительно, что он яростно критикует действия России, считая, что они отсрочивают эту сладостную мечту мировых кровопийц. В рамках его представлений наиболее состоятельные господа мира могут получить бессмертие, доступ к лучшей еде и природе, а недостаточно состоятельные могут довольствоваться виртуальными симуляциями, в рамках которых их «счастливую жизнь» можно организовать биохимически. Понятно, что всё это лишь фантастические сказочки, но чрезвычайно быстро книжки Харари, пестрящие историческими и политэкономическими несоответствиями, отпечатали по всему миру. Он, как чёртик из табакерки, вдруг выпрыгнул и стал «всемирно известным интеллектуалом», к мнению которого прислушиваются. Видимо, крайне понравились эти идеи крупнейшим мировым капиталистам.

Как не парадоксально, но и проультраимпериалистическая трактовка актуальных мировых событий Леви и антиультраимпериалистическая трактовка Дугина признают наличие этого самого ультраимпериализма, пусть и облачают его в свои идеалистические одежды. И только марксисты плетутся в хвосте, что совершенно несвойственно для нашей передовой теории, которая разрабатывалась передовыми умами человечества. Как ни странно, но победа Великого Октября сыграла двоякую роль в теории марксизма по части её выводов. С одной стороны, она подтвердила выводы Маркса, Энгельса и

Ленина, но, с другой стороны, она зацементировала их этой победой. Между тем живая душа марксизма — это конкретный анализ конкретной ситуации. А большинство левых всё ещё смотрят, как те или иные события современности соотносятся с теоретическими выкладками столетней давности. Неудивительно, что они сегодня оказываются биты Дугиными, Леви или Хантингтонами.

Актуальная политика в массовом сознании сегодня крутится вокруг понятий «геополитика» или «цивилизация», а «знатоки марксизма» искренне не понимают, почему они повторяют, как волшебное заклинание, цитаты столетней давности, а железные дивизионы пролетариата всё ещё не берут власть в свои руки. Наша работа как раз и призвана вернуть марксизму актуальность, без которой он превращается в набор безжизненных формул. Это, своего рода, реанимация марксистской науки, попытка дать ей тот теоретический и категориальный аппарат, который поможет нам понять реальность и на основе этого выявить те формы практики, которыми нам, как коммунистам, необходимо заниматься.

В противном случае получается «мир-система», которой сегодня так же пытаются подменить марксизм. Что есть мир-системный анализ? Если обобщить категориальный аппарат, которым орудуют мир-системщики, и общее направление их мыслей, то получается следующее. Это подход к изучению мира как единой системы (экономической, политической, идеологической или всё разом в зависимости от конкретного мир-системщика), где приоритет отдаётся попытке классифицировать все части этой системы, выявить их место в рамках общей системы и те характерные черты, которыми обладает конкретная часть, и исходя из этого спрогнозировать общее движение всей системы в целом. То есть сперва мир-системщик делит мир на несколько секторов по тем или иным параметрам, изучает, как работает каждый сектор в отдельности, и после этого соединяет полученные отдельные знания в цельную картину относительно всего мира в целом.

В чём проблема этого подхода с точки зрения марксистского метода анализа реальности? Он не затрагивает вопросы классовой борьбы и классов как таковых, таким образом убирает из анализа субъективные факторы развития. Он не учитывает относительность тех или иных категорий, которые выделяются в рамках анализа: периферия мир-системы может вести себя, как полупериферия, полупериферия может вести себя, как центр; они могут менять своё поведение, исходя из конкретной политэкономической ситуации, в которой оказались, чего мир-система не учитывает. Он плодит сущности, которые необходимы лишь для построения теоретических моделей, но не подходят для построения практических моделей, которыми могли бы воспользоваться мир-системщики (субимпериализм тому пример). Оторванность мир-системы от практики — ключевое отличие её от марксизма, теоретические построения которого всегда имеют своей целью скорректировать практику коммунистов, ведь в самом теле марксизма зашита идея о том, что мир необходимо менять путём воздействия на общественный строй.

Мир-системщина может дать набор шаблонов для разбора некой конкретной ситуации, но она не в состоянии дать стратегического взгляда, не способна перевести свои выводы в практику, игнорирует ряд ключевых положений, вокруг которых в том числе строится марксизм. Отдельные наблюдения мир-системы могут быть использованы и марксистами, но в рамках науки марксизма уже выработаны необходимые аналитические аппараты, которые позволяют проводить анализ с прогностическими выводами и переводом теории в практику. Тогда зачем нам мир-система?

С точки зрения мир-системы, конфликт России и Украины объясняется следующим образом. После развала СССР Россия стала полупериферийной страной, которая зависима от стран центра и доминирует над государствами полной периферии. В России к власти пришла компрадорская буржуазия, которая, подмяв под себя государственный аппарат, начала использовать его для облегчения вывоза энергоресурсов за границу, превратила это в главный источник собственного обогащения. Постепенно капиталы внутри страны

росли и стали переливаться через край, орошая соседние экономики, в том числе и украинскую. Однако страны центра также имели виды на Украину и привели там к власти свой режим, чтобы изъять российские активы в свою пользу. Как раз с целью оставить эти активы за собой российское политическое руководство и бросилось в отчаянную попытку эти капиталы сохранить.

Такой картины мира придерживается, например, коллектив «Простые числа». Более того, мир-системщики пытаются подвести под это теоретизирование ленинскую концепцию империализма, заставляя мало разбирающуюся публику думать, что мир-система – прямое продолжение идей марксизма-ленинизма. Но это не так!

Полупериферийная компрадорская буржуазия РФ, которая в рамках этой теории полностью зависима от продажи энергоресурсов на Запад, вдруг идёт в прямую конфронтацию с этим самым Западом. Для сравнения – в экономику Украины было вложено порядка 17 миллиардов долларов. Один только «Газпром» от торговли ресурсами с Западом зарабатывает в год гораздо больше, в среднем по 60-80 миллиардов. В рамках теории мир-системы выходит, что отечественная компрадорская полупериферийная буржуазия, которая при этом ещё является субимпериалистом (термин мир-системщиков), решила поставить на кон 60-80 миллиардов долларов дохода в год ради того, чтобы спасти вложенные за пару десятилетий 17 миллиардов инвестиций в украинскую экономику. Нет ли здесь явного противоречия экономическим интересам этой самой буржуазии, о которых говорят мир-системщики?

В теории мир-системщиков, РФ в феврале 2022 года начала СВО с целью именно что подчинить себе мощности Украины. Но как они себе это представляют? По открытым источникам со стороны России, в конфликте участвует не более 650 тысяч человек на момент декабря 2023 года, до частичной мобилизации в сентябре 2022 года бойцов было и того меньше. Как господа мир-системщики представляют себе «подчинение» столь огромного государства, как Украина, силами настолько незначительными? Для сравнения — в киевской наступательной операции во время Великой Отечественной

войны со стороны СССР участвовало порядка 671 тысячи бойцов — и это только для освобождения одного города. Тут же следует учитывать поддержку американо-европейского блока, которую российские генералы не могли не принимать в расчёт. Взять тот же Киев силами в 300-400 тысяч человек, учитывая пребывание там миллионов гражданских, попросту нереально. Более того, действия РФ в феврале-марте 2022 года принесли желанный результат: украинское руководство село за стол переговоров, и именно после этого части войск РФ отошли из Киевской, Сумской и Черниговской областей, что впоследствии было названо «жестом доброй воли» для скорейшего установления мира. Из открытых данных по Стамбульским договорённостям видно, что ни о каком политэкономическом «подчинении Украины» речи не велось — фактически обозначались лишь независимость Донбасса, «внеблоковый статус Украины», которые можно рассматривать как логичный шаг в свете невыполнения Киевом Минских договорённостей²⁵. Ни о какой защите российских капиталов или привилегий для них на украинском рынке речи не велось, хотя мир-системщики исходят именно из чисто экономических целей конфликта. Но как можно говорить о чисто экономических целях, если правящий класс, например, в лице господина Потанина открыто заявляет, что «Норникель» теряет до 20% ежегодного дохода от санкций, а части производств российскому капиталу пришлось перебазировать в Саудовскую Аравию и Китай⁴³, что в конечном счёте лишь усложнит процесс максимизации прибыли? Даже в случае заключения договора в Стамбуле в марте 2022 года санкционное давление однозначно было бы и точно так же сказалось бы на российских монополистических капиталах, равно как это было после Крыма в 2014 году. Присоединение Крыма было выполнено быстро, успешно и с около нулевыми потерями, но лидеры ультраимпериалистического мира всё равно ввели широкий пакет санкций как против конкретных персон российского политического и экономического мира, так и против крупных капиталов, значительно осложнив им жизнь. Стоит ли сомневаться, что после масштабной войсковой операции не последовало бы реакции со стороны

транснациональных монополистов и их лакеев в структурах, типа ЕС или ООН? Так и вышло бы, что в случае подписания Стамбульских договоренностей, которые заключались в наиболее благоприятных условиях с точки зрения России (целые области Украины находились под контролем войск РФ, а крупные города, типа Херсона, украинские войска сдавали без боя), Украина стала бы внеблоковой, но всё ещё враждебной по отношению к РФ, российский бизнес не получил бы на украинском рынке никаких преференций и, скорее всего, потерял бы свои инвестиции, но при этом получил бы новые крупные пакеты санкций от хозяев глобального рынка. Исходя из теории мир-системы, либо правящий класс России не понимает своих экономических интересов, либо целенаправленно бьет по ним.

Более того, «хищнический характер компродарской буржуазии РФ» в рамках мир-системной теории противоречит объективной практике. Именно со стороны американо-европейского блока всегда наблюдались повышения своеобразных «ставок» по конфликту. Именно с подачи ультраимпериалистических элит на Украине произошло два госпереворота, которые всё больше затаскивали её политически и экономически в глобальное неолиберальное болото. Именно с подачи ультраимпериалистических элит Украина накачивалась вооружением и нацистской идеологией, которая нацепила на себя неолиберальную маску, но осталась той же квинтэссенцией реакции. А вот со стороны России мы видели неоднократные попытки урегулировать конфликт. Сначала, до 2014 года, его в Москве вовсе не замечали. Потому пытались найти компромиссы на нескольких переговорных группах. Да, параллельно с этим в состав России вернулся Крым, однако допустить отдачу этого стратегического с военной точки зрения места, где базировался черноморский флот, Россия никак не могла. После, в феврале 2022 года, Россия официально признала ДНР и ЛНР, подписав договор о военном сотрудничестве, тем самым явно демонстрируя последний шанс договориться мирно. И только после продолжившихся обстрелов Москва приняла решение ввязаться в конфликт. Всё это так же противоречит мир-системной теории, так как выходит,

что страны Центра сами целенаправленно давили на свою же полупериферию, от которой они итак получают все необходимые ресурсы (энергетические, интеллектуальные и иные) по низким ценам с целью вызвать конфликт со своей же кормовой базой. Это всё равно что метрополия, пытающаяся переподчинить и без того лояльную колонию. Реакция РФ всегда была обусловлена действиями ультраимпериализма.

И даже после этого, находясь во время конфликта в более выигрышном положении, Москва всегда искала возможность урегулировать конфликт. Переговорный процесс, детали по которому свидетельствуют о довольно небольших требованиях со стороны России по отношению к Украине, отвод сил из Киевской, Сумской и Черниговской областей, обмен бойцов запрещённых националистических батальонов, игнорирование на протяжении долгого времени объектов энергетической инфраструктуры Украины, отказ от возможностей ликвидации непосредственного руководства киевского режима — это и многое другое прямо свидетельствует о желании Кремля деэскалировать конфликт, найти точки соприкосновения и прийти к компромиссу. И это не вписывается в мир-системную теорию, которая явно вешает на Россию ярлык «субимпериалиста», который яростно пытается стать полноценным империалистом.

Мир-система по отношению к марксизму — это шаг в сторону. Она вводит категории анализа, которые лишь затрудняют дело коммунистов. Через призму мир-системщины вполне возможно объявить жертву империализма её пособником или субъектом, чем мир-системщики и занимаются, вводя термин «субимпериалист». Согласно нашей теории ультраимпериализма, сегодня в мире не осталось полностью политэкономически независимых империалистов, все они зависят от глобального рынка, который в свою очередь контролируется транснациональным монополистическим капиталом. Даже США, которые многим кажутся независимым империалистом, на самом деле является лишь мировым жандармом в руках крупнейших мировых тузов. Мы наблюдаем рождение новой эпохи, где ультраимпериализм умирает, и на смену ему

приходит новый империализм, который в сущности будет схож с тем, что описал Ленин, но по форме будет отличаться. Через теорию мир-системы нам предлагают фактически поддержать ультраимпериализм, сохранить его и давить любые попытки регионального империализма, который поднимает голову. Именно империализм есть канун перехода к социализму, потому его развитие и параллельное ослабление ультраимпериализма — прогрессивный процесс с точки зрения современных политэкономических явлений.

Неолиберальная экономика в рамках ультраимпериализма приводит к распространению среди рабочих масс мелкобуржуазного мышления. Доминирующие идеи — «освобождение всего и вся» и «жизнь в кайф». Подобные воззрения распространяются с помощью культурного и идеологического диктата крупнейших мировых транснациональных монополистов, которые таким образом превентивно, на уровне классового сознания, не позволяют пролетариату сплотиться. Различные постмарксисты этому способствуют, пропагандируя вредные на данный момент времени воззрения.

Деятели правого лагеря описывают мир одинаково, несмотря на разные позиции: одни за ультраимпериализм, другие — против. У первых гегемония «западных ценностей» — это шаг вперёд в сознании, а неолиберальная экономика во всемирном масштабе самая совершенная система ведения человеческого хозяйствования. Вторые говорят о «развращающих ценностях», которые ведут к трансгуманизму, утрате «традиционных корней», расчеловечиванию человека, а также выступают с позиции выстраивания «суверенных цивилизаций» для ведения глобальной борьбы. По факту это борьба Сциллы и Харибды. Марксисты из широкой дискуссии оказываются исключены, так как кроют свое отношение к мировым процессам по устаревшим лекалам.

Можно сказать, что весь политический и идеологический дискурс крутится вокруг понятия «глобализм». Одни его истово приветствуют, клеймя ретроgrадами тех, кто выступает против него, а другие, напротив, видят в

глобализме угрозу. Отсюда одни плодят рассказы о том, как замечательно было бы всему человечеству в едином порыве объединиться в единое целое (ценой этому будет, конечно же, доминирование транснациональных корпораций, о котором умалчивается), а другие плетут теории заговора: размышления о «чипировании», «лживой пандемии» и другие подобные идеологемы.

Обычно «знатоки» просто крутят пальцем у виска, когда слышат подобные рассуждения, однако требуется их тщательно проанализировать с политэкономической и идеологической точки зрения. Как ни крути, даже у самой безумной теории заговора есть определённые основания в объективной реальности. Можно сказать, что подобные теории заговора — это явление, при котором общественное сознание поработаемого ультраимпериализмом социума чувствует угрозу этого поработания, но не может чётко политэкономически её сформулировать. Как раньше древние люди были уверены, что земли за пределами зоны их обитания населены чудовищами, так современный человек, осознавая рост и без того гигантских ресурсов мегакорпораций, пытается объяснить всё через сверхъестественные и антинаучные бредни. Этим с удовольствием пользуются бюстители традиционализма, находят в этом политическую платформу для борьбы с «глобализмом».

Именно в постепенном развитии международных связей в масштабах несоизмеримо больших, чем во всех предшествующих общественно-экономических формациях, и заключается грандиозная польза капитализма для человечества. Так как высшей формой осознанности человечества марксизм признаёт всемирную кооперацию с целью наиболее эффективного распределения имеющихся у человечества ресурсов, процесс глобализации должен признаваться ценностью. Однако то, что сегодня называют глобализацией её сторонники и враги, к настоящей глобализации отношения не имеет.

Изначально глобализация исходила из нескольких центров с разной интенсивностью, так как капитализм развивался неравномерно. Существовали более успешные в новейшей формации государства и менее успешные. Однако

тотального доминирования одного субъекта не было. Такое положение порождало необходимость индустриально развиваться и противостоять центрам силы.

Этот процесс и привёл к той ситуации в Российской империи, которая позволила установить диктатуру пролетариата в отдельно взятом государстве. Это событие серьезно повлияло на мировые процессы. Буржуазный мир, до того представлявший собой группу схожих, но всё-таки обособленных хищников, стал вынужден сбиваться в единую стаю во главе с зверем, у которого самые острые клыки, – США. Волки стали гидрой. Окончательно доминирование Штатов закрепилось после Второй Мировой войны.

Уже созданный мир глобализма стал сильно меняться. США, встав в центре ультраимпериализма, начали распространять свою идеологию в подчинённые области мира, рисуя образ противостояния с советским глобалистским проектом, который должен был стать и является по своей сути подлинным глобализмом. Принципиальная разница двух подходов по объединению мира заключалась в том, что СССР направлял ресурсы и мозги на помощь развивающимся странам, исходил из необходимости равномерного развития мирового сообщества. США же экспортировали разве что обеспеченные НАТО доллары и неолиберальную модель политики и экономики, которые разбитые во Второй мировой войне страны примеряли не по размеру и тем самым ставили себя в зависимое положение от Штатов. После развала СССР такая модель глобализма установилась и на постсоветском пространстве.

Глобалистская модель по-американски рассчитана на контроль всего мира из одного центра и подчинение мировых ресурсов одному доминирующему субъекту. Путинский антиглобализм находится внутри этого дискурса. Буржуазия прекрасно увидела в Октябре 1917 года подтверждение слов Маркса о том, что капитализм сам воспитывает своих могильщиков. Именно процесс глобализации привёл к появлению пролетариата и обретению им силы, потому некоторые современные буржуа желают откатить капитализм до более раннего этапа, поставить частокол вокруг своих национальных вотчин, разобраться

сначала с врагом внутренним, прежде чем вступать в мировую грызню за новый передел мира.

Единственным способом борьбы с превратностями американского глобализма является не региональный антиглобализм с целью самим стать мировым гегемоном, а альтернативный советский глобализм: построение общества, в котором низовое самоуправление и введение мирового производства в общую сеть позволит человечеству наиболее эффективно распоряжаться мировыми богатствами, где преуспевающие смогут помочь отстающим и построить мир подлинно равных возможностей для всех. Американский глобалистский и региональный антиглобалистский подходы сегодня ведут лишь к разрушениям и новой мировой войне за передел рынка. Однако нельзя не отметить, что в среднесрочной перспективе именно стремление региональных антиглобалистов положительно скажется на движении пролетариев всего мира. Объективные политэкономические предпосылки к развалу ультраимпериализма уже назрели. Идеологическая борьба, в рамках которой стороны пытаются интерпретировать происходящее, накаляется. Но марксисты из неё исключены, и нашей ключевой задачей сегодня является включение в эту идеологическую борьбу, предложение своего чёткого объяснения реальности, которое найдёт отклик в массах, объяснит им происходящее. Вместо этого марксисты либо деформируют марксистский метод, мешая его со всяческим шлаком, либо пытаются объяснить принципиально новые события с позиций столетней давности.

«Знатоки марксизма» выступают фактически с антимарксистских позиций, не понимают марксистской методологии или же вовсе скатываются в мир-системщину, которая оставляет больше белых пятен, чем адекватных ответов на вызовы реальности. Необходимо дать чёткий анализ актуальной действительности, чтобы увидеть те колоссальные изменения, которые произошли в мире за последние 100 лет.

Китай и ультраимпериализм.

Как так получилось, что Китай за столь короткий срок смог провести индустриализацию и вырасти в сверхдержаву, в то время как наша отечественная промышленность стремительно деградировала, ведь в наследство от СССР мы получили сверхмощный потенциал, который можно было развивать все 30 лет? Вместо этого из-за экономики, ориентированной на экспорт энергоносителей, мы серьёзно отстали в стратегически важных отраслях. Китай же в свою очередь имел худшие стартовые условия, однако смог превратиться в мощную индустриальную державу. Взлёт Китая и уничтожение СССР – это закономерный итог холодной войны. Результатом этого стало падение мощных коммунистических режимов, и уничтожены они были по-разному.

С приходом на пост госсекретаря США Генри Киссинджера стратегия Штатов относительно конфронтации с СССР изменилась. Если раньше мировое сообщество делало ставку на Тайвань, называя именно его истинным Китаем, то позже приоритеты изменились. Киссинджер предложил путь сближения с Китаем для ослабления СССР. Концепция стала известна под названием «треугольник Киссинджера» и остаётся актуальной до сих пор.

Увидев в Китае огромное количество дешёвой рабочей силы, мировые капиталы устремились туда. Практика показала, что открывать производства в далёкой стране, где можно платить рабочим намного меньше, чем в странах развитого капитализма, – крайне выгодное дело. Да, необходимо оплатить строительство заводов и транспортировку сырья. Но эти расходы несоизмеримо меньше, нежели финальная выгода от экономии на рабочей силе.

Правительство Китая в лице Дэн Сяопина приняло такую концепцию. Китай действительно нуждался в мощной индустриализации. Ошибочная политика «большого скачка» при руководстве Мао Цзэдуна поставила КНР на грань развала, а СССР и сам погряз во внутренних проблемах, отчего не имел возможности поддержать товарищеский режим. Иностранные капиталы

потекли в Китай. Программы по привлечению инвесторов в экономику Поднебесной стали называться «реформами открытости» и преследовали цель создать «социализм с китайской спецификой».

В результате Китай встроился в мировую систему ультраимпериализма на более выгодных условиях, чем постсоветское пространство. Ему отвели роль мирового сборочного цеха. Это было связано в первую очередь с огромным населением, а значит с большой взаимозаменяемостью кадров на производстве. Издержкой этого стало появление местных капиталистов, что сильно видоизменило марксистскую суть государства. Однако ввиду того, что у власти всё ещё находится коммунистическая партия, она не позволяла и не позволяет новым олигархам сильно влиять на политику. Как мы писали в главе о политике, сильная политическая вертикаль позволяет государству, даже экономически захваченному ультраимпериализмом, сохранять большую степень независимости.

Что Китай представляет собой сегодня? Это всё ещё социалистическая страна, в которой строится социализм. В стране сложилась многоукладная экономика, в рамках которой существует сразу несколько разных по типу ведения хозяйства секторов. У власти остаётся коммунистическая партия, в рамках которой сохраняются разные крылья, в том числе тянущие КНР в полноценный капитализм. Говорить что-то конкретное о внутренней борьбе в китайской компартии тяжело: в этом отношении страна крайне закрыта, и до внешнего мира доходят лишь обрывки информации. Но точно можно сказать, что в экономическом смысле Китай сильно зависит от ультраимпериализма, и именно вопрос освобождения Китая от этой зависимости является ключевым в деле уничтожения этой реакционной системы. Победит ли в китайской политике социалистическая или буржуазная тенденции, сказать сложно, потому нам следует проследить влияние Китая на Россию, а не рассуждать о том, что делать при победе коммунистического крыла в КНР и освобождении Китая от оков ультраимпериализма (хотя это и есть самый позитивный сценарий для трудящихся всего мира).

Нам пытаются представить картину, что Россия рука об руку с Китаем собирается противостоять ультраимпериализму. И этот взгляд не лишён смысла. США серьезно заинтересованы в экономике Китая, тесно встроенной в глобальный рынок, потому надеяться на Китай в стратегической перспективе не следует, только лишь в тактической. Штаты предусмотрели возможность политической непокорности Китая, и оттого разрабатывают механизмы контроля китайской элиты. В частности, самый простой способ — ввести в управление крупных китайских компаний своих представителей.

Как выяснилось, сын Нэнси Пелоси — той самой, которая в 2022 году летала на Тайвань, — Пол Пелоси владеет 700 тысячами акций китайской Boreq Technologies и является крупнейшим акционером компании после генерального директора Пэта Сек Юен Чана. 53-летний Пелоси-младший работает консультантом совета директоров в фирме, рыночная стоимость которой оценивается в 22 миллиона долларов. Естественно, ему доступна вся внутренняя кухня компании, которую он может передавать в правительство США⁴⁴.

Но ведь таких «акционеров», которые, словно клещи, впились в экономику КНР, множество. Они представляют себе реальную экономическую мощь Поднебесной, знают, что она может и не может производить, и прекрасно понимают, в какую сторону среди политической элиты дует ветер. Несмотря на вывоз производства в Китай, многие комплектующие для создания тех или иных высокотехнологичных изделий всё ещё завозятся в Китай из стран-сателлитов США.

В этом отношении американский истеблишмент контролирует значительную часть экономики. На многие современные станки, которые разрабатывались с участием американских средств, установлены специальные GPS-технологии⁴⁵. В случае необходимости США могут удалённо закрыть доступ китайским производителям к тем или иным средствам производства⁴⁶. Так же они могут перекрыть доступ ко всем телефонам на базе андроида, о чём рассказывала госпожа Касперская⁴⁷.

Также Китай был необходим экономике ультраимпериализма для снижения боевого потенциала пролетариата. Любому грамотному марксисту известно, что широкое понятие «пролетариат» внутри себя делится на конкретные группы пролетариев (равно как и класс буржуазии внутри себя делится на подгруппы, интересы которых разные). Именно фабрично-заводской пролетариат является руководящим звеном всего пролетариата по многим причинам. Главная из них — именно фабрично-заводской пролетариат при слаженных действиях может нанести самый ощутимый ущерб буржуазии. Никакая забастовка офисных работников, курьеров, работников медицины или образования, словом, работников непродушевленной сферы труда не сможет действительно привести к коренным преобразованиям общества. Китай стал сборочным цехом ультраимпериализма и сконцентрированным скоплением фабрично-заводских пролетариев. Некоторые сегодня говорят, что такого пролетариата нет. Даже разрабатываются теории «постиндустриального общества», но они в корне не верны, так как базируются на детском воззрении «чего не вижу, того и нет».

Теория постиндустриального общества активно внедряется и в российское массовое сознание через учебники по экономике и обществознанию. В её основе лежит представление, что благодаря автоматизации труда большое количество трудоспособного населения уходит в сферу услуг, оттого понятие «пролетариат» уже не актуально. Исходя из этого понимания, фабрично-заводские рабочие никаким прогрессивным классом являться не могут. Вывоз ультраимпериалистическим капиталом производства в страны Юго-Восточной Азии и использование дешёвой рабочей силы там позволили буржуазным правительствам сильно затупить противоречия внутри своих обществ. Распад СССР подарил новые рынки сбыта, из-за чего мир законсервировался в состоянии ультраимпериализма ещё на 30 лет, хотя многим казалось, что навсегда. Последние события, конечно, разрушили эти надежды.

По итогу многие страны вывезли своё производство, но оно не перестало им принадлежать. Даже если завод стоит в условном Китае, он всё равно принадлежит западным инвесторам. Там делаются товары, которые

впоследствии вывозятся в Европу и США и перераспределяются торговым капиталом. Непроизводственный сектор экономики начал пухнуть, потому как все сверхприбыли от эксплуатации дешёвой рабочей силы вкладывались именно в него. Но нужно чётко понимать, что сфера услуг является вторичной по отношению к сфере производства. Стоит нарушить поставки реальных товаров, как деньги на финансирование непроизводственной сферы будет взять неоткуда, ведь в сфере услуг стоимость только перераспределяется, но не создаётся.

Записывая ролики в интернете, условный блогер может получить за них деньги. Или он может продать рекламу крупному бренду. На полученные средства он может купить условный айфон, и в этих операциях прочувствовать «постиндустриальное общество» на себе. Но деньги на рекламную кампанию, которую у блогера покупают, берутся из сферы производственной. Именно обычные работяги, которые недополучили оплату своего труда, становятся главными спонсорами разных привлекательных для потребителя акций. Деньги на счетах фирм не берутся из воздуха. Они откусывают эти деньги от рабочего времени фабрично-заводского пролетария, который так же, как и 100 лет назад, стоит у станка.

Куда сегодня делся фабрично-заводской пролетариат? Население Китая составляет порядка полутора миллиардов человек. По открытым данным, в производственной сфере там работает около 423 миллионов человек. И это только по одной стране. Если мы возьмём совокупное количество работников производственной сферы в мире, то получим сотни миллионов населения всей планеты, из труда которых и изымаются средства на непроизводственную сферу. Все это, конечно, приблизительные расчеты, не учитывающие множество факторов⁴⁸.

Концепция постиндустриального общества – это попытка сузить своё миропонимание до национальных границ, которое зародилось на Западе с конкретной целью и теперь распространилось за его пределы. Нужно было объяснить людям, что никакого пролетариата больше нет, теперь все могут

заниматься саморазвитием, идти в сферу услуг и быть счастливыми. Та самая бизнес мечта об открытии своего маленького магазинчика или кафе с возможностью роста. Но стоит только взглянуть на мир шире, как мы увидим, что производство никуда не ушло, и оно всё так же имеет определяющее значение в развитии всего человечества. Просто мировые империалисты спрятали его в странах Азии. И ввиду культурной гегемонии буржуазии многие поколения рабочих в этот идеалистический бред поверили. Они искренне считают, что айфон, в котором они пишут заметку в социальные сети о том, что «пролетариата больше нет, мы живём в принципиально ином обществе!», появился из воздуха по велению господина капиталиста.

Но всё это не умаляет, а во многом даже усугубляет проблемы Китая. Элементы рыночных отношений при открытых для западных капиталов границах будут приводить к росту оппозиционных сил, которые неизбежно начнут раскачивать ситуацию в стране. Сегодня поставить страну в подчинённое положение от транснационального монополистического капитала для многих представителей региональной буржуазии вполне выгодное дело. Настоящий империализм требует захвата внутреннего рынка, колоссальных усилий по развитию производства, армии и в конечном счёте определённой удачи для проведения внешних экономических и военных интервенций. Гораздо проще для многих вывозить народные ресурсы и технологии и продавать их на Запад, покупая на его территориях недвижимость. Это особо отчётливо демонстрирует значительная часть российской буржуазии.

Си Цзиньпин вынужден был концентрировать власть в своих руках и идти на третий срок управления государством. В условиях подготовки к потенциальной мировой войне — решение здоровое, Сталин так же перед Второй мировой войной концентрировал власть в немногих руках. Но КНР находится в несоизмеримо худшем положении, чем СССР в 1930-х, хотя бы потому, что иностранный капитал имеет прямое влияние на многие внутренние процессы в государстве. Стране Советов удалось построить и отстоять суверенитет уже к концу 1920-х.

Решить вопрос Тайваня без централизации власти не получится, однако она может привести к росту напряжения в обществе и активному выступлению китайской оппозиции, поддержанной США. Китай сильно зависит от глобального рынка, и потому сомнительно, что у него получится избавиться от внутренней оппозиции, забрать Тайвань и приступить к мировому переделу в статусе победителя. Вероятность открытого глобального противостояния всё ещё остаётся минимальной, но ослабление ультраимпериализма вкупе с усилением Китая рано или поздно должно будет привести к изменению баланса политэкономического влияния.

Видимо, в китайских верхах так же понимают опасность влияния ультраимпериализма на собственную экономику. Всё-таки Пекин пытается бороться с этим. Так, в Китае прошёл ряд обысков в американских аудиторских компаниях Bain, Mintz и Capvision⁴⁹, которые помогают своим клиентам понять, как устроен бизнес, в который они намерены вложить свои деньги. То есть эти компании, находясь внутри китайской экономики, собирали данные о китайских же компаниях, чтобы привлекать инвестиции в китайскую экономику из-за рубежа. Своего рода, экономическая разведка. Вероятно, данные обыски — лишь логичная реакция на действия Байдена, который, по словам «Politico», готовится сильно ограничить инвестиции в китайскую экономику. Стоит понимать, что в рамках экономической системы ультраимпериализма более важную роль играют не производящие страны, типа Китая, а те, кто контролирует финансовый спекулятивный сектор. Поэтому подобные заявления вполне соответствуют реальности — несмотря на большой потенциал производственных мощностей Китая, США способны давить на Поднебесную, влиять на ее политику и экономику.

Некоторые современные леволибералы взяли себе на щит идею того, что в мире идёт крупное столкновение двух империалистических хищников – США и КНР, а все остальные конфликты — это результат этого противостояния. Лоцманом такого подхода в российском левом пространстве стал Константин Сёмин. Он видит «китайский империализм» примерно везде и даже посвятил этому

крупный видеоролик⁵⁰, в котором полно передёргиваний и откровенной лжи, что «о диктатуре пролетариата в китайской конституции ничего нет». В первой же статье написано, что «Китайская Народная Республика является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимым рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян», но господина Сёмина это не удовлетворило. Понятно, что термины другие, трудности перевода с китайского языка на русский и наоборот дают о себе знать, да и терминологическая традиция может различаться, но всё-таки налицо открытая ложь⁵¹.

Господин Сёмин видит китайский империализм абсолютно везде. Но почему-то, как только доходит до политэкономических категорий, этот страшный и зубастый империализм куда-то растворяется. Вдруг выясняется, что китайская экономика находится в катастрофической зависимости от Вашингтона, и стоит США лишь ограничить импорт китайских товаров, как Поднебесная сталкивается с серьёзнейшим кризисом. Как передавали «Известия»:

«Американские торговые тарифы, наложенные почти на 2/3 товаров из Китая при экс-президенте США Дональде Трампе, сказались на объемах новых заказов. Также рост заработной платы на китайских заводах «подорвал одно из конкурентных преимуществ страны», а ориентированная на государство экономическая политика председателя КНР Си Цзиньпина и его «настороженное отношение» к администрации президента США Джо Байдена негативно сказались на торговых связях между странами.

The Washington Post подчеркивает, что сильнее всего изменения сказались на электронной промышленности. Со ссылкой на данные медиахолдинга S&P Global Market Intelligence газета сообщила, что доля Пекина в импортируемых США персональных компьютерах в 2022 году сократилась до 45% с 61% в 2016 году.

При этом Вашингтон пытается заверить Пекин в том, что США не стремятся к «экономическому разводу», а намерены снизить риски с помощью переноса

критически важных цепочек поставок в США или союзные страны. Однако беспокойство Белого дома в связи с состоянием национальной безопасности растёт, страна уже сократила экспорт новейших полупроводников в Китай и намерена в ближайшее время объявить о новых ограничениях на американские инвестиции в технологический сектор КНР»⁵².

Между тем технологический сектор – это основа политэкономического суверенитета современных государств. Именно ограничение в этом стратегическом поле может нанести экономике и политике Китая серьёзнейший ущерб, если ещё не нанесло. Американские капиталы могут быть вывезены в другие страны. С торгово-экономической точки зрения это может быть невыгодно, однако Вашингтону это нужно лишь временно. Чрезвычайно экстенсивный рост китайских мощностей требует дальнейшего расширения сбыта, и если его резко ограничить на пару-тройку лет, то экономика Китая может тяжело пострадать. Капитал при постоянном росте рано или поздно упирается в потолок и вынужден искать себе место за пределами государства, потому китайской экономике необходим рынок сбыта, которым долгое время были Штаты.

Постепенное снижение импорта ставит перед китайским руководством нелёгкий выбор: либо смириться с внутренним спадом экономики и, как следствие, поспособствовать расколу общества, который теми же самыми США может быть поддержан, либо военным путём осваивать новые рынки. Во втором случае у США появится прекрасный предлог для военных действий против Китая, как в случае с Украиной. Им необязательно напрямую ввязываться в конфликт, но достаточно поддерживать тех, кто захочет откусить от Китая кусок. Эта стратегия крайне логично укладывается в попытку США сохранить систему ультраимпериализма и своё доминирующее положение в ней.

При более детальном анализе выясняется, что никакого «соперничества империалистических блоков» и близко нет. Система ультраимпериализма ставит

перед своим гегемоном определённые задачи, так как неэквивалентный обмен порождает большое количество противоречий между метрополией в лице США и остальным миром, колонией. В попытках эти противоречия разрешить и попутно ослабить все центры потенциальной конкуренции США развязывают прокси-конфликты и подталкивают неготовые государства играть по своим правилам.

Если смотреть лишь на формальную сторону вопроса, анализировать лишь конкретные политические решения, заранее предполагать, что они принимаются в рамках империалистической системы международных отношений, то можно везде и всюду находить тот самый ленинский империализм. Тем самым подобные идеалисты только играют на руку действительно реакционному центру. Всё из-за ложной очевидности – из их действий следует, что не нужно анализировать мировую политэкономическую систему в обобщённом виде, ведь это уже сделал Ленин в работе «Империализм как новейший этап капитализма». Они не утруждают себя анализом всей картины, видят лишь частные проявления мировой политики и экономики и автоматически подводят их под категорию «империализма». Потому такие «уникумы», называющие себя марксистами, не развивают теорию, но соревнуются в наиболее лучшей её интерпретации.

Китай пытается сбросить с себя оковы ультраимпериализма, пусть и получает в ответ серьёзные удары. Мы выше писали о том, что связка национальных Центробанков с Международным Валютным Фондом фактически является одним из главных инструментов распространения и укрепления ультраимпериализма. Их связь – это, своего рода, поводок или ошейник, который надевается на шею буржуазных государств и тем самым ставит в неоколониальную зависимость региональных империалистов. Таким образом ультраимпериализм превращает их в своих вассалов. Неудивительно, что Китай, освобождение которого из-под влияния ультраимпериализма является сегодня главным мировым процессом, некоторое время назад начал планомерно бороться с влиянием МВФ путём атак на национальный ЦБ. Как

передавали СМИ в марте 2023 года:

«Госсовет КНР вывел из состава центрального банка Управление по финансовому регулированию и Управление по ценным бумагам. А далее переподчинил эти структуры китайскому Правительству, тем самым лишив китайский Центробанк спекулятивных возможностей на фондовой бирже, а также возможности манипуляций, приводящих к оттоку капитала. И самое главное, теперь правительство будет решать, как и куда инвестировать бюджетные деньги, в каком объёме и в каком приоритете»⁵³.

На этом атака Пекина на структуры ультраимпериализма внутри КНР не закончилась. После этого Госсовет ещё укрепил свои полномочия:

«Принятый 28 июня в Китае закон «О международных отношениях» — первый в современной истории страны документ, определяющий общую рамку работы всех участников её внешнеполитической деятельности и в том числе вводящий само понятие санкций в китайское законодательство. Документ предполагает расширение и уточнение полномочий Госсовета КНР, подчинение правительству Министерства иностранных дел и наделение кабинета министров правом вводить контрсанкционные меры»⁵⁴.

Именно за эти действия сегодня китайская экономика страдает и медленно растёт. Ошейник ультраимпериализма оказался полон острых шипов, которые направлены вовнутрь. Отказаться от ультраимпериализма крайне проблематично, и это неудивительно, сотни миллиардов долларов были потрачены на закабаление всего мира. Инвестиции в рамках современной глобальной неолиберальной экономики являются основой роста экономики. Бенефициары ультраимпериализма создали систему, в которой без капиталовложений западных стран любая экономика в течении короткого времени проиграет технологическую гонку, станет неконкурентоспособной. Таким образом даже формально независимые политические субъекты идут на любые условия, чтобы так или иначе иметь выходы на глобальный рынок, контролируемый транснациональным монополистическим капиталом. Даже

современный противник системы ультраимпериализма в лице Китая серьёзно зависит от экономики ультраимпериализма, потому сегодня США начинают постепенно души́ть Китай невоенными способами. Как отмечают СМИ:

«По данным Государственного валютного управления КНР, обязательства Китая по прямым инвестициям (FDI) в платежном балансе сократились на \$11,8 млрд в третьем квартале. Это первое снижение показателя с 1998 года, когда стала вестись подобная статистика.

Объем обязательств по прямым инвестициям фиксирует денежные потоки, связанные с иностранными компаниями, работающими в Китае. Как отмечают аналитики, опрошенные Bloomberg, первый в истории случай сокращения этого показателя свидетельствует о нежелании зарубежного бизнеса реинвестировать свои средства в Китай из-за растущих разногласий между КНР и Западом и более привлекательных условий хранения капитала в западных странах:

«В некоторой степени слабость притока прямых иностранных инвестиций в Китай может быть вызвана репатриацией доходов транснациональными компаниями,— приводит Reuters комментарий аналитиков Goldman Sachs.— Поскольку процентные ставки в Китае "ниже в долгосрочной перспективе", в то время как процентные ставки за пределами Китая "выше в долгосрочной перспективе", давление на отток капитала, вероятно, сохранится»⁵⁵.

Сегодня Китай сталкивается с крупнейшими вызовами за последние 70 лет. Бурный рост китайской экономики неразрывно связан с продажей товарной массы на глобальном рынке, но тот постепенно закрывается для Поднебесной. Более того, часть научных и производственных мощностей фактически контролируется этим самым транснациональным монополистическим капиталом. Уходя из Китая, он может громко хлопнуть дверью и попутно лишит страну своих разработок.

Конечно, сами бенефициары ультраимпериализма от этого тоже теряют баснословные деньги. Это не тот случай, когда капиталист пойдёт на любое преступление ради 300% прибыли. Сегодняшние глобальные капиталисты

вполне готовы поступиться большими прибылями на короткой перспективе ради стратегического преимущества. Бенефициары ультраимпериализма не действуют, как слепые агенты рынка, они забрались слишком высоко в пищевой цепочке капитализма, подчинили своей воле многие важнейшие политэкономические процессы. Им требуется лишь резко обвалить экономику Китая, вызвать в нем социальную бурю, которая может стать предлогом для действий оппозиции внутри страны. Вопрос заключается только в том, есть ли у Китая силы пережить это сдавливание поводка, найдутся ли внутренние силы для борьбы с контрреволюцией и ростом социального напряжения. От этого зависит больше, чем кажется, ведь в случае поражения Китая на внутренних фронтах ультраимпериализм укрепитя, и ломать его дальше будет кратно сложнее. Действия Штатов выглядят, как провокация Китая на агрессивные действия относительно Тайваня, ведь только контроль над островом может помочь сохранить технологические мощности и не дать им отбыть на Запад. И если США так активно заманивают китайского тигра туда, значит достаточных размеров ловушка уже готова и ждёт своего часа.

Поэтому Китай пока ещё ищет пути отсрочить конфликт, найти точки соприкосновения со Штатами. Встреча Байдена и Си — тому яркий пример. Китаю необходима стабилизация мировой экономики, в то время как США целенаправленно ставят преграды, пытаются перезавязать этот гордиев узел, как им выгодно. Та часть китайских коммунистов, которая прекрасно понимает текущий момент, пытается использовать этот узел в целях ослабления ультраимпериализма. Несмотря на то что во внутренней экономике Китая сохраняется многоукладная экономика с сильно выраженной частнособственнической тенденцией, во внешней политике КНР по мере возможностей старается проводить политику сталинизма, которую мы описали выше⁵⁶.

Теоретическая линия сталинизма заключается в том, чтобы создать оплот строительства коммунизма в отдельно взятой стране и после этого через политэкономические инструменты распространять влияние марксизма на

буржуазный мир. Это понимание было сформулировано еще в трудах Ленина, а Сталин блестяще воплощал это в жизнь. Таким образом социалистическое государство представляется, своего рода, антителом, которое должно постепенно вылечить мировой организм от опухоли капитализма. Некоторые считают, что Сталин хотел развития коммунизма лишь в отдельно взятом государстве, но это заблуждение. Он, как и прочие коммунисты, владеющие марксистским методом, знал, что только преобладание социализма на достаточно обширных мировых территориях позволит перейти к сущностному построению коммунизма.

Во многом в ответ на это буржуазный мир объединился вокруг США и отдал свою политэкономическую независимость крупным транснациональным корпорациям. Так появился ультраимпериализм, целью которого было противостоять социалистическому блоку, планировать производство и распределение ресурсов с наибольшей безопасностью для буржуазии всего мира. Ультраимпериализм победил, но не потому что капитализм оказался эффективнее социализма, а оттого что от сталинской линии в СССР отказались уже после смерти Сталина. Даже вялая теоретически не проработанная борьба СССР за влияние в мире после смерти Сталина, которая в основном была по всем фронтам проиграна, привела к тому, что буржуазный мир испытывал серьезные проблемы. Если бы в руководстве СССР находились последователи линии Сталина, которые понимали необходимость дальнейшего давления на буржуазный мир, история могла бы пойти по-другому. Но контрреволюционные элиты СССР пошли по хрущёвскому пути построения коммунизма только в отдельно взятом государстве, обещая достигнуть его к концу XX века. Конечно же, они сели в лужу, попутно посадили туда весь соцблок и приговорили его к развалу.

Ультраимпериализм многократно усилился и сегодня представляет собой грозную силу. Даже когда СССР так или иначе влиял почти на половину земного шара, Сталин понимал бесперспективность открытой войны против консолидированного империалистического монстра — ультраимпериализма.

Ядерное оружие поставило бы всё человечество под удар.

Если представить, что Сталину была бы поставлена задача по ослаблению ультраимпериализма сегодня, как бы он действовал? Развитие индустриальных мощностей привело бы к товарному изобилию на внутренних рынках СССР. Постепенно Страна Советов могла бы по низкой цене, практически по себестоимости, экспортировать товары на внешние рынки, тем самым уничтожая на них влияние транснациональных монополий. Более того, СССР был бы готов идти на взаимовыгодные условия, выстраивать такую политэкономическую реальность, которая была бы привлекательна в первую очередь для развивающихся стран. Само существование СССР заставило ультраимпериализм переформатировать систему колониализма, дать формальную независимость вчерашним колониям. Как раз используя эту формальную независимость можно было бы расширять сотрудничество с этими странами, ведь в конечном счёте материальное благополучие Западного мира строилось именно на колониальной и неоколониальной системах. Если вырвать из рук ультраимпериализма дешёвую рабочую силу развивающихся стран, то ультраимпериалистическому капиталу придётся ради сохранения нормы прибыли или увеличивать давление на собственных рабочих, или начинать жрать друг друга. В первом случае социальная напряжённость будет расти, чем смогут воспользоваться поддержанные СССР коммунисты. Во втором случае в стане капитала начнётся грызня, что также ослабит его позиции и развяжет руки силам прогресса.

Примерно тем же занимается сегодня Китай с инициативой «Один пояс — один путь». Фактически это попытка создать такое политэкономическое пространство, которое будет выгодно развивающимся странам, потому они активно и присоединяются к нему. Вместе с этим Китай решает свой вопрос по сбыту товаров, подтачивает могущество ультраимпериализма, не выпуская по нему ни одной ракеты. Да, давление на ультраимпериализм вкупе с его внутренними противоречиями приводит к региональным конфликтам, но без боя транснациональный капитал и не собирается сдавать свои позиции.

Ситуация Китая не тождественна ситуации сталинского СССР — экономика КНР всё ещё во многом зависима от экономики ультраимпериализма, что порождает уже политические и социальные движения внутри Поднебесной, способные нанести удар китайским коммунистам изнутри. Понятно, что ослабление ультраимпериализма не может идти без крепкого тыла, агенты неолиберального капитализма внутри открытых противников ультраимпериализма должны подавляться. Собственно, это тоже элемент сталинской линии — внутренние враги прогресса должны быть обезврежены. Однако в случае Китая сделать это тяжелее, чем в СССР, потому как эти враги повязаны с китайской экономикой очень крепко. Госсовет уже начал постепенно вырывать пиявок ультраимпериализма из своего тела. Вопрос освобождения Китая из-под влияния ультраимпериализма — важнейший сегодня, фактически все мировые события так или иначе можно рассматривать с позиции этого вопроса. Победит Китай — цепи ультраимпериализма дрогнут и разобьются, буржуазный мир откатится к стадии империализма, а сама Поднебесная, возможно, сможет избавиться от внутренних врагов и перейти к следующему шагу распространения коммунизма. Проиграет Китай — цепи ультраимпериализма станут крепче и вряд ли будут разрушены в ближайшие десятилетия. Китай действует осторожно, по-сталински, а значит верным методом. Не факт, что верный метод приведёт к нужному результату, но способствовать этому необходимо, поскольку это самый надежный способ разрушить систему ультраимпериализма.

Ультраимпериализм и глобальный фашизм.

Победа над фашизмом есть величайшее достижение СССР, которое никогда не будет забыто. Однако падение фашизма в Германии не ознаменовало падение фашизма как такового. Сегодня США, пользуясь положением, строят новый, гораздо более изощрённый фашизм по всей планете, и борьба с ним есть главная задача прогрессивных сил человечества. Чтобы это осознать, следует сделать одно историческое отступление.

Каким был бы мир в случае победы Германии во Второй мировой войне? Если бы Третий Рейх победил социалистическую угрозу, он остался бы один на один с другими империалистическими хищниками. Как СССР, Великобритания и США вынуждены были объединиться против Рейха, несмотря на разногласия, так и буржуазный мир объединился бы против этого обоза реакции. США очень надеялись победить социалистический блок и добить победителя, из-за чего они в том числе вступили в войну не сразу, чем дали своеобразную фору Рейху – поспособствовали его экспансии. Беда остальной Европы оказалась такова: она не понимала, что фашистская Германия захочет расчистить и их пространство де-юре «для арийцев», а де-факто – для захвата новых рынков. Такая участь постигла бы и США, только позже. Последние даже, возможно, подготовились бы к этому. По сути, если не брать остальной мир, то война пошла бы следующим образом: Великобритания вместе со всей Европой оказались бы под пятой Третьего Рейха, который использовал бы всю собственную и завоеванную индустриальную мощь против Штатов. Борьба явно неравная – нетрудно догадаться, в чью пользу.

Таким образом появился бы хозяин мира, который контролирует все политэкономические процессы. Он благодаря своей совершенной армии и индустриальной мощи дотягивается до любого уголка земли и устанавливает свой порядок. Где появляется социалистическая угроза, он её давит. Где относительно силен внутренний рынок, он его подчиняет себе – заполняет его своими товарами и валютой, ставит во власть своих прихвостней и

контролирует их. Весь мир трудился бы во благо реакции, не в силах противостоять ей. Сказка про великих арийцев – лишь надстройка всей этой системы, и она может быть разной.

При разговоре о фашизме нам представляются ужасные антигуманные картины, и это вполне объяснимо. Но все они были вызваны идеологическим обоснованием. После гипотетической победы Рейху, исходя из политэкономической необходимости, пришлось бы отказаться от излишнего милитаризма, шовинизма и расизма. Это произошло бы не сразу, возможно, уже при следующем фюрере, но обязательно произошло бы. После этого им необходимо было бы выстроить наднациональные структуры, которые контролировали бы мир. Возможно, они бы даже предоставили им формальную независимость, потому как держать войска по всему миру нерентабельно. Но за формальной независимостью скрывалась бы диктатура силы через навязывание единой валюты, единого языка, через контролирование товарно-денежных потоков, через идеологическое переформатирование целых народов под «арийские» нужды. Фактически, гегемон бы выстраивал мир мягкого подчинения, так как оно более выгодно и долговременно.

И вроде бы Третьего Рейха уже давно нет, но современная политэкономическая картина мира та же. Социализм в любых даже самых немарксистских проявлениях — от Альянде до Каддафи — давится через перевороты и вторжения. Весь мир зависит от доллара, везде учат английский язык, повсюду в случае чего будут развёрнуты сотни тысяч бойцов для подавления любого сопротивления. Только на флагах этих войск не свастики, а звёзды и полосы — но это лишь обёртка.

Рано или поздно такая система пришла бы в противоречие сама с собой. Появление транснационального монополистического капитала было бы крайне невыгодно национальным капиталам. Да, изначально, учитывая мощь гегемона, они бы подчинились и действовали в фарватере единой политики. Но, постепенно набираясь сил, они искали бы возможность сбросить хозяина и обрести независимость, чем сегодня занимаются некоторые колонии

ультраимпериализма.

Любой фашизм в национальных рамках является реакцией правящего класса на чрезвычайно сильный подъём коммунистического рабочего движения. Соответственно, главной задачей фашизма является уничтожение этого подъёма и недопущение новой волны роста рабочих движений. Транснациональная монополистическая буржуазия, оказавшись на Олимпе капиталистического мира, обеспокоена ровно тем же. Сначала они разбили социалистический блок, сбив подъём рабочего движения в мире, а после построили такой миропорядок, при котором реальная рабочая борьба против крупнейших мировых кошельков невозможна, а социал-демократам разного разлива разве что позволяют действовать в национальных рамках, бить по национальной буржуазии в пользу буржуазии транснациональной, заменяя этим реальную борьбу за свободу. И национальная буржуазия готова терпеть это до тех пор, пока сохраняется реальная «красная угроза». Но когда её нет, начинается ожесточённая борьба регионального империализма и ультраимпериализма, что мы наблюдаем сегодня и что наблюдали бы в случае гипотетической победы самой человеконенавистнической идеологии в середине XX века.

Экономика, политика и идеология ультраимпериализма призваны создать такие политэкономические условия, при которых формирование реального коммунистического движения практически невозможно. Из общества атомизированных неолиберальных индивидов, видящих единственной ценностью собственный комфорт, коммунистическая партия не получится.

К чему эта короткая зарисовка? Зачем нам об эти бесконечные «бы» разбивать свои ценные лбы? Оказавшись на Олимпе буржуазного мира, транснациональный монополистический капитал возвысился над любыми юрисдикциями и стал диктовать свою волю миру. В рамках самой системы ультраимпериализма нет той силы, которая могла бы сдерживать бенефициаров ультраимпериализма — национальные правительства сплошь и рядом пляшут под их дудку, а наднациональные организации напрямую продвигают

экономику, идеологию и политику, выгодную крупнейшим мировым элитам. Как в рамках одного государства попытка объединить враждующие классы в «один пучок» вполне справедливо получает наименование «фашизация», так объединение всех правящих буржуазных классов в такой же «пучок» в рамках мира можно назвать глобальным фашизмом. Именно глобальный фашизм выстраивают Штаты под руководством крупнейших мировых монополий, используя для этого различные методы, и хотя бы поэтому любому коммунисту следует сражаться против ультраимпериализма.

Если вычленим из известного определения Димитрова⁵⁷ политэкономическую составляющую, то мы поймём, что фашизм есть диктатура финансового капитала. Остальные части определения являются сопутствующими, и различные фашистские режимы могли обходиться без расизма в своей политике. Сегодня политэкономическое тело империализма объединено в единую гидру ультраимпериализма, и фашизм может принимать различные формы, сохраняя при этом своё естество.

В разных странах он проявляется по-разному. Где-то декларируются различные свободы, как, например, в самих Штатах или в большей части стран Европы, но свободы эти всегда оказываются не более чем удобным инструментом всё тех же крупных корпораций по раздроблению общества. Как только «свободы», декларируемые в странах «цивилизованного мира», начинают идти в разрез с интересами крупных корпораций, все «свободы» сразу сворачиваются. Яркие тому примеры — преследование Ассанжа и Сноудена и подавление различных митингов по всей Европе и Америке. Более того, будучи гегемоном в системе ультраимпериализма, США вполне могут вести фашизм во внешней политике, насаждать его как военным, так и политэкономическим путём.

Исследования и размышления профессора Михаила Попова на этот счёт относительно верны. Относительно лишь потому, что за наличием у США фашизма во внешней политике он не считает режим внутри самих Штатов фашистским. И если смотреть на происходящие события с точки зрения изложенной нами теории ультраимпериализма, то мы увидим глобальный

неолиберальный фашизм, который США у себя вырастили и распространили по миру. И эта трактовка более последовательна, потому как находясь в рамках классической империалистической парадигмы приходится игнорировать целые сегменты политэкономической реальности или пытаться подстроить реальность под теорию, что в рамках марксистской науки неверно в корне.

Так, Михаил Васильевич верно подметил, что современные банки ведут себя отнюдь не так, как они вели себя в период классического империализма. Отсюда родилась его теория, что современные банки — это вовсе не банки, а ростовщические конторы или бухгалтерия для крупных производств. Как получился этот вывод? Михаил Попов, исходя из теории империализма, знает, что в период империализма банковский капитал алчет сращения с капиталом промышленным для образования финансового капитала, который является доминирующим в империалистическом государстве. В то же самое время он видит, что российские банки крайне неохотно инвестируют в промышленность, занимаются выдачей кредитов физическим лицам как основой своей деятельности. Соответственно, перед Поповым стоит два решения этой задачи — либо современные банки не банки, либо современный империализм не империализм. Так как он по тем или иным причинам продолжает стоять на позиции империализма как описательной модели современного капитализма, то ему приходится говорить, что современные банки не являются банками — вывод слабый, разбивающийся о практику, так как по мере возможностей мы наблюдаем у банков желание инвестировать в промышленность.

Если обеими ногами стоять на позиции того, что сегодня мы имеем дело с тем же самым империализмом, что описывал Ленин, то мы увидим, что ряд практических позиций Попова явно расходится с этим теоретическим положением. Например, он всецело поддерживает борьбу Донбасса, с чем мы солидарны и считаем эту борьбу прогрессивной. Однако прогрессивность её заключается в том, что она бьёт по ультраимпериализму, разрушает гегемонию транснационального монополистического капитала, а Михаил Попов поддерживает её, исходя из идеи национально-освободительной борьбы. По

этому вопросу мы рекомендуем малоизвестную статью Ленина «Русские Зюдекумы», где он как раз разбирает схожие позиции. В ней Владимир Ильич писал:

«Софистически оплакивается судьба Бельгии при умолчании о Галиции. Софистически смешивается эпоха империализма (т. е. эпоха, когда, по общему признанию марксистов, созрели уже объективные условия крушения капитализма и когда имеются налицо массы социалистического пролетариата) с эпохой буржуазно-демократических национальных движений; эпоха назревшего уже разрушения буржуазных отечеств интернациональной революцией пролетариата с эпохой их зарождения и сплочения. Софистически обвиняется в нарушении мира буржуазия Германии и замалчивается длительная и упорная подготовка войны против нее буржуазией «тройственного согласия». Софистически обходится резолюция базельская. Софистически подменяется социал-демократизм национал-либерализмом: желание победы царизму мотивируется интересами экономического развития России, причем даже не затрагиваются вопросы ни о национальностях России, ни о задержке ее экономического развития царизмом, ни о сравнительно неизмеримо более быстром и успешном росте производительных сил в Германии и т. д. и т. п.».

Не подобными ли аргументами оппонируют Михаилу Попову и подобным марксистам леволибералы? Следует признать — если мы стоим на теоретической позиции империализма как основы современного капитализма, то господа леволибералы гораздо более последовательны и именно их воззрение на мировые конфликты верно. Однако же Попов и близкие ему марксисты, которых мы считаем бесконечно более близкими к правде, чем леволибералов, стоят на позиции империализма в теории, но действуют иначе на практике. И это противоречие следует устранить, следует признаться самим себе, что мы имеем дело не с империализмом, а с ультраимпериализмом, тогда не придётся выдумывать оправдание небанковым банкам, говорить о фашизме во внешней политике США и игнорировать повсеместный неолиберальный фашизм, который распространяется транснациональным монополистическим

капиталом под видом прогресса, свобод и радикального индивидуализма.

Это объясняет, почему современные «знатоки марксизма» видят фашизм практически везде, но никто из них не может его чётко формализовать. Из-за деревьев, анализируя конкретные режимы, они не видят леса, то есть того, что США насадили фашистские режимы по всему телу ультраимпериализма. Эти режимы имеют различные маски, самая отвратительная из которых и похожая на германский национал-социализм 1930-1940 годов — это, конечно, современный киевский постмайданный режим. Борьба России за его уничтожение есть борьба против фашизма — как локального в лице конкретного ультраимпериалистического режима, так и глобального, ведь удар по одной голове чудовища в конечном счёте наносит ущерб всей химере. Более того, конфликт заставляет Россию дистанцироваться от экономики и политики ультраимпериализма, вырывать себя из лап этого глобального неолиберального рынка.

Марксист исходит из понимания того, что все окружающие нас явления представляют собой процесс. Изучая тот или иной процесс, выявляя в нём сущностные противоречия, которые приводят явление в движение, марксист понимает природу этого процесса. Однако каждый процесс, сколь мал и незначителен бы он ни был, находится в определённых отношениях с другими процессами. Потому, изучив один процесс, вскрыв его внутренние противоречия и поняв сущность его природы, мы должны сделать следующий шаг диалектического познания — посмотреть на уже изученный процесс с более высокой точки, рассмотреть его взаимодействие с другими более глобальными процессами, где уже изученный процесс может проявить себя с неизученной ранее стороны. Если говорить предельно кратко, это и есть путь анализа с точки зрения материалистической диалектики.

Также марксист исходит из необходимости движения всего человечества к бесклассовому обществу, к переходу от общечеловеческого цивилизационного детства к общечеловеческой цивилизационной зрелости или, как высказался Энгельс, «от предыстории человечества к его подлинной истории». Достигнуто

это состояние может быть только в рамках всего человечества или, как минимум, в большей его части. Потому анализ различных политэкономических процессов марксист всегда доводит до понимания общемировых процессов, через призму мировой системы анализирует те или иные конкретные проявления глобального процесса.

Так и события на постсоветском пространстве можно рассматривать с разной высоты. Большинство леволибералов зауживают анализ непосредственно до постсоветского региона, не выходят за его пределы. «Знатоки марксизма» требуют отказаться от взгляда в сторону Штатов или Европы, говорят о необходимости сконцентрироваться на конкретном противостоянии России и Украины и закрыть глаза на всё остальное. Но, как мы уже сказали, следует идти от общего к частному, от абстрактного к конкретному, и потом проделывать путь назад, чтобы в действительности понимать сущность тех или иных событий, как действовать в той или иной ситуации.

Пример такого подхода демонстрирует греческий коммунист Димитриос Пателис. Отвечая на вопрос касательно СВО и отношения к нему коммунистов, он высказал мысль, которую можно сформулировать так: коммунисты Греции будут рады любому поражению атлантической американской Оси, потому как эта Ось оккупировала большую часть мира, и её ослабление приведёт к возможности десятков народов бороться за своё будущее, сбросить колониальное ярмо со своих шей. Пателис стоит на таких позициях с начала конфликта. Он отметил, что, конечно, хотел бы видеть Россию социалистической, чтобы СВО вела условная Красная Армия, но даже в сложившихся обстоятельствах он не видит ничего зазорного в поддержке России, которая, во-первых, борется с нацистским государством, а, во-вторых, с мировой гегемонией США.

Мы уже давно облекли эти рассуждения в марксистскую форму: ввиду специфических политэкономических условий буржуазный мир перешёл на стадию ультраимпериализма, которая является для него несвойственной, и

сегодня мы наблюдаем процесс борьбы между силами ультраимпериализма и теми, кто хочет его разрушить. Настоящий марксист мыслит в категориях мировых процессов, потому мы говорим о прогрессивности уничтожения ультраимпериализма, а значит разделяем позицию Пателиса. Более того, он назвал американский альянс «Осью», что тоже довольно точно отражает действительность. Ведь если по Димитрову фашизм есть диктатура финансового капитала, то сейчас мы можем наблюдать диктатуру такого капитала в рамках всего мира – только финансового наднационального капитала через МВФ и Всемирный банк.

Люди же, которые целенаправленно зауживают современные политэкономические процессы до региональных, не хотят взглянуть на ситуацию с высоты всей совокупности мировых процессов, как это делал, например, Ленин в своей книге «Империализм как новейший этап капитализма». Они отступают от позиций марксизма хотя бы потому, что одной из составных частей марксизма является французский утопический социализм, преобразованный в научный социализм, который говорит нам о необходимости поставить весь мир на путь социалистических преобразований. Соответственно, и анализировать необходимо весь мир, для чего нужно подняться достаточно высоко в его теоретическом осмыслении, чтобы иметь лучший обзор процессов, соотносить их с сущностным состоянием буржуазного мира.

Движение человечества к социализму начнётся только после демонтажа системы ультраимпериализма. Сложившаяся после Второй мировой войны система власти и экономики буржуазного мира предполагает подавление любых коммунистических сил внутри себя и снаружи. Так, раскручивался маховик репрессий против мыслителей левого толка, то есть не только против коммунистов, но и против других представителей этого фланга, и реальные марксистские силы внутри ультраимпериализма были разбиты. Их подменили постмарксисты: Франкфуртская школа, французские структуралисты и постструктуралисты, мир-системная школа и прочие социал-демократы разных

мастей. Точно так же вовне этой системы давились коммунистические потуги. Можно вспомнить Вьетнам, который до сих пор не оправился от американской интервенции, или Чили, где законно избранный социал-демократ Альенде был свергнут фашистской хунтой Пиночета, поддержанной США и Великобританией. Консолидированный империализм видит в любой коммунистической силе великую угрозу, и потому использует любые средства для её уничтожения.

Политика сталинизма, то есть создания социалистического государства, которое будет давить на буржуазный мир и постепенно освобождать его от оков капитализма, — это и есть путь постепенной победы социализма во всём мире для перехода к коммунизму. Но реально ли такое проверить в мире ультраимпериализма? Нет. По политическим и экономическим причинам.

По политическим причинам взятие власти коммунистами в отдельно взятой стране встречает препятствия в виде мелкобуржуазного мышления масс и реакции ультраимпериализма. Максимально удобным для ультраимпериализма экономическим укладом является неолиберальный капитализм, который предполагает формально лучшую и свободную социальную структуру для рабочего, чем все предшествующие. Рабочему доступен кредит, благодаря которому ему открываются возможности для дорогих покупок и отпусков, он может выйти на фондовую биржу, став акционером, и получать «пассивный» доход, открываются возможности для быстрых взлётов через спекуляции, полную продажу себя и иные отрицательные с точки зрения морали, но положительные с точки зрения финансов инструменты. Рабочему сегодня есть, что терять, кроме своих цепей, хотя фактически всё это и является ещё одной разновидностью цепи, пусть и золотой. Более того, если вспомнить условную формулу Ленина «верхи не могут, низы не хотят», то при ультраимпериализме верхи «не могут не мочь», потому как в их руках для борьбы с рабочими прогрессивными массами есть все необходимые инструменты.

В рамках мира ультраимпериализма это положение абсолютно. Многие люди живут в кредит и искренне уверены в том, что они «временно бедствующие

миллионеры». Неолиберальная экономика породила специфическое общественное сознание, фактически заразило большинство населения мелкобуржуазным мышлением. Дошло до того, что отдельные лидеры якобы марксистских организаций точно так же подвержены мелкобуржуазному мышлению, поэтому действительно прочное объединение их в единую политическую силу и не происходит. Левые блогеры относятся к своей деятельности, как к небольшому бизнесу, а бизнес не терпит конкуренции. Так что организовать хоть сколько-то массовое движение ради действительной борьбы за социализм крайне проблематично и невыгодно.

Даже если представить себе определённую победу коммунистов в отдельно взятой стране, она сразу же подвергнется беспрецедентному давлению со стороны ультраимпериализма. Некоторые скажут, что большевики тоже отбивались от мирового империализма. Но не следует путать теплое с мягким. Империалисты в 1917 году: а) были раздроблены, действовали поодиночке и исходили из своих интересов; б) были измотаны мировой войной; в) имели внутри своих стран недовольные народные массы, которые часто возглавлялись коммунистическими партиями; г) не обладали теми разрушительными видами вооружения и средствами разведки, которые существуют ныне. Именно поэтому молодая Советская Россия смогла пережить это грандиозное по своей наглости нападение. Современный расклад принципиально иной. Ультраимпериализм будет действовать слажено, с задавленным коммунистическим сопротивлением в своих тылах и с вооружением, которое способно в короткий срок нанести непоправимый ущерб любому молодому социалистическому государству.

Но даже если вообразить, что ультраимпериализм не станет мारать руки прямым военным вторжением, молодое социалистическое государство не сможет долго просуществовать из-за чисто экономических причин. Система ультраимпериализма привела к разделению труда и производства в масштабах всего мира. Подобные процессы можно было видеть и в XIX-XX веках, но с полной победой ультраимпериализма над социалистическим блоком всё

усугубилось. Долго ли молодое коммунистическое правительство сможет пребывать у власти, когда его отключат от мирового рынка и закроют поставки? Даже крупные страны, наподобие России, в основном существуют за счёт продажи на внешний рынок тех или иных товаров. Говорить про страны поменьше вовсе не приходится, их экономически раздавят очень быстро. СССР в своё время имел хоть какую-то базу. В конечном счёте хоть Российская империя и была seriously отсталой, но всё-таки находилась в пятёрке крупнейших держав, пусть и замыкая список. Активно строились заводы и фабрики, собственно, это и привело к росту сил буржуазии и Февральской революции. Более того, СССР активно играл на разобщённости и слабости империалистического мира, торговал с ним и использовал «Великую депрессию» для привлечения кадров и закупки технологий. Будут ли такие инструменты у социалистического государства, которое пробьёт себе путь в отдельной стране в рамках ультраимпериализма? Нет.

Значит ли это, что движение к социализму невозможно, нужно поднять лапки кверху и принять капитулянтскую позицию? Нет. Движение к социализму возможно и является единственным выходом для человечества, однако в условиях ультраимпериализма путь этот становится более извилистым. Для начала необходим обвал ультраимпериализма, что уже происходит. Сегодня региональный империализм выступает против ультраимпериализма, так как эта система выгодна лишь для его бенефициаров. Региональный империализм готов был поставить американский империализм верховодить, сплестись в химеру ультраимпериализма для спасения себя от социалистической угрозы. Сегодня, когда нет социалистической угрозы, ультраимпериализм распадается и по объективным экономическим, и по субъективным политическим причинам. И не нужно этому мешать, этому можно даже содействовать. Ультраимпериализм развалится на отдельные политэкономические блоки, фактически вернётся к состоянию империализма. И именно тогда начнётся подлинная борьба за социализм. Китай ещё слишком зависим от экономики ультраимпериализма, потому не может активно выступать как консолидирующий для империализма

фактор, хотя США и пытаются всячески выставить его агрессором.

Региональным империалистам придётся наращивать внутреннее производство, обретать политэкономическую свободу и бороться за выживание. Этот процесс подстегнёт развитие фабрично-заводского пролетариата, который является руководящим звеном всего класса пролетариев. Поддерживать относительно сносную жизнь в кредит буржуа больше не смогут, потому и сами рабочие начнут осознавать необходимость борьбы за социализм. Не будет монолитного ультраимпериализма, будет разобщённый империалистический мир, слабое звено которого может быть прорвано социалистическими силами. Поэтому коммунистам следует делать параллельно две вещи: информационно-идеологически и теоретически способствовать распаду ультраимпериализма, то есть выступать против глобального неолиберального рынка и американской политической гегемонии, а также параллельно готовить политические структуры для дальнейшей борьбы с региональным империализмом.

Эта позиция схожа с той, которую определил Ленин по отношению к Временному Правительству в период Корниловского мятежа. Только теперь эта ситуация глобальная, а не локальная. Вот путь к социализму: шаг назад для того, чтобы сделать потом два вперёд. Таковы завихрения истории, так сформировался мир после Второй мировой войны. И подходить к нему с мерками начала XX века для марксистов неправильно, даже преступно. Поэтому мы предлагаем свою концепцию, объясняем её сущность и призываем к её обсуждению, критике, выяснению спорных и непонятных позиций.

Заключение.

Даже кратковременная победа небольшой Парижской коммуны заставила враждующих эксплуататоров Пруссии и Франции действовать сообща. Пусть не экономически, но политически они нашли друг в друге поддержку против народного движения. СССР и весь социалистический блок просуществовал в разы дольше, чем Парижская коммуна, и имел куда как больше людей, ресурсов и территорий. Не признавать серьёзнейшего изменения всего буржуазного мира на фоне этого есть великая глупость и слепота, которой, однако, больно большинство современных «марксистов». Они сконструировали себе мир прошлого, достали его, как заточённое в янтаре насекомое, и принялись через это помутневшее от старости стёклышко рассматривать современность. Конечно, что-то они видят, но не мир вокруг, а покорёженные своей фантазией образы, в которых они пытаются уверить всех и вся.

Современные левые любят поговорить о том, что поддерживать буржуазное отечество в любом конфликте – грех для сознательного коммуниста. Любят и на Ленина сослаться, попутно его перевернуть до неузнаваемости, натянуть цитаты на нынешние события, которые Владимир Ильич формулировал при конкретных обстоятельствах для решения конкретных политических задач, исходя из конкретных же инструментов, которые были тогда в распоряжении рабочего движения. Сегодняшние «коммунисты» любят конкретные ленинские выводы подгонять под не менее конкретную реальность, отличную от начала XX века, и действовать, исходя из этого.

Создаётся впечатление, что и самого Владимира Ильича современные левые упрекнули бы в незнании сочинений Ленина, пояись он сегодня и вступи с ними в дискуссию. Подход «отвечать цитатой на цитату» – сизифов труд, особенно если помнить про их привязанность к моменту. Но, к сожалению, начётчиков по-другому убедить не получается, потому придётся привести ряд цитат Ленина, которые прямо показывают несостоятельность их тезисов даже внутри их начётнической логики, а также дать беглый анализ ситуации с

марксистских позиций.

Относительно «недопустимости защиты буржуазного отечества». Отрывок открытого письма Ленина Борису Суварину, где он обозначает позицию свою и ЦК РСДРП касательно «апатриотизма», в котором Суварин видит несовместимость идей социализма и защиты отечества:

«Суварин говорит, что он хочет «рассматривать факты с марксистской точки зрения». Но с марксистской точки зрения такие общие и отвлечённые определения, как «апатриотизм», абсолютно никакой цены не имеют. Отечество, нация — это категории исторические. Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения»⁵⁸.

Если исходить из дня сегодняшнего, если принять разрабатываемую нами концепцию современного ультраимпериализма, то мы приходим к выводу, что СВО начата против ультраимпериализма. Понятно, что она не была развязана исключительно с целью разрушить ультраимпериализм, и даже, напротив, политическая элита РФ всячески стремится встроиться в него вновь. Но интересы рабочего движения, как мирового, так и национального иногда совпадают с интересами правящих группировок буржуазии. Если в интересах мирового рабочего движения демонтировать ультраимпериализм путём ослабления США и их сателлитов, то тем лучше, что этот процесс начался, но тем хуже, что идёт он и близко не теми решительными темпами, которые требуются для победы. Покуда существует ультраимпериализм, говорить о социальном прогрессе нельзя.

Условия движения к социализму заключаются не только в том, что низы не хотят жить по-старому, но и в том, что верхи не могут управлять по-старому. В

рамках ультраимпериализма верхи «не могут не мочь», поскольку актуальны несколько факторов:

- 1) Концентрация в руках транснационального монополистического капитала производственных мощностей и контроль распределения ресурсов в рамках мира;
- 2) Монополия на подавление рабочего движения, что приводит к невозможности игры на противоречиях буржуазии;
- 3) Распространение неолиберальной идеологии через контроль крупнейших мировых вузов и СМИ транснациональным монополистическим капиталом, которое приводит к разобщению рабочего класса и к снижению его боевого потенциала.

Любая попытка движения к прогрессу будет немедленно пресечена мировым жандармом, который либо грубой силой задушит все зачатки социализма в той или иной стране, либо посредством экономики и политического террора разобьёт любое социалистическое или просто своенравное государство. К тому же мировой ультраимпериализм приводит к растворению пролетариата, к его перекачке в непроизводственную сферу, что осложняет работу коммунистов стократ. Только разрушение ультраимпериализма и откат мира к классическому империализму приведут к необходимости национальных буржуазий возвращать производство в свои страны, тем самым возвращать фабрично-заводской пролетариат – своего могильщика.

Не об этом ли говорит Ленин уже в другой статье, посвящённой падению Порт-Артура?

«Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гед во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к

Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» сделала выговор Геду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской. Гед и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией»⁵⁹.

Как же это похоже на сегодняшний день. Люди, кличущие себя «истинными марксистами-коммунистами», просто твердят, что оба государства хуже, не смотрят на ситуацию конкретно и не пытаются путём анализа современного мироустройства понять прогрессивные и регрессивные стороны процесса. Доходит до того, что отдельные «коммунисты», например, тот же Константин Сёмин, в попытке нацепить изрядно севшее пальто ленинского понимания процессов Первой мировой войны на современные плечи ультраимпериализма утверждают, что конфликт России и Украины – это конфликт двух (!) империалистических блоков. Один виден чётко – НАТО во главе с США. А вторым господин Сёмин называет союз России и Китая, которого не существует ни в юридическом, ни в фактологическом поле. Интересы Пекина и Москвы по СВО не тождественны, а в некоторых аспектах даже противоположны. Китай устраивает возможность получать дешёвые энергоносители из России, покуда той некуда деваться, но общий вектор развития китайской политики состоит в постепенной заморозке конфликта. Да, Китай рано или поздно может дорасти до полноценного империалиста, особенно если там победит буржуазная тенденция, определённые предпосылки к этому проглядываются уже сейчас. Это полностью укладывается в теорию разложения ультраимпериализма, ведь

его падение вызовет появление империалистических блоков, которые господин Сёмин видит уже сегодня. Знать, что из яйца вылупится птенец, это, конечно, хорошо. Но бегать с яйцом по деревне и пугать всех тем, что сейчас оно всех заклюёт – как-то не по-марксистски.

Движение мира к империализму — факт, с которым поспорить сложно. Перепрыгнуть его не выйдет, народники в России 1860-1890-х годов пытались перепрыгнуть капитализм и попасть сразу в социализм. Империализм будет сопровождаться конфликтами, довольно интенсивными и разрушительными. Но в тоже время необходимость национальных государств закрывать свою экономику от влияния других игроков заставит их наращивать производство, которое неизбежно приведёт к росту пролетариата — того самого, который и есть носитель прогресса, который и должен будет строить новый мир. Это прогрессивный элемент возвращения мира к эпохе больших противостояний.

Коммунисты же сейчас должны мало того что самообразовываться, чтобы не попадать в пикантное положение современных «знатоков Маркса», так ещё и распространять верные духу времени идеи. Ленин говорил, что империализм — есть канун социалистических преобразований. Но не только лишь потому, что империализм приводит к империалистическим войнам:

«В империалистической войне 1914–1917 г., между 2-я империалистическими коалициями мы должны быть против «защиты отечества», ибо: (1) империализм есть канун социализма; (2) империалистическая война есть война воров за добычу; (3) в обеих коалициях есть передовой пролетариат; (4) в обеих назрела социалистическая революция. Только поэтому мы против «защиты отечества», только поэтому!»⁶⁰.

Крушение ультраимпериализма ведёт к появлению коалиций, росту пролетариата внутри стран и назреванию социалистических преобразований, хотя это уже зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов, на которые коммунисты и способны повлиять. К субъективным факторам относится организованная партия с выстраданной теорией, адекватно

описывающей действительность и показывающей, что конкретно можно и нужно делать пролетариату. Вот тогда и только тогда, когда весь этот пазл сложится, будут и коалиции, и партия, и пролетариат, причём политически пробуждённый, можно будет говорить цитатами Ленина о Первой мировой, и том, как должны вести себя коммунисты. До тех же пор отсылки к нему именно в таком контексте показывают лишь теоретическую безоружность говорящего. И с этой болезнью левизны нам ещё предстоит бороться долгое время.

Значит ли это, что современным российским коммунистам нужно «солидаризоваться с российской буржуазией», ведь именно так представляют позицию, противную им, «истовые марксисты»? Не выучив даже уроков Платона, которые он дал в своём «Пире», они видят лишь два диаметрально противоположных вывода – либо вы полностью против, либо вы полностью за. А как же диалектика, на фундаменте которой стоит марксизм? Задача коммуниста – поддерживать прогрессивное начало происходящего, выступая против тянущих Россию на дно сил. К регрессивным силам, между прочим, относится и та самая господствующая у нас сырьевая компрадорская буржуазия, которая ищет любых возможностей «остановить историю». Каждый значимый удар по ультраимпериализму – благо для прогрессивных сил. Современные же элиты, лишённые политэкономической субъектности, в чём, собственно, и состоит цель ультраимпериализма, не хотят крушения старого мира. Даже выработка теоретической идейной базы под грядущую эпоху, которая уже проклёвывается через скорлупу старого мира, была бы полезным делом. Но "истовым марксистам" не до этого – им бы только пообсуждать социал-шовинистов, процитировать Ленина да бросить трудовой народ под знамёна либералов на любые политические авантюры, лишь бы супротив кремлёвских сидельцев. На зло Путину они готовы отморозить уши и головы, но признать, что действия России сегодня в стратегическом масштабе прогрессивны и играют на руку трудящимся всего мира, они не могут. Да, извилистый путь движения к принципиально новому обществу заставляет человечество в некотором смысле сделать шаг назад, выбраться из состояния

ультраимпериализма обратно к империализму, что непременно будет сопряжено с большим количеством пролитой крови и слёз в ближайшие десятилетия. Но равно как человечеству пришлось пройти через горнило рабовладения, феодализма и капитализма, чтобы получить шанс на бесклассовое общество, так и сегодня придётся мужественно посмотреть в глаза реальности, которая диктует необходимость демонтажа ультраимпериализма как первого практического шага. Нам необходимо сделать шаг назад, чтобы впоследствии начать двигаться вперёд — это диалектика момента, в которой сопряжено как реакционное (рост мирового напряжения, большее количество конфликтов, рост влияния национальной буржуазии), так и прогрессивное (рост количества и качества фабрично-заводского пролетариата, рост его роли в политических процессах, отход от неолиберальных практик и радикального индивидуализма, рост производственных мощностей и во многом их огосударствление, что облегчит задачу пролетариату в будущем). Если марксисты осознают момент, то мы увидим, что у нас появляется исторический шанс сыграть на опережение, начать работать с пролетариатом на его подъёме, который будет тем заметнее, чем слабее будет становиться ультраимпериализм.

Бенефициары ультраимпериализма прекрасно отдадут себе отчёт в том, как сегодня выглядит мир, как он таковым сложился и как он будет развиваться, стоит только почитать архитекторов современного мирового порядка — Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера, Джозефа Ная и прочих. Они описывали положение США, прекрасно видели, что США сегодня поднялись настолько высоко, что фактически контролируют мир. В их идеалистическом представлении всё это «от правильных идей демократии и открытого рынка». Они — идеалисты, но они полезные идеалисты, умные идеалисты, которые куда как ближе к умным материалистам, чем глупые материалисты. Они отказывают в прогрессивности коммунистической идее, лепят на неё ярлык «тоталитаризма», пытаются соединить её с фашизмом, отвергают классовую теорию, теорию стоимости и прочие фундаментальные для понимания современности вещи. Но это не мешает нам, как марксистам, избавлять их

умопостроения от идеалистической чепухи, использовать марксистский метод, чтобы отделять мух от котлет, проводить с ними ту же операцию, что в своё время провёл Маркс с Гегелем.

Прочтите их книги и вы увидите, что уже в 1990-х и 2000-х они прекрасно понимали текущее положение дел, видели вершину могущества транснационального монополистического капитала, говорили о возможных угрозах, которые могут повалить его могущество. Пока марксистские силы по всему миру были оглушены падением СССР, пока коммунисты приходили в себя от этой катастрофы, идеалисты с разных сторон работали, улучшали свои концепции, внедряли их в головы народам, и сегодня мир говорит их словами. Мы то и дело слышим «глобализация», «цивилизации», «постиндустриальное общество» и прочие термины, назначение которых изначально заключалось в том, чтобы навести тень на плетень. Ими пользуются по обе стороны баррикад, потому что сегодня они оказываются наиболее близки к описанию реальности. Марксисты же посчитали, что смогут применить понятия и категории столетней давности в первозданном виде, и они прекрасно подойдут к современности. Нет, не подойдут. Из-за поражения СССР и малого уровня понимания марксизма наша прогрессивная теория впервые оказалась в положении догоняющей.

Вместо развития теории марксисты находились в ложной очевидности, что все происходящие процессы им абсолютно понятны. Они в тусклом сиянии собственного «интеллектуального превосходства» пытались убедить себя и других в том, что конкретные ленинские или сталинские действия в конкретных же условиях лягут на современность самым лучшим образом. Это всё равно что подставлять под любую математическую задачу или формулу такие ответы и данные, которыми пользовался отличник при решении других конкретных уравнений.

Как Ленину под давлением актуальных на тот момент времени мировых политэкономических процессов стало необходимо развивать марксизм, в том числе отходить от некоторых выводов Маркса, так нам уже под давлением

новой актуальной политэкономической реальности необходимо продолжить развитие дела марксизма, в том числе где-то отойти от выводов Ленина. В некоторые периоды истории, когда теория не поспевает за практикой, что мы наблюдаем в современном мире, развитие теории есть самая актуальная практика. Как Плеханов и группа «Освобождение труда» в своё время теоретически били народников и прочих идеалистов, так нам сперва требуется показать нищету псевдомарксистских идолов, которые ведут движение в никуда.

Леволлибералы не примут эту книгу, не заметят, проигнорируют или извратят, будут спорить с выводами или отдельными моментами, но не пойдут на конструктивный диалог, потому что это разрушит всю их предыдущую практику. В борьбе с нашей теорией ультраимпериализма им всё-таки придётся отвечать на конкретные вопросы. Изменился ли империалистический мир из-за противостояния с социалистическим блоком? Если да, то как? Как в ленинской теории империализма объясняется роль МВФ, ВТО и прочих наднациональных структур, которые фактически контролируются одной страной? Как ленинская теория объясняет диктатуру одной валюты, выпуск которой сосредоточен в одном государстве? Почему крупные империалистические хищники не воевали между собой за передел рынков после Второй мировой войны? Где был их империализм до распада СССР? Это далеко не полный перечень вопросов, которые объясняются посредством нашей теории.

Есть люди, которые пусть и пользуются ленинской теорией империализма, на практике приходят к верным практическим выводам. Они весьма правильно говорят о том, что победа России в этом конфликте предпочтительна, помогают фронту и тылу, формируют партийные организации или помогают им, верно отмечают некоторые современные мировые политэкономические тенденции. М. Попов, Е. Волкова, С. Васильев, Н. Платошкин, Д. Пателис и «Всемирная антиимпериалистическая платформа» — это далеко не полный список верных в деле практики людей и организаций. Но и через геоцентрическую систему можно прийти к правильному описанию движения в Солнечной системе. В

конечном счёте им приходится отрицать империалистические явления там, где они объективно присутствуют, на что они получают обвинения от «знатоков марксизма» в том, что поддерживают одних империалистов против других.

Между тем теория ультраимпериализма лучше объясняет современность и даёт понять, как действовать и на тактическом, и на стратегическом направлениях. Из неё мы чётко знаем, что после построения сильного социалистического блока буржуазный мир вновь объединится в химеру ультраимпериализма, и будем понимать, что действовать с ним нужно по-особому. Мы отдаём себе отчёт в том, что современный конфликт в Восточной Европе имеет двоякую тенденцию, что победа России в нём не приведёт автоматически к процветанию пролетариата, однако без этой победы ультраимпериализм останется ещё надолго, и мы потеряем бесценные десятилетия на новый пир мировых стервятников. Мы чётко понимаем, что и политическое поражение США не изменит ситуации, коммунисту следует выступать не просто против США, но против глобального рынка, в рамках которого движение к социализму невозможно, потому что глобальный рынок будет порождать новый ультраимпериализм.

Ещё Сократ учил нас ставить правильные вопросы и, возможно, вопросы, которые ставит эта книга, помогут кому-то лучше разобраться в происходящем сегодня с точки зрения марксизма. Наша общая задача — вернуть теорию марксизма в массовое сознание, вывести её из тупика, куда она попала ввиду цементирувания своего развития в СССР и последующего крушения первого великого рабочего государства. Возможно, как когда-то посеянные Плехановым семена марксизма в российском рабочем движении привели к появлению Ленина и большевиков, так и наш труд станет прологом к выздоровлению и росту марксистской науки во всём мире. После всего выше изложенного мы призываем вас самостоятельно ответить на вопрос. Имеем ли мы дело сегодня с тем же самым империализмом, что и 100 лет назад?

Комментарии и ссылки.

1. Ознакомиться с оцифрованной версией 13 тома первого прижизненного собрания сочинений Ленина можно здесь - <https://istmat.org/node/59582>. Работа уже на постреволюционном языке именуется «Империализм как новейший этап капитализма». В тексте империализм лишь несколько раз именуется высшей стадией в контексте времени (высшая на данный момент) и в контексте экономики (национальные экономики подчинены промышленным и финансовым монополиям). Вопросы переплетения национальных монополизированных экономик в работе Ленин не рассматривает, что логично, если учесть контекст времени. Кто и почему решил изменить название работы после смерти Ленина — отдельный большой вопрос.

Вопрос того, что империализм не является «высшей», то есть абсолютной и законченной стадией империализма, поднимался в советском обществе, пусть и не получил должного теоретического развития. Так, после Великой Отечественной войны во время подготовки известного учебника политэкономии Островитянова, поднимались различные теоретические вопросы, в том числе об империализме. Подробно те дискуссии описаны в книге Евгения Спицына «Ложь и правда о советской экономике», где среди прочего написано:

«Наконец, что касается проблемы неизбежности новых межимпериалистических войн, то здесь в центре внимания оказалась позиция академика Е.С. Варги, который на секции «Капиталистический способ производства» заявил, что ленинский тезис о неизбежности таких войн уже устарел и что такие войны возможны лишь «абстрактно-теоретически, а конкретно-практически они невероятны». Он объяснял это следующим образом: а) во-первых, противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма в настоящее время гораздо сильнее, нежели внутриимпериалистические противоречия; б) во-вторых, в империалистическом лагере США имеют подавляющее превосходство над всеми остальными буржуазными державами, и они не нуждаются в войне, чтобы подчинить их себе; в) в-третьих, США достаточно сильны, чтобы реально помешать любой

войне в лагере «европейских империалистов»; г) наконец, в-четвёртых, опыт двух мировых войн доказал лидерам буржуазных государств, что любая война внутри буржуазного лагеря «имеет очень плохие последствия для самих империалистов». Эту позицию старшего коллеги поддержал и профессор М.И. Рубинштейн, заявивший, что ленинский тезис «о неизбежности войн при империализме» устарел ещё и потому, что в настоящее время значительно выросли «мощные силы сторонников мира и подлинно народной демократии». Однако большинство участников дискуссии, совершенно верно указав, что этот ленинский тезис характеризует политко-экономическую суть самого империализма, который не может жить без войн и грабежей, заявили, что этот тезис не может устареть до тех пор, пока существует империализм. При этом возможность предотвращения любой войны в настоящее время определяется не тем, что изменилась природа империализма, а тем, что бурно растёт и крепнет лагерь мира, демократии и социализма. Таким образом, отрицание ленинского закона «неравномерного развития капитализма» на деле означает признание возможности создания единого буржуазного сверхгосударства под эгидой США».

Но как показывает практика, «растущий лагерь социализма» отнюдь не отвадил США от вторжений во Вьетнам и от десятков интервенций на Ближний Восток, равно как и внутри подконтрольного Вашингтону мира случались конфликты (турецко-греческий 1974 года, британо-аргентинский 1982 года и другие). Из этого можно сделать вывод, что мысль об империализме как высшей, то есть абсолютно последней стадии капитализма вызывала ряд вопросов уже тогда, в 1950-е годы, пусть дискуссии по теме и не получили должного творческого развития. Почему многие марксисты до сих пор спустя 70 лет после тех дискуссий всё ещё боятся на шаг отойти от понимания современной стадии капитализма именно как империалистической — решительно непонятно.

2. С этими течениями можно ознакомиться в работах В. И. Ленина «Шаг вперёд, два шага назад», «Материализм и эмпириокритицизм», «Что делать?».

3. 1) <https://russian.rt.com/science/article/572132-100-let-respublika-germaniya>;

2) <https://logikaprogressa.com/istoriya-sd/nemetskie-sotsial-demokraty-i-pervaya-mirovaya-voyna.html> .

4. В. И. Ленин «Шаг вперёд, два шага назад», М. И. Басманов «В обозе реакции: троцкизм 30-70 годов».

5. Общее поведение стран-победительниц в Первой мировой войне на Генуэзской конференции это подтверждает. Долгое время в западной прессе распространялись воззрения на СССР, которые штамповали белогвардейцы и прочие эмигранты. Так, уже в 1926 году был проведён крупный съезд антисоветских сил в Париже, который оценивал положение дел в СССР как крайне плохое, отмечал в принятых документах и манифестах, что в скором времени СССР падёт, и что именно новым белогвардейским вожакам придётся развивать «уничтоженное большевиками производство». Более-менее реалистичные оценки происходящего в стране были получены Европой и Америкой лишь после налаживания дипломатических отношений, в частности, этому послужили отчёты посла США в СССР Джозефа Дэвиса. Лишь к концу 1930-х сформировалась так называемая «Рижская аксиома» - положение, господствовавшее в среде американской дипломатии, которое исходило из агрессивных и революционных стремлений СССР «с претензией на мировое господство».

6. М. И. Басманов «В обозе реакции: троцкизм 30-70 годов».

7. Такое стратегическое положение, конечно, не фиксировалось в официальных документах, однако этот вывод можно сделать из практики, которую вёл СССР при Сталине: за это время социалистический блок стал гораздо больше и сильнее, были поддержаны революционные силы по всему миру. Более того, это

следует из теоретической линии ленинизма, которую продолжал Сталин.

8. Этот взгляд отображён в одноимённом тексте Каутского «Ультраимпериализм», который кончается словами: «Однако с чисто экономической точки зрения ничто не может помешать тому, чтобы в конце концов заменить империализм священным союзом империалистов. Чем дольше длится война, чем больше она истощает всех ее участников и заставляет их отказаться от повторения вооруженного конфликта, тем ближе мы подходим к этому окончательному решению, каким бы маловероятным оно ни казалось на данный момент».

9. Производственные и логистические цепочки в период современного ультраимпериализма достигают колоссальных масштабов, контролировать все ветви транснационального капитала из одного центра становится проблематично, ввиду чего монополистический транснациональный капитал вынужден делегировать полномочия по управлению активами своим ставленникам по всему миру, которые, однако, имеют определённую степень независимости, поскольку всё ещё контролируют большие бизнес-активы. Так, режим Израиля как оплот ультраимпериализма на Ближнем Востоке является марионеткой транснационального капитала, однако в критические для себя ситуации готов идти против своих хозяев. Это активно проявилось в 2024 году, когда транснациональному капиталу потребовалось посадить Нетаньяху за стол переговоров ради урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и тактической передышки, но последний может упираться и не делать этого. Также это проявляется через внутривластную борьбу в подчинённых транснациональному капиталу государствах, где при конкретных обстоятельствах к власти могут прийти люди, противостоящие экономическому господству ультраимпериализма. Но эта борьба может увенчаться успехом для регионального империализма только в том случае, если ультраимпериализм и его транснациональные хозяева по тем или иным причинам не могут должным

образом ответить на это проявление самостоятельности, что как раз наблюдается в случае с Нетаньяху. Так как значительные силы ультраимпериализм сейчас направляет на конфликт с «взбунтовавшейся» Россией и на экономическое сдерживание Китая, он тем самым, не желая этого, дает возможность для самостоятельности империалистам всего мира.

10. <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2007-3/2007-3-melyantsov?ysclid=lu16b0gnp971834164>.

11. Тенденция к переустройству мира, согласно желаниям транснациональных корпораций, есть. Они, обладая огромными ресурсами, связями и весом в мировой политике, используют всё это, чтобы создать наиболее удобные условия для ведения своего бизнеса. Заключается их идея в том, чтобы объединить весь мир в единую экономическую систему, снять любые барьеры между национальными экономиками. Фактически, они стоят на позициях либертарианства.

Если классическим капиталистам государство необходимо как аппарат принуждения, то в случае с транснациональными монополистами дело обстоит иначе. Для них крепкие политические вертикали всё равно что барьер для распространения своего влияния. В их интересах «освободить» каждую экономику, подключить её к единой системе, которую они уже контролируют. Соответственно, подключение любого другого региона к этой системе в исключительно рыночной плоскости неизбежно приведёт к подчинению крупнейшим корпорациям. Поэтому они пытаются продвигать идеологию либертарианства.

Она возникла не так давно, именно в момент формирования переплетённого глобального рынка и появления на нём монополистического капитала, то есть с появлением ультраимпериализма. Так, либертарианская идеология исходит из необходимости демонтажа государств, так как они мешают глобальной рыночной экономике развиваться. Это и есть цель бенефициаров

ультраимпериализма, ведь при таком раскладе они не будут ничем стеснены.

Если такое будущее настанет, то крупные корпорации смогут делать всё что захотят. Любое внутреннее сопротивление их положению будет давиться с крайней жестокостью. Люди будут брошены на произвол судьбы, абсолютно всё поглотит тотальный рынок, в котором только человек с деньгами будет считаться человеком. Эти явления уже наблюдаются в современном мире, но они хоть как-то сдерживаются государственными машинами. Именно в том, чтобы разломать эти барьеры, и заключается стратегия ультраимпериализма. Они хотят добраться до жемчужины — чистой экономики — и для этого хотят уничтожить всех устриц, которые хоть как-то сопротивляются этому процессу.

12. <https://vz.ru/world/2013/6/30/639329.html?ysclid=lu16gr2v42826159448>.

13. Процессы деглобализации наблюдаются уже сегодня. Транснациональные связи разрываются, всё больший приоритет отдаётся собственным цепочкам производства. Подробно об этом, пусть и в идеалистичной мир-системной парадигме, написал коллектив канала «Простые Числа». Из их работы «Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку» можно почерпнуть статистические данные, свидетельствующие о сворачивании глобального рынка, который являлся экономическим телом ультраимпериализма на протяжении 70 лет, что непременно приведёт мир в новую политэкономическую конфигурацию.

14. Доминирование сферы услуг в мировой экономике также является чётким маркером, который отличает современное положение дел от классического империализма. Благодаря глобальному характеру мировой экономики монополистический транснациональный капитал смог вывести большую часть производства в страны Азии, создав для стран «первого мира» иллюзию постиндустриального общества, в связи с чем индустрия услуг стала превалировать в большинстве «развитых стран». Это один из инструментов

недопущения коммунистического сопротивления, потому как подобная «тактическая деиндустриализация» убирает из западных стран опору коммунистического движения — фабрично-заводской пролетариат.

15. Стараниями не понявших марксизм личностей очень часто в рамках марксистской науки всё сводится к тому, как бы к той или иной ситуации отнесли Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и другие. Многие считают это самым верным путем доказать свою позицию или опровергнуть позицию оппонента. Но попытки таким образом строить свою доказательную базу показывают, что человек, рассуждающий подобным образом, не понял марксизм.

Марксизм можно условно разделить на метод и науку. Метод марксизма (материалистическая диалектика) был, есть и ещё долгое время будет оставаться самым совершенным интеллектуальным орудием для познания окружающего мира. Этот метод, если упростить, включает в себя эмпирическое изучение конкретного материального объекта или явления, выяснение его сущности путём абстрагирования. Далее в абстрагированной сущности выявляются противоречия, проводится анализ, как эти противоречия изменяют саму сущность. После этого полученные данные соотносятся с объективной реальностью через практику. В процессе сравнения диалектическая теоретическая модель будет выявлять недочёты, которые следует устранять. Когда теория и практика сходятся вместе, необходимо переходить к более высокому уровню анализа, потому как понятое во всей своей противоречивости явление или объект в свою очередь является составной частью более сложных и комплексных объектов или явлений. Так, по пути своеобразной спирали, с разных уровней познания, через теорию и соотнесение её с практикой человек получает относительную истину. Относительную — потому что материя, равно как и теория, находятся в движении, а движение предполагает постоянное изменение, а значит и теория вслед за материей должна меняться. Более того, каждый конкретный анализ конкретного же явления будет отличаться этой самой конкретикой, и те или иные категории, применяемые к одному случаю,

могут не подойти к другому. Это одно из сущностных отличий метода Маркса от метода Гегеля. Последний пытался вывести универсальную формулу всякого движения вне зависимости от объекта анализа, что и отражено в «Науке логики». Это — кратчайшее описание марксистского метода анализа.

Полученные благодаря этому методу знания в области политэкономии называются марксистской наукой. И ей присущи выведенные с помощью метода классовая теория, теория прибавочной стоимости, теория общественно-экономических формаций и прочие неотъемлемые элементы марксизма как науки. То есть это такие знания, полученные благодаря вышеописанному методу, которые уже сконструированы и сгруппированы в определённую систему знаний. Но опять-таки, вспоминая суть метода марксизма, мы знаем, что конкретные выводы, из которых и строится марксистская наука, будут изменяться вслед за изменением той социальной материи, которую метод пытается формализовать. Поэтому обращаться к Марксу, Энгельсу, Ленину или Сталину для того, чтобы ответить на те вызовы, которые стоят перед современными марксистами, без анализа тех изменений, которые претерпела социальная материя со времен их работы, по меньшей мере глупо.

Как бы отнёсся Ленин к современным событиям? Во-первых, он бы проанализировал с помощью марксистского метода современный мир, основываясь на тех источниках и данных, которые ему открыты. Во-вторых, он бы сгруппировал полученные с помощью марксистского метода данные в форму марксистской науки. В-третьих, он бы начал пропагандировать свои выводы, доказывать их и дискутировать с теми, кто видит ситуацию иначе, ради выяснения истины. Но современные леволибералы этого не расскажут. Они заявляют, что Ленин думал и поступал бы так-то и так-то, потому что они, леволибералы, думают и поступают так-то и так-то. Естественно, они приведут пару-тройку цитат Ленина, которые он говорил по конкретным поводам в конкретных обстоятельствах, и посчитают, что всё сделали правильно. Они просто-напросто играют на том, что широкие массы слабо себе представляют марксистский метод и его отличие от марксистской же науки.

16. Это описано в работах Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

17. Большинство современных популярных «агитаторов и пропагандистов», которые, на первый взгляд, распространяют марксистские воззрения, являются леволибералами. Некоторые, когда слышат этот термин, удивляются: «Что же в их речах или поступках либерального?». Они же не поддерживают капитализм, позитивно отзываюся об СССР, значит они стопроцентные коммунисты!

Проблема заключается в том, что по форме леволибералы действительно могут напомнить классического марксиста, но суть, как обычно, кроется в содержании. После победы ультраимпериализма в мире утвердилась неолиберальная идеология в качестве основной. Это логично — бытие неолиберального капитализма породило неолиберальное же сознание. Если человек целенаправленно не занимается вопросами своего сознания, то есть на глубоком уровне не размышляет о том, как устроен мир, и обходит философию стороной, его мировоззрение формируется в «фоновом режиме». Такой человек, пусть и с поправкой на определённую индивидуальность, всё-таки в базисе своей личности будет разделять основные положения главенствующего в обществе мировоззрения.

Неолиберальная идеология, если вкратце, сводится к примату личного над коллективным, к мещанству в жизни и мелкобуржуазности в сознании, к поверхностности в суждениях и практике перформансов, то есть к бесконечным попыткам привлечь к себе внимание в ущерб всему остальному. Этот базис неолиберальной личности сегодня можно встретить у большинства людей, которые или выросли в рамках неолиберальных ценностей, или восприняли их тем или иным способом. В надстройку этой личности могут закладываться самые разные политические и экономические воззрения или философские системы, но без должной работы над собой и своим сознанием неолиберальный

базис будет главенствовать и подстраивать под себя любые сущностно противоречащие ему идеи.

Именно в этом плане всяческие «как-бы-левые» иноагенты с экстремистами и прочие деятели «как-бы-марксизма» являются в сущности своей леволибералами, просто кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени. Они не отработали базис своей личности, восприняли неолиберальные догмы, как верные, жаждут славы и превращают марксизм в своих устах в товар, который поможет им обрести медийный капитал и комфорт. Они ставят личные желания выше интересов дела, намертво привязаны к перформансной практике, которая одна только и может привлечь внимание к их опусам, относятся к своим ресурсам как к бизнесу. Они не используют марксизм, как инструмент, который позволил бы им освободиться от неолиберальных оков, а приспособливают марксизм для оправдания и углубления влияния неолиберализма и в рамках своей личности, и в рамках сознания их аудитории. Делают они это, скорее, неосознанно, попав под влияние культуры и идеологии, которую продуцирует транснациональный монополистический капитал ради сохранения собственного господствующего положения. Подобное наблюдается не только в левой среде, вирусом неолиберализма поражены деятели самых различных направлений, ввиду чего и старые политические координаты сегодня практически не представляют ценности, ведь как-бы-левые объединяются с как-бы-правыми для решения собственных задач по ключевым вопросам, как на выборах президента РФ в 2024 году российские леволибералы объединились с неолибералами и общим фронтом отстаивали позиции транснационального капитала, позиции ультраимпериализма.

Существует термин «деформация», когда форма того или иного объекта изменяется или повреждается, сохраняя при этом его суть. Из-за господства неолиберальных воззрений в головах таких «знатоков марксизма» происходит куда как более сложный процесс, термина для которого в языке нет. Можно назвать его «деэкзистенциализация» или «десодержанизация», то есть изменение сущности того или иного явления при сохранении его формы.

Поэтому бывает так сложно разглядеть под, казалось бы, знакомыми марксистскими теоретическими построениями антимарксистскую сущность. Подобные вышеописанные господа не могут быть названы товарищами, пока не освободятся от тлетворного влияния неолиберализма.

18. Даже за границей, в Мюнхене, участники Союза марксистов, члены Russisch-sprachige Linke Allianz, Marx21, РСД (иноагент), а также отдельные активисты участвовали в пикете на Европейской площади в поддержку Кагарлицкого (иноагент), где собралось не более 20 человек. Отдельные акции, разбросанные по России и миру, собирали и того меньше. Но жажда бессодержательного акционизма, свойственная всяким неолибералам, толкает различные организации на бессмысленные пикеты до сих пор. Более того, если увидеть список известных личностей, которые вступились за профессора, то мы увидим таких людей, как Славой Жижек, который предлагает вооружить Украину ядерным оружием и тем самым поставить мир на грань ядерного коллапса, только бы не дать развалить ультраимпериализм и сохранить его мещанское счастье.

19. «В центральный комитет РСДРП», письмо, 34-й том полного собрания сочинений.

20. Примеры развития такого протекционизма приведены здесь - <https://interaffairs.ru/jauthor/material/368?ysclid=lu17t88qz8662107145> .

Если говорить более обобщённо, то подобные этапы развития в капиталистических экономиках встречаются повсеместно ввиду неравномерности развития производственных и логистических мощностей. Именно поэтому в странах Европы в XIX веке активно продвигалось мнение, что теория свободной торговли - это изобретение английской политэкономической школы, которое полезно только для неё. Явным сторонником умеренного протекционизма был Фридрих Лист, с трудами

которого своевременно ознакомился Бисмарк и принял на вооружение ряд концепций. Также с его трудами был знаком Сергей Витте, что отражено в его работе «Национальная экономия и Фридрих Лист».

21. <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskiy-i-sovremennyy-liberalizm-sravnitelnyy-analiz/viewer>.

22. От сторонников рыночной экономики часто можно услышать про так называемый «скандинавский социализм». Правда заключается в том, что никакого социализма в таких странах, как Дания, Швеция и Норвегия попросту нет. Хотя бы потому что социализм, являясь переходной фазой к коммунизму, уже исходит из отмены частной собственности на средства производства и передачи этих средств в руки рабочих.

В Скандинавии легко проверить, что крупные заводы и фабрики принадлежат частным лицам. После Второй Мировой войны там стали сильны позиции социал-демократов, которые исходят из того, что различными социальными гарантиями и государственным регулированием можно сделать капитализм чуть более человечным и близким всему народу.

Приход к власти социал-демократов в Скандинавии был связан с простым и очень заметным фактом – наличием под боком мощной коммунистической сверхдержавы. СССР был готов поддержать рабочие движения в ближайших странах при первом намёке на их появление. Поэтому из стран Севера необходимо было сделать своего рода витрину. Показать, что и капитализм может быть приветлив.

Однако в специфике ультраимпериализма стоит усмотреть ещё один момент. Некоторые элементы скандинавского социализма внедрялись и в других государствах мира. Национальный бизнес в Европе и Америке стонет от высоких налогов на прибыль, которую раз за разом принимают парламенты в ультраимпериалистических колониях. Это можно объяснить через противоречие между транснациональным монополистическим капиталом и

национальными капиталами. Первый, используя госаппараты по всей стране через высокие налоги душит развитие национальных капиталов, дабы те не росли слишком быстро и не смогли составить конкуренцию транснациональному капиталу на глобальном рынке. За счёт этих налогов в том числе транснациональный монополистический капитал обеспечивает развитие общества потребления, создавая комфортно-мещанские условия жизни для значительного процента населения так называемых «стран первого мира».

23. Имеется ввиду госпереворот во Франции 1968 года. Именно в тот момент генерал Де Голль решил проявить свойственную империализму самостоятельность, и в стране разразились протесты, которые привели к смене правительства и курса страны на проультраимпериалистический. Нечто подобное наблюдалось и во время протестов во Франции 2022-2023 годов. Малограмотные как-бы-марксисты видели в этом чуть ли не «зачатки коммунистической революции», но ничего коммунистического в тех протестах и близко не было — была необходимость транснационального монополистического капитала прижать Макрона к ногтю. Это довольно характерная черта ультраимпериализма — его бенефициары могут использовать любой политически окрашенный протест для достижения своих наднациональных целей. Украинские нацисты или французские псевдомарксисты — разница для крупнейших финансовых воротил не велика, покуда эти силы не угрожают напрямую ультраимпериалистическому миропорядку.

24. <https://topcor.ru/38285-v-germanii-obankrotilis-bolshe-50-tysjach-kompanij-na-fone-jenergeticheskogo-krizisa.html>.

25. Это явно следует из публичных заявлений как Владимира Путина, сделанных на интервью Такеру Карлсону, так и из заявления Давида Арахамия, который представлял украинскую делегацию на переговорах в Стамбуле. Позже

это косвенно подтвердили в «The Wall Street Journal» (<https://rg.ru/2024/03/01/wsj-opublikovala-tezisy-stambulskogo-soglasheniia-2022-goda-mezhdu-rf-i-ukrainoj.html>) и

перечислили пункты проекта стамбульских договорённостей, среди которых:

- 1) Украина становится "постоянно нейтральным государством, не участвующим в военных блоках";
- 2) На украинскую землю не будет допускаться иностранное оружие;
- 3) Вооруженные силы Украины будут сокращены до определенного размера. РФ хотела ограничить все до определенных цифр: 85 тысяч военнослужащих, 342 танка и 519 артиллерийских орудий. Дальность действия украинских ракет была ограничена 40 километрами. Украина хотела иметь больше;
- 4) Крым остается под контролем РФ и на него не распространялись бы международные гарантии безопасности;
- 5) Русский язык должен действовать наравне с украинским в правительстве и судах;
- 6) Вопрос о будущем оккупированного Донбасса в проект включен не был. Вопрос оставили на усмотрение Путина и Зеленского в ходе личных переговоров.

Как можно видеть, требования весьма приемлемые, учитывая срыв двух минских договорённостей со стороны Киева.

26. В этом и заключается важная диалектическая сущность момента. Каждое государство с одной стороны сохраняет в себе империалистические задатки и стремления, которые продиктованы логикой развития капитала, но с другой стороны существует глобальный рынок и доминирующий на нём транснациональный монополистический капитал, который опирается на империалистические национальные экономики для продвижения собственных интересов и не может дать этим экономикам стать слишком сильными, иначе они начнут представлять для него угрозу. Также мировой характер производства и распределения даёт региональным империалистам козыри в руку при борьбе с

ультраимпериализмом. Ярким примером тому служат призывы США прекратить удары БПЛА с украинской стороны по НПЗ РФ (<https://www.kommersant.ru/doc/6581956>). Представить себе подобное в рамках классического империализма, когда в смертном бою встречаются два империалистических блока, попросту невозможно.

27. Ввиду целого комплекса факторов, для подробного описания которых потребовалась бы отдельная книга, после 1953 года СССР встал на путь контрреволюционного развития. В массе своей среди руководителей СССР постсталинского периода были не сознательные контрреволюционеры, а просто мало знакомые с марксистским методом люди, которые исходили из марксизма как идеологической догмы, а не метода анализа реальности. Хотя встречались и открытые контрреволюционеры, типа Александра Яковлева, который открыто писал впоследствии, что, руководя идеологическим аппаратом партии, он сознательно вёл работу по подрыву советских устоев. В этом смысле раны, полученные Страной Советов в Великую Отечественную войну, были настолько глубоки, что привели к развалу страны. Лучшие кадры были уничтожены на полях Великой Отечественной войны, а в партии не успели реализовать необходимые инструменты для подготовки новых кадров.

28. <https://www.rbc.ru/economics/25/12/2023/6589e06c9a79471a156594ff>,
<https://www.kommersant.ru/doc/6071090>.

Подобные тенденции в банковской сфере Китая отмечаются довольно давно. Вот что на эту тему пишут авторы книги «Кристалл роста: к русскому экономическому чуду»:

«Отличительной чертой современной концепции развития экономики Китая является тесное взаимодействие и фактическое управление Народным банком Китая со стороны Правительства. Эффективность такого взаимодействия отмечается в исследовании 2019 года, которое выполнил Центральный банк Австралии (Reserve Bank of Australia).

Согласно исследованию, в Китае Центральный банк по сути является

важнейшим инструментом Правительства по реализации государственных программ развития экономики. Центральный банк Китая полностью подотчетен Правительству Китая. Правительство определяет функции, состав и программу работы Комитета по денежно-кредитной политике ЦБ Китая.

Другой важной особенностью экономической политики Китая является то, что параметры денежно-кредитной политики определяются в четкой координации с бюджетно-налоговой политикой. Это является частью общего подхода, при котором основные направления макроэкономической политики определяются Правительством. Помимо ответственности перед Правительством ЦБ Китая отчитывается перед Парламентом Китая «по вопросам, касающимся денежно-кредитной политики и финансового надзора и контроля».

Поддержание стабильных цен на внутреннем рынке является одной из задач, которые решает ЦБ Китая. Другими целями являются стимулирование экономического роста, содействие занятости и поддержание платежного баланса. Кроме того, ЦБ Китая активно реализует финансовую реформу и трансформирует финансовый рынок, делая его более открытым. Чжоу Сяочуань, руководящий ЦБ Китая в 2016 году, утверждает, что многоцелевая структура Центрального банка Китая более естественно связана с уменьшением институциональной оторванности, поскольку решение широкого круга задач требует более высокой степени координации и сотрудничества между Центральным банком и другими правительственными учреждениями. При этом приоритетность той или иной задачи, стоящей перед ЦБ Китая, может меняться в зависимости от текущей политической и экономической ситуации. Так, например, в период с 2016 по 2018 год ЦБ Китая в первую очередь решает вопрос финансовой стабильности на фоне высокого уровня долгов. В последнее время в приоритете ЦБ Китая — задача роста экономики и обеспечения полной занятости населения».

29. Из-за отсутствия социалистического блока встал вопрос о надобности диктатуры транснационального монополистического капитала . Страны Европы

предпринимали попытки обособиться от экономического и политического влияния крупнейших мировых воротил. Социалистический Китай не воспринимался как угроза, потому как по экономической линии он был и до сих пор остаётся полностью встроен в экономическую систему ультраимпериализма. Китай отстаивал политическую независимость на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, но это не делало его серьёзным противником системы в то время.

Распад ультраимпериализма можно было отсрочить, включив Россию в систему и экономически, и политически. С первой задачей экспансия капитала справилась быстро, но со второй возникли проблемы. Промышленный и военный потенциал, который нарабатывали коммунисты в СССР, стал верной гарантией сохранения России даже после контрреволюционного переворота 1991 года. Именно наличие сильнейшей ядерной триады спасло страну от полного подчинения ультраимпериализму. Главный кошмар Вашингтона и всех его хозяев в 1990-х годах заключался в картине распада постСССР на десятки государств, каждое из которых могло потенциально ухватить пару сотен ядерных боеголовок. К власти в этих не реализовавшихся государствах могли прийти радикальные фундаменталисты, остатки реальных коммунистов, словом, те силы, которые всячески противостояли бы распространению американской ультраимпериалистической гегемонии.

Крупнейшие мировые воротилы хотели включить постсоветское пространство в орбиту своего влияния целиком и полностью. И что касается экономической интеграции, её Гайдар и Чубайс провели так лихо, что даже американские эксперты были в ужасе. Они говорили, что в неолиберальных реформах, названных «шоковой терапией», было «больше шока, чем терапии».

Но с политической интеграцией назрели проблемы. Как сейчас известно, Москва 1990-х и 2000-х вполне охотно была готова идти в НАТО или ЕС. Но пускать в военно-политические альянсы Россию, которая имеет столь широкий и технологически совершенный военный потенциал, транснациональный монополистический капитал посчитал большим риском. На это в том числе

намекал Бжезинский, говоря о «слишком вялой декоммунизации на постсоветском пространстве». Американцы хотели декоммунизировать ядерную отрасль, то есть лишить Россию ядерной триады или как минимум сильно её ослабить. С этой целью был заключён договор СНВ, который поначалу прилежно исполнялся Россией, но регулярно нарушался со стороны США.

США нужен медведь с вырванными клыками и когтями, то есть Россия без ядерного оружия. С такой страной они готовы «дружить» против Китая, против экологических угроз, против международного терроризма. Только такая «дружба» будет той же формой подчинения, в которой находится современная Европа относительно США и транснационального монополистического капитала.

30. Для борьбы с марксизмом обслуга капитализма в научной среде наштамповала самые разные идеологические конструкции, среди которых особенно выделяется концепция Карла Поппера. Он попросту поделил все общества на «открытые» и «закрытые», приписав первым всё самое хорошее, а вторым всё самое плохое, что только есть в социуме. Первое общество — это в сущности неolibеральная демократия, где абсолютизированы понятия «свобода слова» и «права человека», где приветствуется радикальный индивидуализм в самых изощрённых формах. Соответственно, все общества, где так или иначе проявляются ограничения личности в угоду коллектива, попадают в категорию «закрытых». Более примитивное деление, которое к тому же расходится с объективной реальностью и игнорирует политэкономические категории и вопросы собственности, представить сложно, однако концепция Поппера пользуется большой популярностью на Западе. Не зря один из самых одиозных богатейших людей мира — Джордж Сорос — назвал свой фонд насаждения неolibеральной демократии «Открытое общество» (нежелательная в РФ организация).

31. <https://globalaffairs.ru/articles/vybrannye-mesta-iz-perepiski-borisa-elczina-i->

32. Крайне рельефно это положение марксистского анализа отображено в письме Энгельса Йозефу Блоху. Вот несколько избранных мест оттуда:

«...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени....

Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до

анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов»; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница».

Это же подробно прописано и в других работах классиков марксизма, но здесь сформулировано наиболее чётко.

33. Равно как сопротивление классическому фашизму в итальянской, японской и германской форме заставило объединяться США и СССР, так противостояние современному глобальному неолиберальному фашизму приводит к объединению самых разных государств. Так, в одном союзе мы видим социалистические КНР и КНДР, религиозно-фундаменталистский Иран и буржуазно-демократическую РФ. Принцип прост: враг моего врага — мой друг. Экспансия транснационального монополистического капитала одинаково угрожает политической независимости самых разных стран, и ситуативное тактическое объединение вполне естественный выход для противостояния этой угрозе.

34. Трамп — империалист старой школы. Он не видит необходимости для американской экономики быть одной из голов ультраимпериализма и убеждён, что эпоха наднациональных институтов управления транснационального монополистического капитала должна закончиться. Но это отнюдь не означает, что США потеряют клыки империалиста. Даже напротив — демонтаж системы ультраимпериализма лишь развяжет руки американскому империализму, который отныне не будет скован НАТО и ООН.

Но для достижения этого заветного статуса империалиста Трампу необходимо выбить из Белого Дома ставленника ультраимпериалистических элит. И для

этого он способен пойти на многое, в том числе на остановку финансирования киевского режима. Виктор Орбан высказался на эту тему в интервью М1:

«Претендент на пост президента США Дональд Трамп пообещал не согласовывать финансирование для Украины в случае победы на выборах, а Европа в одиночку не сможет оказать ей достаточной поддержки и конфликт завершится. Об этом заявил венгерский премьер Виктор Орбан в интервью М1. “У него есть достаточно подробные планы, как положить конец этой войне, но я не уполномочен рассказывать о сути этих планов”, — сказал Орбан в ответ на вопрос, в чем может заключаться секретный план Трампа по прекращению конфликта».

Впоследствии Трамп свое решение частично изменил, он пришел к идее о том, что деньги союзникам США можно выдавать, но в кредит. Это чисто империалистическая логика. Трампитский Вашингтон, равно как Вашингтон байденовский или обамовский, будет стремиться контролировать стратегически важные регионы и готовиться к противостоянию с Китаем как главной политэкономической угрозой для американского империализма. Разница лишь в том, что Трамп будет консолидировать для этого все силы внутри США, а не распылять их по многочисленным ультраимпериалистическим колониям. Это не делает его другом пролетариата, но делает его победу предпочтительнее с тактической точки зрения, ведь она приближает демонтаж ультраимпериализма. Однако ряд последних событий заставил некоторых экспертов усомниться в действительности борьбы Трампа. Вдруг представитель Республиканской партии, один из сподвижников Трампа, Майк Джонсон пошёл на поводу у Демократов — ставленников ультраимпериализма — и вынес на согласование пакет помощи американским союзникам. Вдруг ряд уголовных дел против Трампа в американских судах развалились в один день. До этого некоторые СМИ писали о встрече Трампа и представителей ультраимпериалистических элит. В частности называются представители компаний Lockheed Martin, BlackRock и другие, то есть ВПК — одно из мощнейших лобби ультраимпериализма в Америке. Они согласились финансировать его

предвыборную кампанию и принудили Байдена согласиться на дебаты с Трампом. Из этого делается вывод, что Трампа купили, с ним договорились, его дожали, он будет вести «глобалистскую» ультраимпериалистическую политику в случае прихода к власти. Судебные дела сильно ударили по его кошельку, и элиты ультраимпериализма нашли подход к Трампу, сделали его покладистым. Возможен ли такой сценарий? Безусловно возможен. Дональд Трамп — это конкретный человек, который при конкретных условиях может не осознавать политэкономической ситуации, идти против неё, может отказаться от той борьбы, которую вёл. Правда, делать вывод о «покупке Трампа глобалистами» на основании пары-тройки статей в СМИ крайне преждевременно. Даже если принять это как факт, само явление трампизма Трампом не ограничивается. Объективные противоречия ультраимпериализма создают предпосылки для прихода в Белый Дом сил, которые хотели бы вырвать США из рук ультраимпериалистических элит. А это значит, что даже в случае отказа Трампа от тех идей, которые он декларировал на протяжении последних 10 лет, рано или поздно на его место встанет другой политик, который будет субъективным кристаллизированным выражением этого объективного политэкономического процесса. И дело не в провидении или судьбе. Дело в конкретных политэкономических аспектах, которые повлияли на формирование системы ультраимпериализма и в конечном счёте повлияют на её демонтаж.

35. Именно неолиберализм в России не даёт в полной мере развернуться борьбе за обретение политэкономического суверенитета. Неолиберальный компрадорский капитализм является тем якорем, который тянет на дно любые попытки страны обновиться, найти ресурсы к построению сильной индустриальной экономики, которая одна только и может стать двигателем дальнейшего развития России. Потому вопрос обществом должен быть поставлен чётко – либо неолиберализм, либо Россия. Мы выбираем Россию, и потому предлагаем подумать над следующими шагами по усилению экономики: нам требуется широкая национализация стратегических отраслей экономики;

особое внимание уделить монополизации банковской сферы под контролем государства; установить более строгое законодательство в отношении крупных и средних предпринимателей; ввести народное самоуправление на разных уровнях власти вплоть до губернаторского посредством создания Народных Советов и расширения полномочий профсоюзов; программа «избавления от роскоши», в которую входит значительное урезание зарплат госслужащих и общее сокращение расходов на административный сектор ввиду появления вышеназванных Народных Советов, занимающихся на началах энтузиазма администрированием закреплённых за ними территорий с объектами государственной инфраструктуры. Это вполне можно назвать «программой минимум», которую можно реализовать даже в рамках буржуазного государства, не говоря о «программе максимум», которая вкупе со всем этим установит диктатуру пролетариата.

36. «Мировой порядок» Генри Киссинджер.

37. Там же.

38. Там же.

39. Там же.

40. Там же.

41. <https://www.middleeasteye.net/news/netanyahu-calls-arabs-wild-beasts-while-announcing-israel-wall-plan>.

42. Организация коммунистов-интернационалистов (ОКИ) представляет собой троцкистскую организацию. Говоря о них, мы имеем ввиду конкретную часть российских леволибералов, которые в отличие от своих собратьев по теории и практике открыто признают Льва Троцкого прямым продолжателем дела Ленина, винят Сталина в уничтожении «ленинской гвардии» и ошибках, которые в результате привели к краху СССР. Значительная группа российского отделения ОКИ присоединилась к международному троцкистскому движению «Международная марксистская тенденция» после начала СВО, отколовшись от

Союза Марксистов. Более подробно генеалогию троцкистских размежеваний можно проследить в книге М. И. Басманова «В обозе реакции: троцкизм 30-70 годов».

43. 1) <https://www.finam.ru/publications/item/nornikel-teryaet-do-20-svoikh-dokhodov-iz-za-problem-s-platezhami-20240422-0938/?ysclid=lvwjbyarhf868195867>;

2) <https://www.interfax.ru/business/957163?ysclid=lvwjelp1ww140023926>;

3) <https://www.forbes.ru/milliardery/510949-potantin-anonsiroval-perenos-mosnostej-mednogo-zavoda-nornikela-v-kitaj?ysclid=lvwjgp7y6262426824>.

44. <https://lenta.ru/news/2022/08/12/doly/>.

45. <https://news.ru/vlast/zapadnye-stanki-v-rossii-perestanut-byt-umnymi/>.

46. КНР пытается вырваться из-под технологической пяты ультраимпериализма, в том числе производя собственные станки. Однако они всё ещё уступают европейским и американским моделям. Несмотря на то что значительная часть производства буржуазного мира в период холодной войны была вывезена в Китай, транснациональный капитал позаботился о том, чтобы Китай не смог быстро воспользоваться преимуществом физического нахождения производственных мощностей в рамках своей юрисдикции. Потому промышленный потенциал Китая может ограничиваться наличием в станках «умных чипов» (см. ссылку 57), ограничением доступа к технологиям производства и необходимому сырью, посредством контроля мировых производительных и распределительных цепочек из ультраимпериалистического центра. Сможет ли в конечном счёте Китай преодолеть этот технологический барьер и обрести экономическую независимость, соединив её с независимостью политической, большой вопрос.

47. <https://overclockers.ru/blog/TEXHAPb/show/73109/google-i-apple-mogut->

[zablokirovat-vse-smartfony-v-rossii-natalya-kasperskaya.](#)

48. https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=IndustryEmploy.

49. <https://www.kommersant.ru/doc/5966668?ysclid=lu5td39wrm184257819>.

50. <https://www.youtube.com/watch?v=lQb1f4hPeV0>.

51. Константин Сёмин, будучи некогда лицом российского левого движения, всё больше скатывается в проповедь выгодных космополитической буржуазии идеологем. Самая главная идеологема, которую очень усиленно разгоняет в общественном сознании Белый Дом и его прихлебатели, — китайская угроза, которая якобы вот-вот станет явной и швырнёт весь мир на грань ядерного апокалипсиса. Если буржуазные идеалисты объясняют подъём Поднебесной через свои лживые концепции геополитики и цивилизационного подхода, то господин Сёмин пыжится найти цитаты Маркса и Ленина, всячески напирает на как-бы-классовый анализ ситуации, называет КНР центром «второго империалистического блока» в противовес НАТО. Порой доходит до открытого вранья. Так, в большом видеоматериале про Китай господин Сёмин демонстрирует чудеса избирательной слепоты, заявляя, что нет в китайской конституции словосочетания «диктатура пролетариата», а значит никакой Китай не социалистический. Фраза из преамбулы конституции прошла мимо Константина, а там между прочим значится следующее: «Упрочилась и получила развитие руководимая рабочим классом и основанная на союзе рабочих и крестьян демократическая диктатура народа, то есть, по существу, диктатура пролетариата». Дублирует это положение и самая первая статья конституции КНР: «Китайская Народная Республика является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимым рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян».

То есть даже в непосредственных пунктах конституции даётся определение диктатуры пролетариата, но так как господин Сёмин не увидел в самих пунктах этого словосочетания, то сделал вывод, что о ней ничего не говорить.

В подобный конфуз господин Сёмин попал ещё раз, пока продолжал в российской среде распространять антикитайские, то есть проультраимпериалистические нарративы. Западные СМИ в 2024 году взорвались новостью о том, что министр обороны КНР якобы выразил полную поддержку Поднебесной России, и заявил, что и в военном деле Китай будет помогать России, чем сможет. Соответственно, Китай, который доселе занимал нейтральную позицию и ратовал за мирное урегулирование конфликта, как бы принял одну из сторон противостояния. Почему эту информацию приняли разносить западные, то есть ультраимпериалистические СМИ, — вопрос нехитрый. Антикитайская истерия им нужна, чтобы сплотить расползающихся по национальным норкам империалистов вокруг США и НАТО, указать на агрессивный характер китайского руководства и проводить дальнейшую политику по изоляции Китая и его союзников.

В своём ролике «Карл и Карлсон» Сёмин драматизирует, рисует дальнейший подъём «империалистического лагеря во главе с Китаем» и между прочим черпает эту новость из западных СМИ. Попутно он даже оговаривается, что это точно не фейк или ошибка перевода, Китай нарушил нейтралитет. Это довольно странно, потому как китайский МИД продолжает стоять на той позиции, которая была сформулирована Пекином ранее, — Китай за мирное урегулирование конфликта в Восточной Европе. Вот что говорит по поводу этой «сенсации» профессиональный переводчик-синхронист с китайского языка Денис Палецкий в телеграмм-канале «Китайский колокольчик»:

«Что в реальности сказал министр обороны Китая Дун Цзюнь (частично слышно на китайском, частично восстановлено со слов переводчика, который, напомню, ничего не искажал, а просто очень неудачно артикулировал):

1. В последние годы США и Запад стремятся изолировать (孤立) Россию.
2. Мы неизменно уделяем этому внимание (关心), твёрдо выступаем в

поддержку (坚 持 给 予 支 持) справедливости (正 义).
3. По украинскому вопросу (在 乌 克 兰 问 题 上): вопреки давлению США и Запада, атакующих (冲 击) даже наше сотрудничество с Евросоюзом по вопросам обороны, наша политика/позиция останется неизменной (不 会 改 变), отказываться от неё не станем (不 会 放 弃).
4. На сотрудничество между китайскими и российскими вооружёнными силами это не должно влиять и не повлияет.

Резюме:

В СМИ и пресс-службах, готовя сообщения, слепили из двух соседних фраз новую. Наделили высказывание смыслом, которого изначально в нём не было. Перед нами типичный образец манипуляции и подТАССовки. Морали нет. Зато есть совет: если кажется, креститься надо. Не верьте на слово, перепроверяйте у профессионалов».

То есть некоторые иностранные и российские СМИ совместили второй и третий пункты заявления китайского генерала и получился новый смысл. Самого выступления уже не найти, но провести элементарную перепроверку материала господин Сёмин вполне мог, просто не стал. Потому что Сёмин не честный исследователь, он агитатор. Многие считают, что он агитатор коммунистических идей, только вот коммунистические идеи заключаются в том числе в конкретном анализе конкретной ситуации, а господин Сёмин, как это ему свойственно, подводит под заранее ему известный нужный вывод любые данные, игнорируя другие. Такое вот «лицо левого движения». Неудивительно, что с таким лицом оно всё никак не может стать подлинно политически субъектным.

52. <https://iz.ru/1555319/2023-08-07/wp-soobshchila-o-sokrashchenii-ssha-importa-iz-kitaia-pochti-na-25> .

53. <https://www.rbc.ru/economics/25/12/2023/6589e06c9a79471a156594ff?ysclid=lu5tixx8w969140432>.

54. <https://www.kommersant.ru/doc/6071090?ysclid=lu5tjkb6uq972453983>.

55. <https://www.kommersant.ru/doc/6321258?ysclid=lu5tkbrplr136554607>.

56. Как известно, переход от капитализма к коммунизму проходит через переходную фазу социализма, которая наступает при взятии политической власти той общественной силой, которая начинает сознательно и научно вести социум к следующей общественно-экономической формации. В период социализма в таком государстве сохраняется многоукладная экономика, то есть могут быть активно представлены самые различные экономические виды хозяйствования. В СССР насчитывалось 5 таких укладов: патриархальный (натуральное, крестьянское хозяйство); мелко-товарное производство; частно-хозяйственный капитализм; государственный капитализм; социализм. Они описаны у Ленина в работе «О левом ребячестве и мелкобуржуазности». С этой работой было бы полезно ознакомиться, например, известному мир-системному экономисту Олегу Комолову, который заявлял, что разговоры о некоей многоукладности — это постсоветский буржуазный новодел в экономической науке.

Китай, сохраняя многоукладную экономику и руководство страны, сознательно ведет общество в новую общественно-экономическую формацию и является социалистическим государством, которому приходится действовать, исходя из мировой конъюнктуры. Китайские коммунисты испытывают трудности с дальнейшим движением к коммунизму из-за того, что встроены в глобальную экономику, а значит экономически зависимы от ультраимпериализма, но в то же время стараются использовать эту зависимость для ослабления ультраимпериализма, создавая дешёвые аналоги дорогих товаров и заполняя ими рынки стран «третьего мира». Более того, Китай способствует поддержанию тех режимов, в которых остались заметны социалистические тенденции (КНДР, Беларусь, Куба), пусть его возможности в этом и ограничены. Так, Китай через усиление собственного веса в мировом

производстве получает возможность постепенно отвязывать развивающиеся страны от ультраимпериализма, выводя их из-под диктатуры транснационального монополистического капитала через такие инициативы, как «Один пояс и один путь». Это созвучно инициативам Сталина, который стоял за созданием «Союза экономической взаимопомощи стран социалистического лагеря» (СЭВ). Осознавая опасность консолидации буржуазного мира и внедрения «плана Маршалла» в Европе после Второй Мировой войны, советское руководство стремилось создать альтернативную политэкономическую зону, которая позволила бы обезопасить развивающиеся государства от влияния формировавшегося глобального монополизированного неолиберального рынка. Впоследствии эти инициативы были загублены во времена Хрущёва.

57. «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов».

58. В. И. Ленин «Открытое письмо Борису Суварину».

59. В. И. Ленин «Падение Порт-Артура».

60. В. И. Ленин «Письмо В.А. Карпинскому от 19 января 1917 года».